

Глубинная ЭКОЛОГИЯ

- [Несс Арне. Экологический кризис и движение за глубинную экологию](#)
- [Хардинг Стефан. Что такое глубинная экология?](#)
- [Тэйлор Брон. Религия и политика «Земля прежде всего!»](#)
- [Форман Дэйв. Ставлю Землю на первое место](#)
- [Бари Джуди. Революционная экология](#)
- [Борейко Владимир. Призрак экотажа бродит по Европе \(интервью\)](#)
- [Бари Джуди. Феминизация Earth First!](#)
- [Бари Джуди. Беседа с Earth First! через Джуди Бари](#)
- [Несс Арне, Мейляндер Питер. Менталитет будущего](#)
- [Несс Арне. Простая по средствам, богатая по результатам. Интервью с Арне Нессом](#)
- [«Биоцентрическая анархия». Зин об одичании](#)
- [Шанц Джеффри. Солидарность в лесу: Redwood Summer, союзы радикальных энвайронменталистов и лесорубов](#)
- [Сейл Киркпатрик. Война за дикую природу в США](#)
- [Постников Виктор. Глубинная экология и децентрализация общества](#)
- [Несс Арне. Философские основания защиты природы](#)

Несс Арне. Экологический кризис и движение за глубинную экологию

1990, источник: [здесь](#), Гл.1 из книги Арне Несса "Экология, сообщество и образ жизни"

1. Тяжесть нашего положения

Человечество – первый обладающий интеллектом биологический вид на земле, способный сознательно ограничить свою численность и жить в устойчивом динамическом равновесии с другими формами жизни. Человеческие существа способны ценить и беречь богатство своего окружения. Наша биологическая родословная позволяет нам получать огромное наслаждение от сложного разнообразия жизни. Эту способность наслаждаться разнообразием можно развить, что позволит творчески взаимодействовать с нашим окружением.

Сегодняшняя глобальная культура, имеющая преимущественно техно-индустриальную природу, представляет собой, однако, серьезную угрозу для окружающей среды и лишает будущие поколения этого богатства. Мы все чаще начинаем задавать себе вопрос: а надо ли нам продолжать играть эту зловещую роль, которую мы для себя выбрали? Ответ, почти единогласно, будет негативным.

Первый раз в истории человечества мы стоим лицом к лицу перед выбором, навязанным нашей апатичной привязанностью к производству вещей. Хватит ли у нас сил на само-дисциплину и разумное планирование, чтобы поддерживать и развивать богатство жизни на Земле, или же мы упустим этот шанс и пустим все на самотек?

Краткое определение того, почему нашу ситуацию следует признать критической, можно сформулировать так:

Экспоненциальный рост и частичное или полностью необратимое ухудшение, или разрушение, окружающей среды через жестко установленные способы производства и потребления, и отсутствие соответствующих мер, предупреждающих рост населения.

Слова «ухудшение» и «разрушение» следует понимать, как понижение ценности окружающей среды. Необходима этическая система, которая позволит сделать недвусмысленный вывод: изменения негативны.

Химия, физика, и наука экология могут лишь признать произошедшие перемены, но не в состоянии оценить их с этической точки зрения. Но вы и я скорее всего согласимся с тем, что биологические условия в реке или океане, не позволяющие нормально существовать другим формам жизни, - это безусловно разрушение разнообразия. Неспособность науки экологии вынести этические суждения о том, что такие процессы, как вымывание почвы тропических лесов, предосудительны, говорит о том, что нам нужен другой подход, который будет учитывать ценностные характеристики, а не только «факты».

Нам необходимы такие типы обществ и сообществ, в которых человек будет наслаждаться ценностными характеристиками экологического равновесия, а не прославлять нейтральный рост экономики; сообщества, в которых совместная жизнь с другими живыми существами станет важнее их эксплуатации или убийства.

Данная дискуссия об экологическом кризисе необходима потому, что человеческие существа не реализовали свой потенциал взаимодействия с природой: этот кризис мог бы способствовать раскрытию нашего сознания для освоения осмысленной жизни, которая в большой степени проходит мимо нас или смазывается нашими стремлениями приспособиться к урбанизированному, техно-индустриальному мега-обществу.

Было бы неразумным ожидать, что такое улучшение может быть достигнуто большинством без жестоких политических схваток и глубоких перемен в экономических целях, преследуемых индустриальным обществом. Ценностные приоритеты социально и экономически обусловлены, и изменения этих приоритетов вызовут другие перемены в безграничном, динамичном целом.

Также опасно считать, что у какой-нибудь одной группы могут быть все знания для того, чтобы справиться с техно-экономической системой. Глубина кризиса в значительной степени вызвана неконтролируемым характером событий: события следуют друг за другом с ускоряющим темпом, хотя ни одна из групп, ни один класс, ни сама природа, не запланировала приход следующей фазы. Встроенные механизмы не дают этому темпу расслабиться. Вращающиеся колеса истории делают нас придатком самой машины, которую мы рассчитывали использовать для себя.

Достижение новых целей потребует усовершенствования этой машины не только властными элитами, но также и населением в целом. Население должно участвовать как можно шире – как в формулировании новых целей, так и способов их достижения.

2. Производство и потребление: идеология и практика

Прогресс, до сих пор со всей серьезностью, измеряется темпом потребления энергии, приобретением и накоплением материальных вещей. То, что обещает «материально улучшить жизнь», принимается в качестве первостепенной задачи без анализа того, что опыт такой «хорошей жизни» может не оправдать ее название. Но, как гласит пословица, «не попробуешь – не узнаешь», и все больше и больше людей на западе приходят к выводу, что вкус «хорошей жизни» явно не соответствует их ожиданиям. До сих пор выражение «Я богат» в значительной степени, но не полностью, определяет, что есть «хорошая жизнь». Но

одно дело высокое качество жизни; другое - высокий уровень жизни. И они могут не совпадать.

Политики и специалисты-энергетики говорят об экспоненциально растущей потребности в энергии, как если бы этого требовали люди, а не рынок.

Материальный уровень жизни и качество жизни представляются как одно и то же. Это ведет к требованию максимального увеличения богатства. Важно понимать, что рост происходит по экспоненте, и 1- или 2-х процентный годовой рост вызывает значительные социальные и технологические перемены в дополнение к колоссальному аккумулярованию перемен.

Глубокие корни промышленной и потребительской идеологии можно проследить во всех промышленных государствах, но возможно сильнее всего они заметны в богатых западных странах. Огромная умственная энергия внутри экономической жизни тратится на создание новых «потребностей» и привлечение новых клиентов, желающих повысить свое материальное состояние. Нам говорят, что если бы не "потребности", мы давно бы имели экономический кризис и поголовную безработицу.

Разочарование и беспокойство по поводу растущего искусственного темпа современной жизни также обыкновенно, не моргнув глазом, вносят в рыночный баланс. Но изменение идеологии производства и потребления невозможно без существенного изменения всей экономической машины. В настоящее время эта машина живет за счет искаженного представления о жизни. Пересмотр ценностных ориентиров в пользу всей полноты эмоционального опыта - когда качество жизни оказывается важнее уровня жизни - оказывается опасным предложением для хорошо смазанной системы.

Мы «прогрессировали» до такой степени, что цели хорошей жизни стали выглядеть как опасное предприятие; мы глубоко завязли в системе, которая гарантирует кратковременное благополучие для небольшой части населения, достигаемое посредством разрушительного материального изобилия. Привилегии изобилия ревностно охраняются на региональном уровне; в то же время, рост изобилия в Африке, Азии и Латинской Америке не приветствуется, т.к. ускоряет приход экологического Армагеддона.

Авторы, описывающие экологические проблемы и предлагающие свои решения, часто обращают внимание на экспоненциальные кривые, указывающие на кризисную ситуацию. Другие авторы, ищущие популярности, активно выступают за экономический рост в богатых странах и обращаются к совершенно иным кривым (см. напр., книгу Джулиана Саймона "Богатая земля", 1984): экспоненциальная кривая прибыли в экологии, кривая новых технологических достижений в борьбе с загрязнением и т.п. Законодательство в области защиты окружающей среды росло экспоненциально в 1970-х. Поэтому, есть ли смысл продолжать беспокоиться по поводу ухудшения ситуации? Один вопрос порождает другой: Если на беспокойство есть позитивная реакция, стоит ли вообще беспокоиться? Все идет хорошо, не правда ли...?

Однако заявление о том, что «экологический кризис скорее всего сам собой разрешится без наших усилий» принадлежит к классу самоотрицаний: чем больше люди будут верить в истинность этого высказывания, тем меньше шансов, что оно окажется истинным. И в нашем случае желательно чтобы оно оказалось ложным.

Я убежден в том, что потребуются сделать еще очень много, чтобы произвести позитивные сдвиги в нужном направлении. Экологи и другие ученые указывают, что мы по-прежнему на катастрофической траектории, но они не дают четких прогнозов, что должно произойти. Их заявления начинаются с «если»: Если мы будем продолжать жить так, как живем, произойдет то-то и то-то.

Кризис условий существования жизни на Земле может помочь нам выбрать новый критерий прогресса, эффективности и рациональных действий. Этот позитивный аспект нашей ситуации может привести к новому ренессансу; новым социальным формам существования вместе с высоким уровнем интегрированной технологии, экономическим прогрессом (и меньшим вмешательством в окружающую среду), и меньшими ограничениями для эмоционального опыта.

3. Наше экологические знания в значительной степени ограничены; экополитические следствия невежества

Экологическое движение опирается на результаты исследований в области экологии, а в последнее время, на т.н. реставрационную биологию (см. Soule 1985). Но к большому изумлению многих, научные заключения часто представляют собой признание в беспомощности: «Мы не знаем, каковы будут долгосрочные последствия от предлагаемого вмешательства в экосистему, поэтому не можем дать твердых заверений». Только в редких случаях ученые могут предсказать с определенной степенью вероятности действие нового химического соединения даже на небольшую экосистему.

Так называемые апокалиптические предсказания представляют собой заявления о катастрофическом состоянии дел, которое нельзя предотвратить без срочного принятия определенных мер. Но мы знаем очень мало или ничего об этих новых мерах. Тот факт, что население находится на катастрофической траектории не означает, что катастрофа обязательно произойдет. Ситуация критическая, поскольку мы не знаем, возможно ли быстро и радикально изменить данную траекторию.

Политики и общественность, которые в последнее время внимательно прислушиваются к словам ученых-экологов, сильно смущаются, когда слышат, что сама наука заявляет о своем незнании! Странно думать о том, что на основании незнания, политики могут рекомендовать те или иные меры. Мы же не знаем последствий! Должны ли мы следовать этим рекомендациям? Весь груз доказательств лежит на тех, кто покушается на окружающую среду.

Почему груз доказательств должен лежать на тех, кто покушается на природу? Потому что экосистемы, в которые мы вторгаемся, находятся, вообще говоря, в состоянии равновесия, которое можно считать более благоприятным и полезным для человечества, чем состояние

возмущения с его непредсказуемыми и далеко-идущими последствиями. В целом, восстановление первоначального состояния после вторжения и его серьезных нежелательных последствий, оказывается невозможным. Вторжение, обыкновенно с целью получения кратковременной выгоды для определенных небольших групп людей, оказывает отрицательный эффект для большинства форм жизни.

Изучая экосистемы мы понимаем, насколько мы невежественны. Эксперты, обращающие внимание на критичность ситуации, указывают на недостаток знания и предлагают исследовательские программы, которые могут дать дополнительные знания. Естественной реакцией политиков в этом случае должно быть предложение о круглом столе или отложение вопроса до тех пор, пока не будут получены дополнительные данные.

Например, предложение, которое должно противодействовать возможной гибели деревьев должно откладывается, пока не будет получена дополнительная информация о том, почему деревья гибнут. Население и официальные лица должны свыкнуться с новой нормативной процедурой: экологической экспертизой перед принятием рекомендаций и радикальными шагами по сохранению окружающей среды.

4. Движение за глубинную экологию

Термин «глубинная экология» был предложен в статье «Поверхностное, и глубинное, долгосрочное экологическое движение: итоги» (Naess, 1973). Вот некоторые выдержки из нее: Появление экологов из относительной безвестности означает поворотный пункт в наших научных сообществах. Но мессидж, который они принесли, перекручен и искажен. Два движения заслуживают внимания: поверхностное, мощное движение, и глубинное, менее влиятельное. Я остановлюсь на характеристике обоих движений.

1. Поверхностное экологическое движение:

Борьба с загрязнением и уменьшением ресурсов. Главная цель: здоровье и благополучие людей в промышленно-развитых странах...

2. Движение за глубинную экологию:

а. Отрицание образа «человек –в- среде» в пользу реляционного, тотального поля.

Организмы, как узлы в поле, связаны внутренними связями. Внутренние связи между А и В таковы, что они зависят от базовых свойств А и В. И наоборот: без этих связей, А и В теряют свои первоначальные свойства. Образ тотального поля не только устраняет понятие «человек-в-среде», но и понятие любого другого, отдельного от среды предмета, - за исключением случаев, когда речь ведется на поверхностном или предварительном уровне.

б. Биосферный эгалитаризм – в принципе. Условие «в принципе» введено потому что любая реалистическая практика предполагает наличие некоего убийства, эксплуатации и подавления. Работающему в области экологии необходимо испытывать глубокое уважение, даже почитание, путей и форм жизни. Он достигает понимания [святости жизни] изнутри, т.е. такого понимания, которое якобы присуще лишь людям. Для работающего в области

экологии равные права [всех существ] на жизнь и процветание должно быть интуитивно ясной и очевидной ценностной аксиомой. Сведение этих прав только к людям называется антропоцентризмом, что в конечном счете ведет к ухудшению качества жизни для самих людей. Качество нашей жизни зависит от глубокого удовольствия и удовлетворения, которое мы получаем от близкого партнерства с другими формами жизни. Попытка игнорировать эту зависимость и установить отношения типа «хозяин-подчиненный» приводит к отчуждению человека от самого себя.

В конце 1970-х гг. я столкнулся с трудностью формулирования общих взглядов, которые могли бы объединить тех, кого я называю сторонниками движения за глубинную экологию. Наконец, Джордж Сешнс и я сформулировали восемь пунктов, с использованием 179 слов и некоторых комментариев (см. следующий раздел). Мы пришли к тому, что наше предложение следует назвать «Платформой глубинной экологии». Ожидается, что разделение на «поверхностную» (или «реформистскую») и «глубинную» экологию будет полезным, и те, кто связывает себя с последней, будут работать над своими собственными формулировками (см. напр.. Rothenberg 1987). Любой набор формулировок будет неизбежно окрашен личными и групповыми предпочтениями. Поэтому необходимы разные формулировки.

В конфликтах на экологической почве сторонники глубинной экологии будут на одной стороне, однако положения платформы не отражают взгляды по поводу конкретных ситуаций, - они отражают наиболее общие и главные взгляды своих сторонников. Эти взгляды не главные в абсолютном смысле, они отражают лишь единство сторонников.

5. Платформа движения за глубинную экологию

- (1) Благополучие и процветание жизни на Земле -- как человеческой, так и не-человеческой, имеют свои, присущие им ценности (синонимы: внутренние ценности, природные ценности). Эти ценности не зависят от той пользы, которую человек извлекает для себя.
- (2) Богатство и многообразие форм жизни являются условием существования этих ценностей, и сами представляют собой ценности.
- (3) Люди не имеют права уменьшать богатство и многообразие форм жизни для удовлетворения своих интересов.
- (4) В настоящее время вмешательство человека в области, ему не принадлежащие, выходит за рамки допустимого и ситуация быстро ухудшается.
- (5) Процветание человеческой жизни и культуры возможно лишь при существенном уменьшении размера населения. Процветание жизни, не принадлежащей человеку, требует такого уменьшения.
- (6) Для радикального улучшения условий жизни следует изменить политику государств. Эти изменения должны повлиять на основные экономические, технологические и идеологические структуры.

(7) Изменения в идеологии главным образом заключаются в том, что качество жизни будет определяться природными (внутренними) ценностями, а не стремлением к повышению уровня жизни. Возникнет глубокое противоречие между большим и великим.

(8) Подписавшиеся под вышеприведенными пунктами берут на себя обязательство по прямому или не прямому участию в попытке осуществить необходимые изменения.

Восемь пунктов платформы нуждаются, конечно, в пояснении и развитии. Некоторые замечания.

(1) Вместо «биосферы» мы могли бы использовать «экоферу» для того, чтобы подчеркнуть нашу озабоченность не только формами жизни в узко биологическом смысле. Термин «жизнь» используется здесь расширительно, не в техническом смысле, и относится также к тем вещам, которые биологи могут отнести к неживым: реки (водоразделы), ландшафты, культуры, экосистемы, «живая земля». Такие лозунги как «пусть река живет» иллюстрируют более широкое понимание жизни, характерное для многих культур.

(2) Так называемые простейшие, или низшие, или примитивные виды растений и животных вносят чрезвычайно важный вклад в богатство и разнообразие жизни. Они имеют самостоятельную ценность, и не представляют собой лишь этапы на пути к т.н. высшим или разумным формам жизни. Второй принцип подразумевает то, что сама жизнь, как и эволюционный процесс во времени, «заинтересована» в увеличении богатства и разнообразия. Почему надо говорить о разнообразии и богатстве [жизни]? Предположим, что люди вторгаются в экосистему до такой степени, что 1000 позвоночных оказываются на стадии вымирания. Пункт (2) не выполняется. Богатство, близкое по смыслу к «изобилию», в данном случае резко уменьшается. Поддержание богатства означает поддержание среды обитания и числа особей (размера популяции). Здесь нет указания на конкретное число. Главный смысл в том, что жизнь на Земле может ухудшиться даже, если разнообразие поддерживается в полном составе. То, что сказано выше о биологических видах, справедливо также и для среды обитания и экосистем, имеющие весьма похожие свойства. Поэтому имеет смысл также учесть их.

(3) Данное положение, возможно, слишком строго сформулировано. Но, учитывая массу экологически безответственных заявлений по поводу человеческих прав, было бы весьма полезно объявить о норме, на которую их права не распространяются. Термин «жизненно важные потребности» несколько расплывчат, и поэтому я не даю ему строгое определение. Следует принимать во внимание различия в климате и других факторах, вместе с различием современных общественных структур. Также следует рассмотреть различие между средством удовлетворения потребности и самой потребностью. Если китобой в промышленной стране оставит свою профессию, он может остаться без работы в нынешних экономических условиях. Китобойный промысел для него важное средство для выживания. Но в богатой стране с высоким уровнем жизни китобойный промысел не является жизненно важной потребностью.

(4) Пункт о вмешательстве. Для реалистичной оценки глобальной ситуации, см. полную версию Стратегии сохранения мира (IUCN 1980). Есть и другие работы, которые я

рекомендую, такие как Глобальный отчет Президенту 2000 Джералда Барни (1980). Нельзя ожидать, что люди в богатых странах быстро уменьшат свое чрезмерное вмешательство в нечеловеческий мир и в одночасье станут жить скромнее. Меньшее вмешательство не означает, что люди не будут модифицировать некоторые экосистемы, как это делают другие виды. Люди изменяли Землю и будут продолжать это делать. Проблема в том, до какой степени такое вмешательство допустимо. Борьба за сохранение и расширение дикой природы или природы, близкой к дикости, должна продолжаться и направляться на сохранение общих экологических функции данных областей (одна из таких функций: сохранении больших пространств дикой природы для продолжения эволюционного развития животных и растений). Современные заповедники дикой природы недостаточно большие для проживания крупных птиц и млекопитающих.

(5) Ограничение численности населения. Стабилизация и уменьшение численности населения человечества потребует времени. Следует разработать промежуточные стратегии такого уменьшения. Но это ни в коей мере не оправдывает сегодняшнюю ситуацию. Сначала предстоит понять и признать чрезвычайную серьезность нынешней ситуации. Но чем дольше мы будем откладывать ее решение, тем более чрезвычайные меры понадобятся. До тех пор, пока не будут произведены глубокие демографические перемены, богатства и разнообразие жизни будут уменьшаться; темпы вымирания видов будут выше чем в любой другой период истории Земли. Законным может быть требование к миллиардам изменить свой образ жизни в направлении экологической ответственности, тогда нечеловеческая жизнь сможет опять процветать. В пункте (5) предполагается, что вероятность глубоких перемен в экономике и технологии недостаточна для решения этой проблемы [при сохранении численности населения].

(6) Требуется изменение политики. Проводимый сегодня индустриальными странами экономический рост не совместим с пп. (1) – (5). Современная идеология ценит только то, что имеется в дефиците, что полезно, и имеет рыночную цену. Поэтому престижно потреблять в больших количествах и производить много отходов. Экономический рост отмечает только рост в рыночных ценах, но не стоимости, включающие и экологические ценности. Хотя ключевыми лозунгами по-прежнему остаются «самоопределение», «местное сообщество», и «думай глобально, действуй локально», имплементация глубоких перемен потребует глобальных действий пересекающих каждую границу, что возможно будет входить в противоречие с кратковременными интересами местных сообществ. Поддержка глобальных акций через неправительственные организации становится все более важной задачей. Многие из этих организаций способны действовать локально от одной ячейки к другой, минуя тем самым отрицательное вмешательство правительства. Культурное разнообразие сегодня требует усовершенствованной технологии, т.е. техники, которая продвигала бы главные цели каждой культуры. Так называемые мягкие, промежуточные и соответствующие технологии будут правильными шагами в этом направлении.

(7) Некоторые экономисты критикуют термин «качество жизни», потому что для них он нечеткий. Но, при внимательном рассмотрении, то, что им представляется нечетким, на самом деле - неквантифицируемая природа термина. Невозможно квантифицировать то, что важно для качества жизни, и нет необходимости это делать.

(8) Здесь большая свобода для различных мнений относительно приоритетов. Что следует делать сначала, что потом? Что наиболее неотложно? Что необходимо делать в противовес тому, что наиболее желательно? Различные мнения по этим вопросам не должны исключать активное сотрудничество. Что мы выигрываем, если будем осторожно формулировать главные положения, разделяемые сегодня всеми сторонниками движения за глубинную экологию? Мы надеемся, что это облегчит поддержку движения «альтернативными» движениями. Мы надеемся, что это не приведет движение к изоляции, а, напротив, обеспечит лучшую кооперацию между многими движениями. Это также поможет некоторым из нас уточнить свою позицию, снять одни разногласия и отточить другие. В конце концов, как мы увидим, «разнообразие» - это высшая норма!

6. Как представлены темы глубинной экологии в книге

Как следует из платформы, движение за глубинную экологию затрагивает все важные современные личностные, экономические, политические и философские проблемы. После определенного отбора проблем, я сконцентрировался на главных темах, которые мне казались недостаточно проясненными или разработанными в уже опубликованных текстах.

Первые три главы книги посвящены двум неизбежным компонентам: оценочная характеристика и эмоции в мышлении и восприятии реальности, и как они приводят к зрелой, интегрированной личности, способной действовать на основе полноты своего мировоззрения. Стратегия и тактика движения за глубинную экологию зависит от этих необходимых следствий.

Глава 2 начинается с неизбежной терминологической дискуссии: каковы отношения между экологией, экофилософией и экософией? Центральной темой является преодоление узкой трактовки экологии как науки, и поиск мудрости посредством экофилософии, и приход к экософии - полноты мировоззрения, частично вдохновляемого наукой экологией и практикой движения за глубинную экологию. Социальное движение не относится к области науки; его выражение должно наполняться ценностями и приоритетом ценностей - нормами, правилами, императивами - которые в моей терминологии выделяются знаками восклицания.

Это подводит нас к философской теме: будет ли ценностный, спонтанный и эмоциональный опыт такой же истинный источник знания о реальности как математическая физика? Если мы ответим «да!», каковы будут последствия нашего описания природы? Движение за глубинную экологию может выиграть от большего акцента на спонтанный опыт, на то, что, на философском жаргоне называют «феноменологией».

В главе 3 углубляется анализ ценностного мышления и принятия решений. Как во всех научных открытиях, цепь аргументов в априорном мышлении базируется на посылах, которые не вытекают из других посылок. Это не значит, что конечный (ultimate), часто откровенно интуитивно-этический, вывод и другие нормативные выводы будут «субъективными».

Философия глубинной экологии настаивает на том, что каждый промежуточный аргумент должен проверяться его конечным базисом: теми ценностными приоритетами, которыми руководствуется зрелый человек или ответственная группа. Ограниченность поверхностного [экологического] движения не в том, что у него слабая или неэтическая философия, а в отсутствии четко выраженной озабоченности конечной целью, задачами и нормами. Поэтому значительная часть работы философов-сторонников глубинного [экологического] движения – это вопрос, адресованный узким утилитарным решениям: а как они относятся к конечной цели?

Важным инструментом этой деятельности является нормативная система. Это понятие иллюстрируется в Главе 3 кратким перечислением различных возможных систем конечных (ultimate) ценностей. Вводится предварительное понятие «Само-реализация!» как конечная норма.

Три последующие главы менее философски ориентированы, в них исследуются следствия философских проблем внутри обширных тем технологии (глава 4), экономики (глава 5), и политики (глава 6).

Технический прогресс никогда не бывает чисто техническим: ценность технических перемен зависит от того, как они влияют на культуру в целом. Оценка изменений в технологиях в узком контексте, без учета конечных культурных целей, подрывает само существование культуры. «Продвинутая» технология – то, что должно продвигать конечную цель жизни. Рациональность относительна: рациональное будет рациональным только если помогает достигать конечных человеческих целей, счастья или совершенства. Проблема технологий в нашем обществе должна быть поставлена более серьезно из-за ее важности для конечных целей.

Классическая экономика в значительной степени занималась человеческими потребностями. Ее задачи были как философские, так и практические. Современная экономика сузила свои задачи и подменила человеческие потребности спросом на рынке. Экософия ищет пути восстановления классической перспективы, с добавлением прозрений, сообщенных ей культурной антропологией. Главной задачей ведущих промышленных стран должна быть помощь развивающимся странам с тем, чтобы они не попали в ловушку «сверхразвития». Это значит, среди прочего, уход от оценки успеха экономической политики в терминах среднего уровня жизни к критерию качеству жизни, особенно для малообеспеченных слоев населения. Экософическое понимание экономики – это поддержка экономического идеала простоты средств и богатство целей.

В Главе 6 рассмотрено политическое измерение движения за глубинную экологию. Активные сторонники движения и их предшественники, такие как Джон Мюир, прошли через отчаянные политические сражения. Движение долгосрочное, политика быстротечна. Природа не оказывает давление на политиков, а они поддаются только, когда на них «давят». «Зеленые» партии и группы не могут похвастать победами. Но разделение на голубых, красных и зеленых, отмечается в политической жизни многих стран. Зеленые технологии, зеленая экономика, зеленая политика, зеленое сообщество и зеленые пацифистские движения – это все колонны, на которых держится богатство и разнообразие

жизни.

Некоторые сторонники движения ведут минимально зеленый образ жизни, в то время, как другие полагают, что мы должны начать с себя и радикально изменить образ жизни. Мне кажется, что мы должны признать, что фронт широк, и что сторонники могут найти свое место где-нибудь вдоль фронта – среди политических активистов, социальных реформаторов или тех, кто «ненавидит» политику и появление на публике.

В последней главе я возвращаюсь к основам и к моему варианту экософии, экософии-Т. Мне необходимо было собрать исторические доказательства в поддержку того, что природа обладает своей внутренней ценностью; я также выдвинул предложение, как создать мировоззрение, построенное на истинном уважении природы. Наконец, я соединяю самые главные нормы и гипотезы экософии-Т в систематический набросок и даю краткий комментарий относительно перспектив глубинной экологии на будущее.

Хардинг Стефан. Что такое глубинная экология?

1998, источник: [здесь](#), перевод - Виктор Постников.

Благодаря глубинному опыту, глубинному поиску и глубинной приверженности приходит глубинная экология

В 1960-х гг. Арне Нейсса так взволновала книга Рейчел Карсон «Молчаливая весна», что он решил заняться поиском философии для выявления причин экологического кризиса и найти решения для его преодоления. Будучи самым молодым профессором философии в университете г. Осло (ему было чуть больше двадцати), Арне проявил блестящие способности во многих областях, включая семантику, философию науки, труды Спинозы и Ганди. Но он был не только профессор. Его подход к экологии отмечен опытом всей его жизни; он был философом в истинном смысле этого слова, влюбленным в мудрость и влюбленным в горы. Ключевыми для него были глубокие отношения с горами Халлингскарвет в центральной части Норвегии, куда он переселился в 1937 г. в построенную им самим простую хижину на склоне горы Твергастейн («Скрещенные камни»).

Для того чтобы понять, что Арне Нейсс имел в виду под «глубинной экологией», нам надо представить себе это место: затерянный высоко в горах одинокий домик, смотрящий на великолепную панораму долин. Он жил там один, любясь просторной дикой панорамой, читая Ганди или Спинозу, и изучая санскрит. В своем не очень приветливом ретрите, заваленный снегом и льдом на протяжении почти всего года, где растут только лишайники и крохотные альпийские цветы, Арне провел почти десять лет, наблюдая за природой, карабкаясь по склонам, размышляя, делая записи и наслаждаясь близостью горы. Здесь на Твергастейне, где арктический ветер постоянно угрожал сорвать крышу, он написал свои самые важные работы по глубинной экологии.

«Экология» представляет собой раздел науки биологии, в котором рассматривается взаимодействие живых организмов между собой и окружающей средой. Для Арне Нейсса экологическая наука, занятая лишь фактами и логикой, не может ответить на этические вопросы о том, как следует жить. Для этого нужна экологическая мудрость. Глубинная экология ищет такую мудрость, концентрируясь на глубинном опыте (deep experience), глубинном поиске (deep questioning) и глубинной приверженности (deep commitment). Эти три условия представляют собой взаимосвязанную систему. Каждая из них способствует появлению двух других и поддерживает их; все вместе они составляют то, что Нейсс назвал экософией - развивающейся, но целостной философией бытия, мышления и действия.

Глубинный опыт – часто случай, благодаря которому человек становится на путь глубинной экологии. Алдо Леопольд в книге "Альманах Песчаного графства" приводит поразительный пример такого случая. Для Леопольда полученный опыт вызвал полный переворот в его работе в качестве менеджера заповедника. В 1920-х гг. по распоряжению правительства США он был призван разработать научную политику истребления волков на территории Соединенных Штатов. Оправданием для такого истребления было то, что волки соперничали со спортивной охотой на оленей, и поэтому в целях сохранения оленей для охотников должны были уничтожаться.

Работая менеджером в заповеднике в те далекие времена, Леопольд не сомневался в том, что люди важнее, чем остальная природа, и имеют моральное право делать все, что вздумается для достижения максимальной пользы.

Однажды Леопольд с друзьями делали обход по горам. У всех были ружья на тот случай, что могут повстречаться волки. Время подходило к обеду, и они присели на скале, нависшей над горной рекой. Вскоре они заметили похожего на оленя зверя, пересекающего речной поток, но присмотревшись внимательнее, увидели, что это стая волков. Все подняли ружья и стали палить, не особенно прицеливаясь. В конце концов на берегу осталась лежать одна старая волчица, к которой бросился Леопольд, чтобы убедиться в ее смерти. Но его встретил яростный зеленый взгляд, умирающий в глазах волка. Леопольд в главе, озаглавленной «Думать как гора», пишет: «В этих глазах было нечто совсем для меня новое – нечто, известное только волку и горам. Тогда я был молод и увлечен охотой; я полагал, что чем меньше волков – тем больше оленей, тем быстрее наступит рай для охотников. Но увидев, как умирает зеленый огонь, я понял: ни горы, ни волк никогда не согласятся со мной.»

Вероятно можно понять, что имел в виду Леопольд, когда говорил, что волк никогда не согласится с его точкой зрения, но как может безжизненная, безмолвная гора согласиться или не согласиться с чем-то? Что имел в виду Леопольд? Что он испытал в этот критический момент жизни? Ясно, что он использовал «гору» в качестве метафоры для экосистемы, в которой произошел инцидент, экосистемы как целостного живого существа, с волками, оленями и другими животными, облаками, почвой и ручьями. Впервые в жизни он почувствовал себя в единстве с этой необъятной экологической реальностью. Он почувствовал, что она способна выражать свое величие. Он почувствовал, что у нее есть своя собственная жизнь, своя история, и свое будущее. Он почувствовал, что экосистема – это большое существо, обладающее достоинством и самостоятельной ценностью. Это был момент великого освобождения и расширения сознания, радости и прилива энергии – истинно духовный, или даже религиозный, опыт. Его узко-мыслящее, манипулятивное сознание менеджера распалось. На место сознания, воспринимавшего природу как мертвую машину, работающую на человека, пришло понимание величия живой природы – того, что мы сейчас называем Геей.

Заметьте, что он не искал этот опыт, не ожидал и не конструировал. Он пришел к нему спонтанно. Нечто в умирающих глазах волка прошло через всю предыдущую подготовку Леопольда и изменило его сознание. После этого опыта, он уже смотрел на мир другими глазами, и занялся разработкой этики земли, в которой провозглашал: люди не выше других

видов и не имеют прав руководить или контролировать природу; люди-«такие же простые члены биотического сообщества». Ему также принадлежит знаменитое высказывание: «Если то, что вы делаете, способствует целостности, устойчивости и красоте биотического сообщества, это правильно, если нет - вы поступаете порочно».

Арне Нейсс подчеркивал важность такого спонтанного опыта. Ключевым аспектом такого опыта является восприятие гештальта, или сети отношений. Мы видим, что в природе нет изолированных объектов, что все объекты – это узлы обширной сети отношений. Когда возникает такой глубинный опыт, мы идентифицируем себя с тем, что видим. Такая ассоциация приводит к сочувствию (эмпатии) с нечеловеческой жизнью. Мы начинаем понимать, насколько наше физическое и психологическое благосостояние зависит от благосостояния природы. В результате возникает естественное желание защитить нечеловеческую жизнь. Обязанность и принуждение оказываются ненужными. Мы понимаем, что другие существа, начиная от микробов до многоклеточных организмов и экосистем заняты процессом раскрытия своего потенциала. Нейсс называет этот процесс самореализацией. Для нас, людей, самореализация означает широкую идентификацию со своим окружением, благодаря которой наша личность не ограничивается личным эго, а напротив, без конца расширяется. Нейсс назвал такую расширенную личность экологической личностью (ecological self). Поскольку все существа стремятся – каждый по своему – к самореализации, мы видим, что все существа имеют внутреннюю (природную) ценность (intrinsic value), вне зависимости от их экономической или какой-либо другой утилитарной ценности для людей. Наше человеческое стремление к самореализации такое же, как и у каждого живого существа. Существует фундаментальное, принципиальное, равенство между человеческой и нечеловеческой жизнью. Данный экоцентрический принцип противостоит антропоцентрическому взгляду, приписывающему внутреннюю ценность только людям и ценящего природу только с точки зрения ее полезности людям.

Новое понимание того, что мы принадлежим разумной вселенной, открытое благодаря глубинному опыту, часто приводит к глубинному поиску. Глубинный поиск помогает выработать непротиворечивую основу для выяснения фундаментальных понятий и транслировать эти понятия в решения, образ жизни и действия. Упор на действия очень важен. Именно действие отличает глубинную философию от других экофилософий. Это то, что делает глубинную экологию движением, в той же степени что и философией. Путем глубинного поиска, индивидуум формирует целостный взгляд на жизнь, позволяющий ему (ей) делать выбор образа жизни.

Задавая вопросы обществу, человек понимает его главные мотивы через экологическую точку зрения. Человек смотрит на коллективную психологическую причину экологического кризиса и видит связанные с ним социальные и политические кризисы. Человек также глубоко вглядывается в историю Запада и обнаруживает опасные корни антропоцентризма, проявленного сегодня в науке, философии и экономике. Он понимает, что глобализация западной культуры и свободного рынка ведет к разрушению как человеческой культуры, так и природы.

Такой глубинный поиск фундаментальных основ нашей культуры явно контрастирует с мейнстримовским поверхностным подходом через реформы. Последний заключается в

обеспечении «бизнеса-как-всегда» за счет «позеленения» бизнеса и промышленности, и принятия ряда мер, как-то: уменьшения загрязнения и защиты биоразнообразия, исходя из их монетарной стоимости. Подобные попытки делаются и в отношении изменений климата. Хотя сторонники глубинной экологии часто вынуждены стратегически принимать реформистский подход, их глубинный поиск остается. Поэтому они могут влиять на людей, с которыми сталкиваются профессионально.

Для глубинного поиска Арне Нейсс разработал четырех-уровневую систему в виде передника. В этой системе происходит движение (поиск) от практического уровня 4 к религиозно-философскому уровню 1. На Уровне 1 происходит раскрытие конечных, или высших норм личности (ultimate norms), из которых проистекают все ее действия и позиции. Это уровень, который мы достигаем, если спрашиваем «почему?» (подобно тому, как это делают маленькие дети), начиная с обыденных вещей. Постепенно процесс становится все более глубоким и мы способны делать важные умозаключения на основании глубокой интуиции и глубинного опыта. Например, один мой друг, который постоянно спрашивал «Почему?», в конце концов пришел к умозаключению: «Природа священна!». Высшая норма экософии Арне Нейсса - «Самореализация». Глубинный опыт, который вдохновил экософию Нейсса, основывался на понимании внутренней ценности и потенциала всей жизни. Конечные умозаключения заканчиваются знаком восклицания. Это свидетельствует о том, что мы достигли высших норм – указывающих, как следует думать или действовать.

Высшие нормы всегда принадлежат философской или религиозной сфере. И, будучи высшими, они не могут доказываться или вытекать из других норм. Высшие нормы не абсолютны. Они служат направляющими для принятия мудрых решений в результате систематических размышлений, начиная от наиболее абстрактных возможных выводов. Гарольд Глассер приводит хороший пример данного процесса. Представьте себе, что у вашего знакомого фермера, занимающегося органическим земледелием, высшая норма выражается лозунгом «Живи богато!» Если вы попросите его объяснить, как это выражается в повседневной жизни, он может сказать: «Жить богато для меня, значит использовать самые простые средства, потреблять минимум ресурсов, но получать максимальный результат – богатый опыт в отношениях с другими людьми». Здесь нет знака восклицания, поскольку это не норма, но следствие, вытекающее из высшей нормы данного человека.

Ввиду умозрительного характера данных следствий, Арне Нейсс назвал их гипотезами. Из гипотезы вытекает новая норма, называемая производной нормой и так далее. Наш фермер мог бы выразиться так: «Живи просто!» Это привело бы к норме: «Эффективное использование ресурсов – требование простоты». Это в свою очередь, привело бы к новой, пониженной норме «Будь эффективным!», в результате чего фермер решил бы перерабатывать бумагу и другие материалы.

Молодой брокер из Лондонского Сити мог бы иметь ту же высшую норму, что и фермер, но в его случае процесс производных умозаключений привел бы к совершенно другим конкретным выводам. Из высшей нормы он мог бы вывести гипотезу: «Жить богато – значит тратить деньги», что в конце концов, привело бы его к непомерному потребительству.

Пример Глассера ясно показывает, как одно и то же вербальное выражение высшей нормы ведет к противоположным экологическим следствиям. Однако он указывает, что высшие нормы, ведущие к экологически-гармоничным действиям, всегда содержат широкую идентификацию [с окружающими]. Высшие нормы могут сильно отличаться одна от другой. Например буддист и христианин могут по-разному относиться к существованию Бога, но оба захотят спасти и поддерживать жизнь. Поэтому есть необходимость в базисных положениях, которые принимались бы широким кругом сторонников глубинной экологии, с различными высшими нормами.

По этой причине Арне Нейсс и Джордж Сешнс составили Платформу глубинной экологии, также известную как восьмеричная платформа движения за глубинную экологию. Положения этой платформы представляют собой Уровень 2 передника, и должны действовать как своего рода фильтр процесса глубинного поиска. Если вы в целом согласны с положениями платформы, вы попадаете под зонтик движения за глубинную экологию и можете выбрать себе место среди ее сторонников. Платформа не должна быть доктринерской и строгой, это скорее набор некоторых дискуссионных точек зрения, открытых к уточнению людьми, в целом принявшими их. Действительно, версия, которую вы видите здесь, была изменена по отношению к оригиналу, участниками курса по глубинной экологии в Шумахер-колледже в 1995 г. Некоторые сторонники глубинной экологии рассматривают платформу как своего рода законченную экософию. Здесь Уровень 1 широкой идентификации представляются первыми тремя положениями, представляющими собой высшую норму, «Внутреннюю ценность!». Положения 4 – 7 рассматриваются как мост между высшей нормой и личным образом жизни, в то время как пункт 8 относится к вашим конкретным действиям.

На Уровне 3 происходит переход от общих принципов Уровня 2 к исследованию конкретной ситуации личности. Какие здесь существуют возможности для изменения образа жизни и активизма, согласующихся с вышестоящими уровнями передника? Наш фермер находился на Уровне 3, когда изучал возможность переработки материалов. Возможно наш молодой брокер, после глубинного опыта широкой идентификации с окружением, полученным в условиях австралийского буша, придет к выводу о необходимости сменить работу. По возвращению в Лондон, на Уровне 3 он решит пересмотреть свою жизнь и найти работу, согласующуюся с его новым мировоззрением и навыками. Он свяжется с людьми, выяснит уйму вопросов, будет долго раздумывать и в конце концов решит действовать. Тогда он окажется на Уровне 4, и когда он наконец найдет новую работу в качестве советника по этическим вопросам, он будет использовать только общественный транспорт и велосипед. Таким образом он закончил процесс, выбрав образ жизни, при котором каждое его решение и действие напрямую согласуются с высшим уровнем его экософии.

Платформа глубинной экологии 1

1. Благополучие и процветание жизни на Земле -- как человеческой, так и не-человеческой, имеют свои, присущие им ценности (синонимы: внутренние ценности, природные ценности). Эти ценности не зависят от той пользы, которую человек извлекает для себя.

2. Богатство и многообразие форм жизни являются условием существования этих ценностей, и сами представляют собой ценности.
3. Люди не имеют права уменьшать богатство и многообразие форм жизни для удовлетворения своих интересов.
4. В настоящее время вмешательство человека в области, ему не принадлежащие, выходит за рамки допустимого и ситуация быстро ухудшается.
5. Процветание человеческой жизни и культуры возможно лишь при существенном уменьшении размера населения. Процветание жизни, не принадлежащей человеку, требует такого уменьшения.
6. Для радикального улучшения условий жизни следует изменить политику государств. Эти изменения должны повлиять на основные экономические, технологические и идеологические структуры.
7. Изменения в идеологии главным образом заключаются в том, что качество жизни будет определяться природными (внутренними) ценностями, а не стремлением к повышению уровня жизни. Возникнет глубокое противоречие между большим и великим
8. Подписавшиеся под вышеприведенными пунктами берут на себя обязательство по прямому или не прямому участию в попытке осуществить необходимые изменения.

На Уровне 4 существует много различных образов жизни и действий. Социальные экологи, естественно, будут бороться с несправедливостью, экофеминистки будут пытаться противодействовать гендерному неравенству, биологи, занятые природоохраной, будут документировать животных и предупреждать вымирание биологических видов, анти-глобалисты будут выступать против свободной торговли и глобализации. Арне Нейсс подчеркивал, что "фронт широк", и что мы должны понимать и поддерживать сторонников разных подходов, которые могут отличаться от наших. Такой радикальный плюрализм – существенная характеристика движения за глубинную экологию. При работе с людьми, которые не признают широкий фронт и стремятся подорвать такую работу, Арне Нейсс предлагает использовать метод ненасилия Ганди, в котором главное – не потерять уважение к фундаментальной человечности вашего оппонента.

Наконец, мы пришли к глубинной приверженности – результату, объединяющему глубинный опыт и глубинный поиск. Когда экологическое мировоззрение развито, люди действуют используя свои лучшие качества и энергию, и привержены поставленным целям. Такие действия, мирные и демократические, ведут к экологическому равновесию (устойчивости). Раскрытие экологической личности приносит радость, что в свою очередь расширяет ее идентификацию и приверженность целям.

Примечания

1 Положения Платформы приводятся без модификации. - ВП

Примечания переводчика:

Стефан Хардинг преподает в Шумахер-колледже теорию Геи и глубинную экологию.

Стефан работал с известным ученым Джеймсом Лавлоком (основателем теории Геи) по

компьютерному моделированию Геи (Земли).

Очень хорошую видео-лекцию Стефана Хардинга (части 1-10) можно найти [здесь](#)

Тэйлор Брон. Религия и политика «Земля прежде всего!»»

Источник: [здесь](#). Опубликовано в: «Третий путь». — № 23. — С. 4-10.

Многие обозреватели считают принципиальным отличием EF! («Земля прежде всего!» — ред.) от других экологических групп воинственную тактику, используемую ими. На самом деле разница гораздо глубже. Их этика и деятельность опираются на биоцентрические убеждения, основанные на религиозных чувствах...

Недавний раскол в движении произошел не столько из-за несогласия в этих убеждениях, сколько из-за споров о стратегии и тактике. Несмотря на внутреннюю напряженность EF! и аналогичные радикальные группы, похоже, будут играть все более важную роль в предстоящей экологической борьбе.

Бомба, подложенная в автомобиль активистов EF! и проникновение ФБР и арест еще пяти-шести членов катапультировали эту группу в поле зрения широкой публики. Эти радикальные экологи готовы нарушать закон ради спасения дикой природы — они совершают акты гражданского неповиновения, останавливают вырубку деревьев, вбивая в них гвозди, убирают столбики, которыми строители отмечают свои площадки, или уничтожают бульдозеры — практика, которую они называют «экотаж» или «разборки» (в оригинале «манкиренчинг» — т.е. акция разводным ключом — ред.).

Как сторонники, так и противники EF! признают важность религии в экологических конфликтах. Один крайний пример мы находим в письме, написанном, предположительно, человеком, подложившим бомбу калифорнийской активистки EF! Джудди Бари, который, цитируя Гenezис 1:26, пишет, что «этот одержимый демон Джудди Бари говорила толпе, что деревья — не божий дар людям, а что сами деревья — боги и срубить их — грех. Я почувствовал, что сила Господа шевелится в моем сердце и понял, что я был Избранным для уничтожения этого демона». Письмо заканчивается предупреждением другим почитателям деревьев, что их ждет та же судьба, поскольку «Я — мститель Господа». Неизвестно, подлинно это письмо или нет, хотя в нем есть доказательство того, что его написал именно тот человек — включая точное описание бомбы и трудно подделываемый рассказ, свидетельствующий о христианском фундаментализме и психической болезни. Независимо от того, подлинное это письмо или оно сфабриковано, чтобы отвести подозрение от истинного преступника, оно иллюстрирует, как за природоохранными противоречиями могут скрываться соревную-

щиеся духовные ценности.

Консервационист Олстон Чейс выражает ту же озабоченность, но без обертонов насилия. Он критикует «бездумный пантеизм» и «тайные ереси» радикальных экологов и жалуется, что воинствующие экологи некритически приняли высказанное Линн Уайт обвинение, что иудаизм и христианство создали антиприродные тенденции на Западе. Чейс считает, что статья Уайт дала природоохранному движению «призыв к духовной реформе», враждебной западной религии.

Хотя бойцы EF! отвергают организованную религию и многие из них недолюбливают ярко выраженные религиозные ритуалы и песни, ставшие теперь очень популярными в движении, большинство все же говорит о «духовной» связи с природой. Члены EF! часто утверждают, что необходимо вновь сделать природу священной. И действительно, сердце и душа EF! лежат в радикальном «экологическом сознании», которое интуитивно испытывает глубокое чувство священности и взаимосвязи всего живого. Из этого чувства идут и утверждения, что всему живому, и даже целым экосистемам, присуща внутренняя ценность.

Мифы EF!

Все религиозные традиции используют миф, символ и ритуал: мифы обычно описывают, как произошел мир (космогония), как он устроен (космология), что такое люди и на что они способны и не способны (моральная антропология) и что случится в будущем (эсхатология). Теория эволюции дает первичную космогонию, которая является источником «биоцентрической этики» или «глубинной экологии», исповедуемой EF!. Если все биологические виды прошли через один и тот же процесс, и ни один не был создан для особой цели, то, отмечает философ из EF! Кристофер Мэйнс, метафизическое обоснование антропоцентризма исчезает вместе с идеей, что человек находится на вершине «великой цепи существ» и правит миром. «Если всерьез говорить об эволюции, — заключает Мэйнс, — то нет основания рассматривать человека как существо, развитое выше других видов. Homo sapiens — не цель эволюции, так как насколько нам известно, у эволюции нет цели, она просто разворачивается — одна форма жизни за другой...». Этическое значение этой космогонии заключается в том, что, поскольку эволюция породила жизнь во всем ее многообразии, то эволюционный процесс сам по себе обладает наивысшей ценностью. Главный приоритет EF! отдает охране и восстановлению природной окружающей среды, так как она дает необходимый генетический набор для продолжения эволюции.

Но это еще не дает ответа на вопрос: почему все-таки мы должны в первую очередь заботиться об эволюции, или о дикой природе? Мэйнс, выводя человека из центра внимания морали, не объясняет, в чем же состоят истинные ценности. Именно поэтому в EF! так много думают о духовности — она должна стать критерием оценки эволюционного процесса и сравнения порождаемых им форм жизни. Сам Мэйнс ищет корни «глубинной экологии» и EF! в «глубоком духовном притяжении людей к природе». Даже сторонники биоцентрической этики, во много основанной на эволюционной космогонии, часто прибегают к религиозным метафорам, объясняя свои чувства.

Некоторые течения в EF! явно религиозны и возводят происхождение своих биоцентрических чувств к даосизму, буддизму, колдовству или языческому обожествлению земли. Среди них есть даже несколько христианских природных мистиков. Однако, наиболее важный духовный источник активистов EF! напоминает то, что историк религии Аманда Портерфилд называет «духовностью американских индейцев». Это «контркультурное (и религиозное) движение, приверженцы которого считают себя противниками культурной системы американского общества». Центральные постулаты этой духовности, говорит Портерфилд, «включают осуждение американской эксплуатации природы и отношения к индейцам, положительное отношение к доколониальной Америке, как к священному месту, где природа и люди существовали в гармонии и изобилии, уверенность в том, что образ жизни американских индейцев противоположен американской культуре и превосходит ее по всем параметрам и вера в то, что индейский образ жизни может служить для обновления американской культуры».

Лучшим названием для убеждений EF! будет первобытная духовность, так как участники EF! верят, что мы должны заимствовать опыт из бесхитростной жизни различных первобытных народов, не только североамериканских. Больше того, не только доколониальные американские ландшафты священны, но дикая природа вообще, где бы она ни сохранилась или не была бы восстановлена.

Многие члены EF! называют себя трайбалистами, а большинство приверженцев «глубинной экологии» верят, что первобытные племена могут дать нашему обществу основу для новой религии, философии и отношения к природе. Больше того, члены EF! все чаще обсуждают важность ритуала для любого племенного «общества воинов». На встречах, проходящих на природе, они иногда устраивают ритуальные воинственные танцы, имитируя при этом волчий вой. Действительно, волки, медведи — гризли и другие животные исполняют роль тотемов, символизирующих мистическое родство между племенами и звериными народами.

Коренные американцы (индейцы — прим. перев.) часто воспринимают животных как родственные «народы» и через «ритуальные вхождения» расширяют границы общества и морали за пределы человеческого общества. Некоторые члены EF! разработали свои собственные «ритуалы вхождения», так называемые «Советы всех Существ», на которых проводятся ритуалы, устанавливающие духовную связь человека с другими существами и даже со всей планетой. Во время этих ритуалов люди представляют себе, что в них входит дух какого-нибудь существа, или даже скалы или реки, и высказывают свою боль от дурного обращения со стороны людей. Воплощая в себе животных, участники призывают к доброте и гармоничным отношениям между всеми гражданами экосистемы. Экстатические ритуальные танцы, изображающие межвидовое и даже планетарное единство, могут продолжаться всю ночь напролет. Такие ритуалы обостряют чувство того, что все в мире взаимосвязано и священно.

Мыслить как гора

Один из центральных мифов зарождающейся традиции EF! был заимствован из эссе Олдо Леопольда «Мыслить как гора», написанного в 1949 г. Он начинается с того, что предполагает, что гора обладает мышлением более высоким, нежели наше. Затем он описывает ощу-

щение однажды испытанное им, когда он подходил к застреленному им волку, как раз «вовремя, чтобы заметить в его глазах умирающий зеленый огонь. Я понял тогда, и с тех пор всегда знал, что в этих глазах было что-то новое для меня — что-то известное только ему и горе. Я был молод тогда... Я думал, что чем меньше волков, тем больше оленей, что если не будет волков, это будет раем для охотников. Но увидев, как угасает зеленый огонь, я почувствовал, что ни волк, ни гора не согласны с этим».

У членов EF! эта история развилась в мифообразную басню с моралью, в которой волк общается с человеком, подчеркивая родство всей жизни. (Общение человека с животными — обычная тема в первобытных религиозных мифах, а превращение человека в животное и наоборот — часть шаманизма. Многие члены EF! говорят об интересе к шаманизму). «Зеленый огонь» волка стал символом жизни среди дикой природы, как части ритуала. Вскоре после основания группы несколько активистов EF! провели контрольную поездку «Зеленого огня» с представлениями и встречами биоцентристов. «Дакота» Сид Клиффорд, бывший певцом в этих представлениях, называет все это «экоивангелизмом». Клиффорд вспоминает, что после этих представлений люди часто подходили к нему со слезами на глазах. Новообращенные желали узнать, как им смыть с себя грехи против природы. Во время этих представлений человек, изображавший волка, просил людей отказаться от разрушения и почитать Землю и всех ее обитателей. Некоторые представления кончались дружным воем зрителей, символизировавшим идентификацию с волками и дикой природой вообще.

Танец эковоинов, происходящий на сборах EF! и описанный в одноименной газете, состоит из «бьющих барабанов, обнаженных неандертальцев и диких животных. Индустриальная машина была (символически) остановлена детьми, размахивающими гаечными ключами. Почти все участвовали в первобытном восхвалении дикой природы». Рассказывая о том, как воины покидали праздник, автор восклицает: «Зеленый огонь все еще жив и свободен, когда мы рассеиваемся по всей стране». Так первобытная духовность объединяется с мыслью, что настоящая человеческая жизнь — это жизнь на природе под защитой Матери Земли.

Охота за бульдозерами

Экотаж, разумеется, выполняется не только символически, в ритуальном танце: экотаж и гражданское неповиновение сами по себе ритуальные действия. Некоторые участники EF! признают это. Лидер EF! Дэйв Формэн, хотя иногда и объявляет себя атеистом, тем не менее говорит об экотаже как о ритуальном акте: разборки — это «форма почитания земли. Это очень вдохновляющая штука, когда ее делаешь». Религиозные ритуалы превращают обычное в священное, даже изменяют состояние сознания. Ритуалы EF! ничем от них не отличаются. Другой член EF! экстатически объясняет: «Когда проводишь акцию, с тобой происходит что-то волшебное. Ты можешь не спать всю ночь, а потом быть настороже весь день. Появляется чувство магии, спокойствия, ясности. Это настоящая жизнь». Джон Дэйвис, редактор газеты EF!, предложил разработать ритуал принятия, в котором использовались бы прямые действия: «Ритуал принятия в племя жизненно важен для первобытных культур... так почему бы не возобновить обряд инициации и другие обряды в форме акций самозащиты? Подростки могли бы заслужить право называться взрослыми, успешно завершив ритуальную охоту, как в старые времена, только дичь будет новой — бульдозеры и иже с ними».

Экофеминизм — еще один источник ЕF!-овского почитания природы. Его идеи были включены в литургию ЕF!: многие песни-гимны, которые можно услышать на собраниях, высмеивают отношение мужчин к природе и к женщинам, оплакивают убийство ведьм мужчинами и прославляют различных языческих богинь земли.

Экофеминизм и первобытная духовность — близкие родственники еще одного движения — биорегионализма, контркультурного движения, связи которого с ЕF! в последнее время усиливаются. Биорегионализм видит будущее в сообществах всех существ, живущих гармонично и просто в пределах различных экосистем. Он критикует индустриальные общества, основанные на концепции роста, предпочитая им локальную, самоснабжающуюся и экологически устойчивую экономику с децентрализованным политическим самоуправлением. Биорегионалисты разделяют мнение ЕF! о ценности и взаимосвязи всей жизни. Духовные воззрения биорегионалистов очень близки первобытной духовности ЕF!.

Членов ЕF!, естественно, очень привлекает биорегионализм. Дэйв Формэн даже предположил, что биорегионализм это просто еще одно обозначение идеала ЕF! : «примитивного будущего». Он добавил также, что ЕF! может служить биорегиональной милицией, ополчением: когда биорегионалисты живут в каком-то месте и становятся этим местом, они должны защищать его с помощью воинственной тактики ЕF!.

Предвидение экоколлапса

Но перед тем, как биорегионализм начнет процветать, считают многие ЕF!-овцы, индустриальное общество должно сколлапсировать из-за собственной экологической неустойчивости. Теория, согласно которой общество создает экологическую катастрофу, содержа в себе зародыш своего будущего разрушения, является ключевой частью еще одной мифологической структуры ЕF! — апокалиптической эсхатологии. Если после долгих страданий выживает достаточная часть генетического фонда планеты, эволюция продолжит свой естественный ход. Если люди также выживут, у них будет шанс восстановить племенной образ жизни, как например, биорегионализм, который совместим с эволюционным будущим. Эдвард Эбби, чья повесть «Банда гаечного ключа» помогла сформировать движение, дает следующий пример эсхатологии ЕF!: «Неважно, называется оно (индустриальное общество) капитализм или коммунизм... (оба) уничтожают природу и себя... Я предсказываю, что военно-промышленное государство исчезнет с лица земли в ближайшие 50 лет. Вера в это — основа моего врожденного оптимизма, источник моей надежды на будущую более высокую цивилизацию: рассеянные поселения людей с умеренным населением, живущие рыболовством, охотой, собиранием пищи, мелким фермерством, собирающиеся раз в год в руинах покинутых городов для проведения фестивалей морального, духовного и интеллектуального обновления — народ, для которого природа не площадка для игр, а их естественный и родной дом».

Итак, пока биорегионализм концентрирует свое внимание на разработке моделей будущего, многие сторонники ЕF! считают, что биорегионализм не сможет воплотиться в реальность без предварительного экоколлапса. Так, говоря о биорегионализме, Формэн критикует большинство биорегионалистов, «погрязших в компосте, органических садах, ремесленничестве, переработке утильсырья» и т.п. Хотя, говорит он, «все... это важно, но биорегионализм —

это больше чем практика, это освящение (Земли) и самооборона».

Даешь бу-бу!

Остановиться здесь — значило бы дать неверную картину. Безусловно, биоцентристские и эволюционные взгляды, первобытная духовность, восточные религии и целый паноптикум различных духовных течений внесли свою лепту в формирование мировоззрения EF!. Конечно, многие EF!-овцы не доверяют разуму, беря свои фундаментальные предпосылки их интуиции и ощущений: любовь к диким, священным для них местам и проистекающего из нее гнева при виде разрушений этих мест. Разумеется, традиция развивалась, впитывая и вырабатывая великое множество мифов, символов и ритуалов. Но и доводы разума не забыты: экология как наука и политический анализ свойственны работе EF!. Многие в движении озабочены излишним вниманием к духовной стороне дела, которую они называют «бу-бу».

Джон Дэйвис, который сам несет ответственность за множество дискуссий о духовности и ритуалах предостерегает: «Кажется, духовный подход к планете и ее проблемам растет... В последнем выпуске нашей газеты эта тенденция заметна. Там было много статей о священных местах, ритуалах и прочем, но очень мало статей, имеющих отношение к природе. (Мы почти сменили наш лозунг «Никаких компромиссов в защите Матери-Земли» на «Даешь бу-бу»...) Священные места, ритуалы и вопросы личного развития важны... Но EF! может потерять эффективность, если будет заниматься этим в ущерб испытанной временем практике экологических разработок... и другой логической деятельности».

Экологическая наука дала толчок первой волне логической деятельности EF!. «Мы находимся в состоянии войны, — прямо говорит Формэн, — войны индустриального общества против мира природы. Если вы посмотрите на то, что пишут ведущие ученые, вы узнаете, что мы можем потерять треть всех биологических видов в ближайшие 40 лет... Мы живем в один из крупнейших эпизодов вымирания живых существ за три с половиной миллиарда лет эволюции». Подобный анализ вместе с духовным ощущением ценности нетронутых экосистем приводит к радикальной критике как индустриального общества, так и человеческого размножения.

Нам нужен не только биорегиональный трайбализм как новый принцип организации общества, но и отсутствие вклада в прирост населения как тест для включения в племя. Газета EF! полна призывов размножаться меньше и даже иногда печатает статьи, защищающие геноцид в качестве средства против перенаселения. (На одном из собраний какая-то женщина спросила меня: «Как можно оправдать семью, имеющую двоих детей?». Беседы — это мощное средство распространения прокреативной ортодоксальности в движении). Основу прокреативной этики хорошо сформулировал Чим Бли: «Затраты на ребенка, родившегося в семье из нашего среднего класса, эквивалентны затратам на 40 детей в третьем мире — включая вырубку старых деревьев, усиление нагрузки на удаленные пастбища, ирригационные проекты по обводнению пустынь... Подумайте, прежде чем обзаводиться ребенком. Еще один вызывающий страдания. Еще один страдающий. Стерилизуйтесь сейчас». Некоторые юмористы даже предложили использовать презервативы в качестве пропуска на встречи EF!.

Политический анализ породил вторую волну логической деятельности EF!. Основатели EF! были обозленные консерваторы, зализывающие свои раны после проигранной битвы против акта федерального правительства о пересмотре и переоценке диких местностей 1980 года. Лоббисты пришли к выводу, что правительство охраняет только «скалы и лед», а не районы, наиболее важные для сохранения биологического многообразия. Больше всего они были удивлены тем, что в то время, как они обращались к здравому смыслу, обосновывая свои предложения доводами экологической науки, их оппоненты действовали как сумасшедшие, переводя дебаты в плоскость таких «святых» понятий, как частная собственность и «американский образ жизни». Больше того, несмотря на их умеренность, их окрестили «экологическими экстремистами». Итак, решили они, раз доводы разума часто отвергаются, то, возможно, нужна группа диких безрассудных фанатиков. Общей стратегией было создать группу настоящих экстремистов и тем самым усилить фланг обычных зеленых организаций, которые выглядели бы более умеренными. В дальнейшем они захотели проводить линию «глубинной экологии», которая отнюдь не вдохновляла обычных экологов, и поднять уровень дебатов от охраны зрелищных мест до сохранения биологического многообразия. По их мнению это требует защиты и приведение обширных территорий в их природное состояние. Группы основного направления вообще редко предлагали восстановление, и уж никогда — в крупных масштабах.

Кроме попыток предоставить самим своим присутствием козырную карту обычным экологам, EF! начала экспериментировать с гражданским неповиновением и «разборками» в качестве согласованной стратегии с целью защитить биологическое многообразие и увеличить уровень экологической озабоченности.

Гражданское неповиновение и особенно уничтожение оборудования, используемого для разрушения природы, драматическим образом продемонстрировали моральные принципы движения: биологическое многообразие важнее чрезмерных желаний и собственности жадных людей.

Нарушая закон

Когда люди нарушают закон, руководствуясь при этом совестью, особенно в формально демократическом обществе, они чувствуют необходимость морально оправдать свои действия. Обычные оправдания, к которым прибегают сторонники EF!, могут быть в общем описаны как «все очень плохо»; представительная демократия — это подделка, поскольку ее контролируют преступники — предпринимательская банда и ее соучастники в правительстве, которые нагло насилуют землю. «Природа — наш дом, и незаконные прямые действия оправдываются необходимостью самозащиты». Что касается экологических групп, то их попытки сохранить биологическое многообразие провалились, поскольку они опирались на антропоцентристские и индустриальные предпосылки современной культуры. Хуже того обычное инвайронментальное движение было захвачено хорошо оплачиваемыми бюрократами и адвокатами, которые больше заботились о своих карьерах, нежели о Земле. Основное течение экологизма было куплено, а природа — продана.

Гражданское неповиновение первоначально считалось тактикой затягивания времени: «в надежде что (в будущем) информированные нами граждане когда-нибудь более полно поймут необходимость сохранения природных ресурсов»; в ближайшем же будущем эта тактика должна дать время одержать победы в судах и собрать материалы для судебных дел («бумажные разборки»). Экотаж тоже считался средством для оттягивания или предотвращения разрушения дикой природы, а опять-таки, в ближайшее время он должен был дать шанс сохранить хоть частично биологическое многообразие. «Когда беспомощно трепыхающийся зверь», как Хеви Волк называет индустриальное общество, «наконец-то ко всеобщему благу захлебнется собственным дерьмом, останется хоть какая-то часть дикой природы, которая послужит семенем восстановления всей планеты».

Столь же важным объяснением экотажа стала и идея о том, что вредительство действительно может содержать разрушительную деятельность — вышибая из бизнеса самых злостных разрушителей Земли, уничтожая их прибыли замедлением темпа их работы и ликвидацией их орудий. Ранние опыты, во время которых некоторые активисты нашпиговывали деревья гвоздями и тем самым сорвали несколько сделок по продаже леса, убедили многих участников EF! в том, что экотаж может быть эффективным.

Другие же участники движения сильно сомневались в эффективности экотажа. Разногласия по поводу вредительства привели к недовольству внутри движения и к первому расколу в движении со времени его основания в 1980 году.

Раскол в EARTH FIRST!

Некоторые обозреватели, такие как Майкл Парфит, считают, что напряженность в движении возникла между «прагматической» и «духовной» фракциями. Но, хотя некоторые действительно не в ладах с духовностью в движении, подавляющее большинство все же с уважением относится к различным формам сакрализации Земли. Мы уже отмечали духовную сторону Формэна, но Парфит относит его к подозреваемым прагматикам. Возможно Парфит был введен в заблуждение фразой Формэна «Все эти бу-бу не для меня», и не придал внимания ее продолжению: «но биологическое разнообразие хорошая вещь». Однако, не все формы духовности ортодоксальны. Сторонники EF! часто высмеивают духовность «Новой эпохи» за ее антропоцентризм и излишне оптимистичный взгляд на роль человека в приближении нового золотого века с помощью технологии.

Дэйв Формэн, Кристофер Мэйнс и некоторые другие крупные фигуры EF! недавно заявили об уходе из движения. В некоторых своих выступлениях они неосторожно обвинили соперничающую фракцию, базирующуюся в основном в Калифорнии и Орегоне, в отказе от биоцентризма. Калифорнийско-Орегонская фракция под предводительством Джудди Бари, Дэррил Черни и Майка Россела (один из основателей движения недавно стал сотрудником GREENPEACE), они в свою очередь, на повышенных тонах заявили, что фракция Формэна — мизантропическая, расистская, элигаристская и игнорирует вопросы социальной справедливости, неразрывно связанные с биоцентристской концепцией. Лучше все-таки рассказать об этом споре более объективно и точно, не прибегая к описаниям, даваемым одной партией — другой в пылу словесной битвы. По моему мнению, раскол основан скорее на разногласиях

по поводу стратегии и тактики, чем на фундаментальных различиях в области морали: обе фракции остаются на позициях биоцентризма (например портрет, нарисованный мной выше, относится к обеим фракциям).

Я называю фракцию Формэна/Мэйнса «дикарями», потому что они стараются обращать внимание EF! исключительно на дикую природу, а тем самым, по их мнению, на биологическое многообразие и биоцентризм. (Новый журнал, который они начали издавать в 1991 году, называется «Дикая Земля»). «Дикари» считают, что привязывать охрану природы к другим вопросам, таким как социальная справедливость, антиимпериализм или права рабочих, означает отпугивать многих потенциальных сторонников. Они также часто называют себя истинными патриотами, пытаясь сохранить святыне ландшафты Америки. Иногда они поднимают американский флаг, но не из национализма (поскольку система морально обанкротилась), но потому, что они верят, что флаг может символизировать любовь к земле, которая полностью отвечает их настроениям. К тому же, как однажды сказал мне Формэн, они не хотели бы оставлять мощь этого символа целиком в руках таких убийц земли, как Рональд Рейган и Джеймс Уотт (печально знаменитый секретарь по внутренним делам Рейгана).

Группу, противостоящую «дикарям», я прозвал «святошами» — это группа Бари, Черни и Россела, которая настаивает на том, что необходимо исследовать, как угрозы биологическому многообразию связаны с другими социальными проблемами. (Название «святоши» им подходит тем более, что они тяготеют к более открытому выражению своих духовных устремлений). «Святоши» придерживаются мнения, что активизм, основанный на разделении экологических и социальных моментов, неизбежно потерпит неудачу, так как биологическое многообразие уничтожают не только коммерческие вторжения в биологически богатые природные области, но и само индустриально общество. Согласно Джудди Бари, концепция «глубинной экологии» подчеркивает взаимозависимость природы и общества, а концентрация внимания на дикой природе «противоречит самой теории биоцентризма». Бари продолжает, говоря о том, что нужно бороться одновременно против эксплуатации природы и классов: «Наше общество было построено на эксплуатации как низших классов, так и земли».

Таким образом спор идет по следующему вопросу — должно ли движение EF! отдать относительный приоритет социальным проблемам, которые на первый взгляд могут показаться не связанными с проблемами экологическими.

Тактические разногласия

С этим спором связана и дискуссия, считать ли наиболее эффективной тактикой гражданское неповиновение или экотаж, а также дебаты о конечной цели прямых действий: создать массовое движение или помешать коммерческим нашествиям в биологически чувствительные зоны.

«Святоши» считают стратегической целью создать массовое движение, чтобы прекратить разрушение природы, и в конце концов вообще вытеснить индустриальный образ жизни. Они убеждены, что гражданское неповиновение, смысл которого — подъем экологического

сознания в обществе — наилучшая стратегия для массового движения. Хотя многие «святоши» в свое время отдали дань «разборкам», да и сейчас не отвергают их полностью, они считают, что не стоит преувеличивать их значение. Некоторые думают, что «разборки» чаще всего приносят больше вреда, чем пользы. «Святоши» полностью отвергли практику забивания гвоздей в деревья, опасаясь, что лесорубы могут получить ранения, а их усилия организовать массовое движение пойдет прахом. Россел жалуется, что «Формэн не понимает, что с помощью гражданского неповиновения мы сегодня можем сделать больше, чем с помощью «разборок»». Джудди Бари добавляет: «Я не думаю, что люди, прокрадывающиеся по лесам, чтобы насыпать песку в бензобак бульдозера, могут обеспечить нужный уровень давления... Единственное, что приносит изменения, это страх утратить контроль над обществом». Чтобы спасти Землю, считает она, мы должны расширить свою деятельность за пределы среднего и высшего среднего белых классов, так как это «именно они больше всех выигрывают от разрушения Земли».

«Дикари», в свою очередь, предпочитают гражданскому неповиновению «разборки», надеясь помешать индустриальному обществу и сохранить столько дикой природы и биологического многообразия, сколько возможно, по крайней мере до тех пор, пока не грядет экологический коллапс, который введет людей в новый, более простой и скромный образ жизни. Они, в основном, считают, что возможности тактики гражданского неповиновения сильно преувеличены. «Дикари» убеждены, что гражданское неповиновение попросту непрактично, поскольку EF!овцы обычно бедны и не могут себе позволить быть арестованными и оштрафованными. Этот аргумент стал значительно сильнее, когда несколько активистов проиграли судебное дело, возбужденное против них после блокады вырубки леса — они должны были выплатить компании 58000 долларов в качестве компенсации за ущерб и штрафа. Формэн настаивает, что удачное вредительство не подвергает участников такому риску и может быть «исключительно эффективным».

Технологические различия

Мне кажется, что корни описанного выше раскола уходят в малые, но значительные различия в эсхатологии и мнениях относительно человеческой природы. «Святоши» более оптимистичны, нежели «дикари» в том, что касается возможности обращения человечества в биоцентризм и изменения образа жизни людей. (Они испытали большое влияние идей «гуманистического потенциала» и менее враждебно настроены к верованиям и представлениям «Новой эпохи», чем «дикари»). Короче говоря, они еще не разочаровались полностью в возможности добровольного самореформирования человечества.

«Дикари» же скептически настроены по отношению к людям. Они презирают то, что они называют гуманизмом «святош» — что гневно отвергают таких «святош» как Джудди Бари, которая говорит, что и она и другие часто подвергали себя опасности и были ранены во время своих акций по спасению лесов. Бари называет Формэна и прочих мужскими шовинистами, а некоторые другие называют их даже фашистами. «Дикари» либо разочаровались в реформах, либо не верят в их эффективность. Они скорее склонны верить в возможности Матери-Земли. В их более апокалиптическом представлении, экоколлапс, видимо, неизбежен, но если они внесут свою лепту в создание помех индустриальному разрушению, то это может быть

не так плохо. Экоколлапс может быть способом самозащиты Матери-Земли — средством избавления от человеческого индустриального рака и создание условий, нужных людям для выработки нормальных способов ведения хозяйства.

Наконец, раскол был связан с разными уровнями приверженности ненасилию. Отвечая на вопрос об этике «разборок», члены EF! выдвинули два варианта ответа: во-первых, «Никому не вреди. Не дай себя поймать. Если поймали, не стучи»; во-вторых, «Не дай себя поймать. Никому не вреди. Если поймали, не стучи». Эти два лозунга отражают еще один источник напряженности в движении: обе фракции придерживаются принципа ненасилия, но «святоши» отдают ему приоритет. «Дикари» побаиваются, что ненасилие, основанное на пацифистском гуманизме, может противоречить самой природе и биоцентризму. Люди — это животные, и могут быть ситуации, когда выживание зависит от эмоционального ответа. В одной статье было высказано мнение, что насилие может привести к меньшей сумме насилия в итоге, оно может оказаться необходимым, чтобы хирургическим путем избавиться от «гангрены, которой заражена Земля».

Несмотря на эти трения и недавний раскол, радикальных экологов гораздо больше объединяет, чем разъединяет. Все они разделяют глубоко духовный биоцентризм, все они почитают множество мифов, символов и ритуалов зарождающейся глубокой экологии и сомневаются в готовности системы, или в ее желании ответить нужным образом на надвигающуюся экологическую катастрофу и все они — приверженцы незаконных прямых действий для спасения генофонда планеты. Как «святоши», так и «дикари» верят, что именно их тактика наиболее успешна. При условии тщательной подготовки обе эти тактики действительно можно считать подающими самые большие надежды.

Перспективы радикального инвайронментализма

Некоторые участники EF! надеются, что основа этики изменится с антропоцентризма на биоцентризм, а этика господства — на этику почтения к земле. Кое-кто надеется даже, что это изменение произойдет в 1990-е годы и «заставит 60-ые выглядеть, как 50-ые». Но реальная оценка влияния и перспектив таких движений — трудная эмпирическая задача. EF! действительно обращает на себя внимание. Одним из проявлений этого внимания является проникновение ФБР в ряды участников. Другое доказательство серьезности EF! можно найти в отчетах об ущербе, нанесенном «экоатажниками», который заставил некоторые компании увеличить затраты на охрану, а в некоторых случаях нанимать своих агентов для слежки за радикальными зелеными.

Было бы преждевременно давать сколько-нибудь определенную оценку успешности действий подобных групп, тем более, что оценка будет зависеть от используемого подхода. Дэвид Формэн говорит, что спасение одного дерева или одного акра, на котором обитают волки или гризли, уже достижение. У тех, кто желает добиться возникновения массового движения, критерии успеха более высоки, но они тоже могли бы указать на некоторые победы,

одержанные с помощью прямых действий. Широко распространено мнение, что движение EF! впервые привлекло внимание и открыло дебаты по многим, прежде игнорировавшимся экологическим проблемам. Многие группы, принадлежащие к основному течению зеленого движения признают, что их позиции были усилены уже тем, что существует такая безрас- судная организация, как EF!. Эти группы основного течения все чаще, хотя и негласно информируют EF! о возможностях для их уникальной в своем роде деятельности. Один из руководителей американских индейцев однажды в частной беседе сказал мне, что он был очень рад, когда EF! провела кампанию, прервавшую коммерческую деятельность, угрожав- шую его резервации.

С другой стороны, некоторые считают, что экотаж приносит больше вреда, чем пользы. На это Т.О.Хелленбах отвечает:

«Обвинения, что «разборки» отпугивают широкую публику, проистекают из неполного пони- мания пропаганды и истории. Научные изыскания в области пропаганды показывают, что подавляющее большинство людей помнит новости только в общих чертах... Единственное, что остается, это основные понятия типа «противостояние вырубке лесов». История же гово- рит, что прямые действия находят столько же сторонников, сколько и противников... Боль- шинство же нерешительно топчется между двумя конфликтующими позициями».

Я же считаю, что радикальные зеленые достигают своей цели, расширяя набор обсуждае- мых тем, таким образом подтягивая среднее арифметическое общественного мнения ближе к точке зрения самих экологов, ближе, чем оно было бы без радикалов. Если это так, то вли- яние EF! и аналогичных групп будет усиливаться, по мере их роста и усиления сопротивле- ния. Разумеется, будет и негативная реакция. Но в основном, противники радикальных групп будут из числа уже враждебно настроенных к экологическому движению, то есть общественное мнение не будет сдвигаться в сторону противников зеленых.

Более важно, однако, что рост числа приверженцев биоцентристской этики вообще и этого движения в частности приведет к увеличению их влияния в Северной Америке. За десять лет газета EF! набрала свыше 15000 регулярных читателей. Появилось множество мелких изданий. Очень сильно выросли ряды похожих, но менее воинственных групп, включая GREENPEACE и группы освобождения животных. Радикальные экологические группы появля- ются и за границей, более того, наиболее смелые акты экотажа происходили именно за пре- делами Соединенных Штатов. По мере того, как растет ущерб природе, наносимый индуст- риальным ростом, будет расти и ярость зеленых — собственно, она только зарождается. В зависимости от точки зрения, воинственность EF! дает либо надежду, либо зловещие предз- наменования зеленого будущего.

Форман Дэйв. Ставлю Землю на первое место

1993, Источник: [здесь](#). Опубликовано: Foreman Dave, 1993, *Putting the Earth first*, In «*Environmental ethics: divergence and convergence*», ed. Camp Susan, Boston—London, pp. 422—426, Перевод В. Борейко.

В июле 1987 г., семь лет спустя после памятного собрания у костра, породившего движение «Прежде Земля!», я взошел на трибуну, украшенную знаменами движения «Прежде Земля!» и американскими флагами перед аудиторией в несколько сот человек. Дело происходило среди сосен рожи Пондероза в залитой солнечными лучами Северной оконечности Гранд Каньона. Публика была очень разношерстной: хиппи в завязанных вокруг шей рубашках и шортах, «деревенщина» в ковбойских бутах и шляпах, любители прогулок на природе, принадлежащие к «буржуа», старики и дети. Энергия, исходящая от этих людей, была очень сильной. Я не мог себе даже представить, чтобы движение «Прежде Земля!» соберет столько сторонников. Мы привлекли общенациональное внимание; мы стали менять параметры дебатов по поводу экологии; мы стали легендой в преданиях сторонников охраны природы.

Все же, спустя семь лет мне стало казаться, что мы начали терять остроту видения наших задач. Начиная «Прежде земля!» я сказал: «Пусть наши действия станут наилучшими проявлениями нашей философии». Но сейчас меня заботит то, что процесс наших действий заслоняет их причины. Для некоторых наводранцев нашего движения действия кажутся оправданными сами по себе. Я почувствовал необходимость возврата к основам охраны природы и принципам движения «Прежде Земля!», определяющие его характер. Реакция на эти принципы была настолько положительной, что позже, этой осенью, я развил их в «Earth First Journal».

Вот эти принципы.

1. Во всех решениях, даже если это идет вразрез с благом людей, в первую очередь следует руководствоваться благом Земли. Наше движение называется «Прежде Земля», а не «Прежде люди». Иногда то, что является узким, кратковременным интересом людей, будь то все люди или какая-то группа, вредно для здоровья биосферы (и в итоге для долговременного блага людей). Наше движение утверждает, что природное разнообразие должно быть сохранено за счет уменьшения материального стандарта жизни людей. Мы хотим сохранения природного разнообразия, хотим, чтобы это разнообразие, создававшееся 3,5 млрд. лет оставалось неизменным. Люди должны «подстроиться под планету»; было бы высокомерием утверждать, что все на этой планете должно подстраиваться под требования людей. Первоочередными соображениями должны быть долговременные здоровье и

биологическое разнообразие Земли. Лишь после мы можем подумать о благе людей. Мы должны заботиться о других людях, но сперва мы должны позаботиться о Земле.

2. Не считать людей мерилom ценности других. Индивидуальная человеческая жизнь имеет не большую присущую ценность, чем жизнь индивидуального медведя. Человеческие страдания, вызванное засухой и голодом в Эфиопии трагичны, но уничтожение там же других существ и среды обитания еще более ужасно. Поэтому, это подводит нас к следующему пункту.

3. Энтузиастское принятие философии глубинной экологии или биоцентризма. В основе этой философии лежит утверждение о том, что все живые существа и сообщества обладают присущей ценностью и подлинным достоинством. Природные существа живут ради самих себя, т.е., опять-таки, они имеют ценность. Растения, животные и даже неодушевленные объекты, вроде гор и рек, не должны существовать лишь ради удобства человека. Наше биоцентрическое мировоззрение не поддерживает современную концепцию «ресурсов». Доминирующие философии нашего времени (иудео-христианская, исламистская, капиталистическая, марксистская, научная и светского гуманизма) антропоцентричны. Люди, согласно им, — центр Вселенной, не смешиваемые с природой и наделенные уникальными ценностями. Мы — прямая оппозиция такой философии. Наша философия рассматривает Землю как сообщество, и признает что такие, казалось бы бесспорные враги как «болезни» (например, малярия) и «вредители» (например, москиты) это не проявления зла, которое нужно устранить, а жизненные компоненты сложной, кипучей биосферы.

4. Осознание того, что дикая природа это реальный мир. Охрана дикой природы — фундаментальный вопрос. Природа это не просто парки или сценичные пейзажи. Это природный мир, арена эволюции, котел, из которого появились люди, дом тех, с кем мы разделяем эту планету. Дикая природа это реальный мир; наши города, компьютеры, самолеты, вся деловая цивилизация — всего лишь искусственные и преходящие явления. Важно помнить то, что лишь незначительная часть нашей истории проходила вне дикой природы. Сохранение природного разнообразия — наиболее важный вопрос. Вопросы, касающиеся лишь людей, не столь существенны. Экология учит нас тому, что все в этом мире взаимосвязано, и в этом отношении все проблемы должны рассматриваться с перспективы сохранения природы — например, предотвращение ядерной войны — но наиболее важные кампании должны вестись сегодня напрямую во имя природного мира.

5. Признание того, что на Земле слишком много людей. Сегодня нас слишком много — в США, в Нигерии; в городах, в деревнях; с кирками, с тракторами. Хотя налицо явное неравномерное распределение богатства и базовых средств жизни, этот факт не должен использоваться — как это делают «левые» — в утверждении о том, что чрезмерное население не является проблемой. Это большая часть проблемы; нас уже слишком много — и наше число продолжает расти астрономически. Даже если несправедливое распределение будет устранено, 6 млрд. людей, превращающие природный мир в материальные блага и пищу уничтожат природное разнообразие.

Это признание чрезмерного роста населения не означает, что мы должны игнорировать экономические и социальные причины чрезмерного роста населения, и не должны критиковать аккумуляцию богатства в руках немногих и продажный характер международных корпораций и хунт Третьего мира, просто мы должны понять, что большие киты, ягуары, черные носороги и тропические леса не выдержат дальнейшего роста человеческого населения 1.

6. Подвержение сомнению и даже антипатии «прогресс» и «технологии». Если мы взглянем на нашу историю, то мы убедимся, что в результате роста цивилизации мы больше потеряли, чем приобрели. Жизнь охотников и собирателей в целом была более здоровой, счастливой и надежной, чем наша сегодняшняя жизнь в качестве крестьян, промышленных рабочих или клерков. За каждое материальное достижение прогресса мы платили дюжиной потерь в тех вещах, что имели более глубокую и невыразимую ценность. Нам бы следовало гордиться именем «Неандерталец». (Это не значит, что мы должны немедленно избегать все, связанное с технологической цивилизацией. Мы ее часть, мы ее используем, но это не означает то, что мы не можем ее критиковать.)

7. Отказ от рассматривания рациональности как единственного способа мышления. Движение «Прежде Земля!» предусматривает широкую терпимость в делах духовного порядка. Терпимость к разнообразию здесь необходима как нигде больше. Все мы признаем, что линейное, рациональное, логическое мышление левым полушарием мозга — это лишь часть нашего сознания. Рациональность это отличное орудие, но всего лишь орудие, — один способ анализа происходящего. Не менее важным является интуитивное, инстинктивное осознание. Мы можем больше узнать о проникновенных вещах и конечной правде, сидя спокойно где-то на природе, а не за учебником в библиотеке. Чтение книг, участие в логических размышлениях, собирание фактов и цифр необходимо для современного контекста, но это не единственный способ понимания мира и наших жизней. Часто в кризисных ситуациях мы более успешно действуем, когда прибегаем не к рациональному анализу, а к внутренним инстинктам. К примеру, человек истекает кровью в больничной палате, и времени на всю бюрократичную процедуру нет. Внутренний голос приказывает: «Действуй!» Также дело обстоит и в отношении действий нашего движения по спасению Земли.

8. Отсутствие желания добиваться «законности» с бандой, управляющей цивилизацией. Человеческой природе свойственно желать быть принятой социальным окружением. Мы не хотим быть «изгоями», «чокнутыми», «террористами». Мы не сумасшедшие; мы такие же здоровые люди в здоровом обществе в здоровом природном мире. Мы не можем убедить сенатора Марка Хатфилда или председателя Мэксем, Чарльза Хэрвитца в нашей правоте, но они также не могут убедить нас в их правоте (правда, мы находимся в фокусе их внимания). Они — сумасшедшие, уничтожающие то, что чисто и прекрасно. Почему мы должны придерживаться того же мнения, что и они? Мы не разделяем их мировоззрения и ценностей. Однако, при этом важно не впасть в ошибку, часто совершаемую альтернативными группами, то есть, пытаться быть слишком агрессивными. Мы можем быть сильными и неуступающими и без чрезмерного навязывания своих идей.

Американская система очень эффективна в «усмирении» диссидентов. Она уделяет им внимание и предлагает им «вразумительно» изложить свои соображения, дабы быть принятыми всерьез. Критика помещается в вечерних теленовостях, газетах, общенациональных журналах — все это методы, применяемые для соблазна разделить узаконенное мировоззрение и вступить в переговоры с целью компромисса. Действия «Прежде Земля!» — и смелые и комические завоевали внимание публики. Но если мы хотим добиться результатов, мы должны сопротивляться предложениям о законности, вероподданности и совместном принятии решений. Мы перечим системе, а не реформируем ее. Мы не озабочены нашим влиянием в политических кругах, нас волнуют проблемы, основанные на понимании экологии. Нас должны воспринимать на биологическом уровне.

9. Попытка оторваться от устаревших догм «левых», «правых» и центристов. Эти доктрины, обвиняющие капитализм, коммунизм или дьявола во всех мировых проблемах, всего лишь представляют внутренние раздоры между различными фракциями. Да, многонациональные корпорации совершают огромное зло (СССР — это, по существу, управляемая государством многонациональная корпорация); в мире много несправедливости; богатые становятся богаче, а бедные — беднее — но все проблемы не могут быть свалены в кучу у порога капиталистов США, Европы и Японии. «Прежде Земля!» не относится к левым и правым; она даже не в центре. Мы не имеем ничего общего с политической борьбой человеческих сект. Мы участники совершенно другой игры.

10. Нежелание какую-либо этическую, классовую или политическую группу ставить на пьедестал и освободить их от «подвергания сомнением». Легко, конечно, признать то, что белые Северной Америки и Европы (также как и японцы) ответственны за то положение, в котором мы очутились; то, что потребители верхнего и среднего класса стран первого мира виновны в чрезмерном использовании «ресурсов» и, тем самым, причиняя больший вред, чем другие народы. Но отсюда не следует, что все остальные не виновны.

Наше движение имеет большое сходство с аборигенными группами по всему миру. Ясно, что они находятся в наиболее непосредственных и уважительных отношениях к природному миру. Наше движение должно оказывать поддержку таким племенам в общей борьбе, при любой возможности, когда наши идеалы не компрометируются. Например, мы поддерживаем Дайнов (Навайо) Большой горы в их борьбе против их перемещения, но при этом мы не упускаем из виду то, что овцы этого племени выщипывают всю растительность резервации Навайо. Мы можем поддерживать стиль жизни коренных жителей Аляски, но мы не можем молчать, когда начисто вырубаются старые леса Аляски местными корпорациями... В том, что мы будем осуждать или прощать кого-либо на этнической основе, будет сильный расистский оттенок.

Также мы будем непоследовательными, если станем бичевать Чарльза Хэрвитца за уничтожение последних красных лесов, и в то же время будем сочувствовать лесорубам, работающим на него. Индустриальные рабочие, в основном, разделяют вину за уничтожение природы. Возможно, они поработаны деньгами своих хозяев, но они же, тем не менее, добровольные слуги, разделяющие мнение своих боссов о том, что Земля — это «шведский стол», с которого можно брать ресурсы. Иногда самых разрушительных позиций в отношении природного мира придерживаются как раз упрямые фермеры — выходцы из

простых пролетариев. Рабочие — жертвы несправедливой экономической системы, но это не освобождает их от ответственности. Некоторые из этих рабочих противятся разрушению древних лесов, некоторые из них могут быть даже участниками «Прежде Земля!», но остальные также не должны молча смотреть на злоупотребления в отношении природного мира лишь потому, что банда преступников заняла экономическую лестницу.

Говорят, что рабочие всего лишь хотят накормить свои семьи и отнюдь не в восхищении от уничтожения природы. И если вы не поможете лесорубам заработать как-то иначе себе на пропитание, вы не спасете лес. Также говорят, что лесорубов выражать антиприродные взгляды заставляют их боссы. Я считаю, что все это не так. Когда я читаю комментарии лесоповальщиков, выражающих ненависть к дремучим лесам и сторонникам охраны природы, ясно, что они соглашаются с мнением своих магнатов. Сан-Францисский «Image Magazine» напечатал отрывок из письма лесоруба редактору: «У тех, кто должен кормить свои семьи, нет времени на лазанье по лесам как в детстве и на то, чтобы мешать накормить свои семьи другим... Откуда вам знать, чего хочется пятнистой сове? Я боюсь, что пищевых огрызков надолго не хватит. И раз на меня постоянно наседають, я не на шутку могу рассердиться». Плакаты «Убей сову. Спаси лесоруба» повсюду встречаются на Северо-Западе. По крайней мере, я уважаю лесоруба, рубящего дерево и охотящегося на сову и способного выразить свое мнение вместо того, чтобы притворяться, что он глупый увалень, манипулируемый своими боссами и неспособный сам подумать.

Конечно, большие компании манипулируют своими рабочими, запугивая закрытием мест работы, но многие лесоповальщики (или трактористы, нефтяники, шахтеры и т.д.) просто ненавидят природу и жаждут ее «оцивилизования». Даже экологически образованные рабочие, не обязательно будут способствовать перемене отношения многих; слишком разнообразны мнения и ценности. Сторонники охраны природы стараются найти общий язык с лесорубами и другими рабочими, но чем быстрее мы сможем избавиться от марксистских взглядов по поводу «благородного пролетариата», тем будет лучше.

11. Желание, чтобы наши действия улучшали нашу философию и признание необходимости действия. Перед началом действий мы очень часто без конца обсуждаем детали догмы, и все сводится к всего лишь философской мастурбации, не доходя до конкретного дела. Другие же утверждают, что мы не сможем быть сторонниками охраны среды, пока мы не начнем вести чистый образ жизни. Мы никогда не сможем выяснить все в деталях, никто из нас не сможет полностью отвергнуть прежний образ жизни, но мы можем действовать. Мы сможем действовать со смелостью, решительностью и любовью ради всего дикого и свободного. Мы не можем быть совершенными, но мы можем действовать. Потому что мы — воины. Прежде Земля! это воин общества. Нам предстоит немалая работа.

12. Признание того, что мы сможем изменить наши личные стили жизни для придания им большей гармонии с природным разнообразием. Мы должны сторониться излишеств. Хотя в какой-то степени мы все — заложники системы и не можем вырваться из нее, мы должны осуществлять наши личные убеждения с наибольшей полнотой. Арне Нэсс, норвежский философ, автор термина «глубинная экология», указывает на то, что мы не можем достичь настоящего жизненного стиля «глубинной экологии», но, тем не менее, надо двигаться в этом направлении. Мы все должны зарабатывать себе на жизнь, и поэтому

причастны к этой «системе». Активисты, чтобы водрузить знамя на здании мирового банка в Вашингтоне, для привлечения международного внимания к судьбе тропических лесов, пользуются самолетом, применяют компьютер, чтобы напечатать книгу на бумаге, сделанной из древесины, которая побудит людей к действию; ведут автомобиль по лесной дороге, к месту продажи лесного участка, чтобы предотвратить подобные действия. Мы должны осознавать подобные «побочные» явления и стараться максимально уменьшить наше воздействие.

13. Приверженность к поддержанию чувства юмора и радости в жизни. Большинство радикалов — это суровые люди без чувства юмора. Участники нашего движения стараются быть другими. Мы восстали против системы, потому что мы с ней мало что теряем. Мы бьемся за красоту, жизнь, радость. Когда мы находимся на природе, нас охватывает восторг, мы улыбаемся цветку и колибри. Мы смеемся. Мы смеемся над нашими оппонентами — и, что более важно, мы смеемся над собой.

14. Осознание того, что мы представители животного мира. Люди являются приматами, млекопитающими, позвоночными. Мы признаем нашу принадлежность к животному миру; мы отвергаем идею Нового Века, утверждающую, что должны преступить нашу измененную животную природу и «оседлать эволюцию», сделавшись более высшими моральными существами. Мы полагаем, что мы должны вернуться к животному состоянию и радоваться поту, гормонам, слезам и крови. Мы боремся против того состояния, к которому подвигает нас современное общество — к состоянию бесстрастных, сухих андроидов. Мы не ведем логический, здоровый образ жизни; мы нюхаем, вкушаем, видим, слышим, чувствуем Землю; мы живем чувствами. Мы — животные.

15. Принятие гаечного ключа в качестве законного орудия для сохранения природного разнообразия. Не все члены нашего движения связаны с гаечным ключом, возможно, даже не большинство, но мы все приняли эту идею и практику. Взгляните на майку, которую носят участники нашего движения. Гаечный ключ на ней — это символ сопротивления, наследник «сабота» — деревянного башмака, упавшего на шестерни механизма, (откуда и происходит слово «саботаж»). Мистика и романтика «ночной работы» пронизывает наше племя, и вместе с этим, допущение того, что стратегия гаечного ключа это законное орудие в защиту природы.

16. И наконец: Прежде Земля! это воин общества. Помимо нашей абсолютной преданности и любви к этой живой планете, нас отличает желание отстаивать обилие и разнообразие земной жизни, даже когда это потребует жертвы в виде комфорта, свободы, безопасности и, в конце концов, жизни. Воин признает, что его жизнь — не самая важная вещь в его жизни, воин признает, что вне его жизни существует намного большая реальность, которую следует защитить. Для нас, в движении Прежде Земля! такой реальностью является Земля, эволюционный процесс, миллионы других видов, с которыми мы делим эту яркую сферу в пустоте космоса.

Не все могут пожертвовать всем, чтобы заслужить звание воина. Существует много других ролей, которые могут и должны быть сыграны в защиту Земли. К тому же, нельзя долго выносить бремя звания воина; это может продолжаться лишь какое-то время в жизни. Быть

воином — значит многим рисковать. Он может никогда не заслужить аплодисментов, почета и наград общества. Но для воина Земли слаще звука аплодисментов будет крик гагары на рассвете или шелест ветра среди сосен.

Позже в тот же вечер, обозревая темнеющий Гранд Каньон, я знал, что какие бы лишения мне не готовило будущее, ничего более важного и лучшего для меня не будет, чем занятие непримиримой позиции воина Земли, защитника жизни. Быть воином Земли — значит сражаться до конца.

Бари Джуди.

Революционная экология

1995, источник: [здесь](#), перевод - Виктор Постников, Подзаголовок: Биоцентризм и глубинная экология

Данная статья написана в начале 1995 г.. Впервые она появилась в журнале Alarm. Вебсайт, посвященный Джуди Бари <http://www.judibari.org> . В 1990 г. на Джуди Бари было совершено покушение со стороны ФБР, но она чудом осталась жива.

Перед тем как впервые услышать об организации Earth First! (Земля прежде всего!), я уже много лет была социальной активисткой. Для меня было удивительно, что тогда, в 1980-х, эта радикальная организация не придавала большого значения социальным аспектам экологического кризиса. Аналогично, городское движение за социальную справедливость не желало признавать важность экологических выступлений, часто называя их одним выражением «экологический расизм». Тем не менее, для того, чтобы эффективно противодействовать обоим кризисам, нам следует их тесно связать между собой.

С самого начала следует признать: современная социальная практика угрожает продолжению самой жизни на Земле и поэтому должна быть изменена. Для этого нам необходима революционная экология, которая охватит и социальные и биологические проблемы, и классовую борьбу, и понимание той роли, которую играет глобальный корпоративный капитализм в притеснении народов и разрушении природы.

Я считаю, что у нас есть такая теория. Она называется глубинная экология, и лежит она в самом основании радикального экологического движения. Проблема в том, что на ранних стадиях глубинная экология ошибочно ассоциировалась с правыми теориями, такими как закрытие границ, принятие СПИДА в качестве регуляции роста населения, и поддержку голода в Эфиопии. Это привело к тому, что от нее отвернулись социальные экологи. И я считаю, что они здорово замутили воду в нашем движении, затруднив нахождение для него общей и ясно выраженной философской основы.

Поэтому в данной статье я попытаюсь с позиции неисправимого левого активиста объяснить, почему на мой взгляд глубинная экология представляет собой революционное мировоззрение. Я не называю свои идеи «абсолютной истиной»; более того, они не представляют собой законченный процесс. Это всего лишь мои некоторые идеи, которые, я надеюсь, приведут к широкому обсуждению и дальнейшему развитию.

Биоцентризм

Глубинная экология, или биоцентризм, — это убежденность в том, что природа не принадлежит человеку. Напротив, люди являются частью природы, лишь одним из ее биологических видов. Все виды имеют одинаковые права на существование, вне зависимости от той пользы, которую они представляют для человека. И биоразнообразие имеет самостоятельную ценность, одинаково важную для человеческой и нечеловеческой жизни.

Эти принципы, я думаю, выходят за рамки любой политической теории. Биоцентризм – это закон природы, существующий независимо от того, признают его люди или нет. Для природы не важно — антропоцентристы мы или нет. Она по-прежнему работает биоцентрически. И ошибка современного общества в том, что это не признается. Именно попытки подчинить природу человеческим целям и поставили нас на край гибели, разрушив все системы жизнеобеспечения. Биоцентризм – не новая теория, и не изобретение Дэйва Формана или Арне Нейсса. Это древняя мудрость, выражаемая словами вождя Сиэттла: «Земля не принадлежит нам. Мы принадлежим Земле.» Но в сегодняшнем контексте индустриального общества, биоцентризм чрезвычайно революционен, т.к. бросает вызов самой основе системы.

Биоцентризм противостоит капитализму

Капиталистическая система находится в прямом противоречии с естественными законами биоцентризма. Капитализм, прежде всего, основывается на принципе частной собственности – «присвоении» Земли для целей эксплуатации и извлечения прибыли. На ранних этапах капиталисты даже верили в то, что они могут присвоить себе других людей. Но так же как рабство сегодня дискредитировано в большей части общества, так и принципы биоцентризма рано или поздно отвергнут возможность владеть Землей.

Как может корпоративный рейдер Чарльз Гурвиц заявлять о «владении» 2000-летними секвойями в лесу Headwaters Forest только потому, что он подписал несколько бумаг, позволяющих ему обменять их на бросовые облигации? Это абсурд. Гурвиц – всего лишь миг в жизни этих древних деревьев. Хотя он в состоянии их разрушить, у него нет такого права.

Одно из самых мощных оружий для американских защитников природы – это Акт о защите вымирающих видов (который сам требует защиты). Этот акт и другие законы, которые признают такие общественные ценности как чистый воздух, чистую воду и защиту вымирающих видов, сами свидетельствуют о том, что законы частной собственности не согласуются с законами природы. Вы не можете делать все, что вам заблагорассудится на вашей частной территории без того, чтобы не влиять на окружающих, поскольку все на Земле взаимозависимо, и природа не признает человеческих границ.

Капитализм противостоит биоцентризму вокруг самого понятия «прибыль». Прибыль означает получать больше, чем вкладывать. Ясно, что это противоречит процессу обновления в природе, который зависит от баланса между приходом и расходом. Но еще

важнее то, откуда берется эта прибыль.

Согласно марксистской теории, прибыль крадется у рабочих, когда капиталист платит им меньше стоимости произведенного продукта. Та часть стоимости продукта, которую присваивает себе капиталист, называется «прибавочной стоимостью». Величина прибавочной стоимости колеблется в зависимости от степени организации рабочих и от привилегий, которыми пользуются рабочие. Но в условиях капитализма рабочий класс никогда не получает вознаграждение, равного полной стоимости своего труда, поскольку именно прибавочная стоимость является условием существования класса капиталистов.

Хотя в целом я согласна с таким анализом, думаю, что пропущена одна важная вещь. Я считаю, что стоимость продукта определяется не только затраченным на него трудом, но затраченными природными ресурсами. И я считаю, что добавочная стоимость (т.е. прибыль) крадется не только у рабочих, но и у самой Земли. Вырубка леса – самый яркий пример такой кражи. Если бы производство и потребление находились исключительно в рамках природных циклов плодородия, тогда используемые ресурсы были бы действительно неисчерпаемы. Но это невозможно в условиях капитализма, т.к. класс капиталистов существует благодаря извлечению прибыли не только у рабочих, но и Земли.

Современные корпорации – наихудшие проявления этой болезни. Небольшой бизнес может жить за счет прибыли, но, по крайней мере, его цель обеспечить выживание человеческим существам, находящимся в контакте со своим окружением. Но у корпорации нет никакой морали и другой цели нежели увеличение прибыли. И сегодняшние глобальные корпорации находятся вне всякого контроля со стороны общества или государства. Фактически правительства находятся в услужении корпораций, их армии чиновников защищают прибыли корпораций по всему миру, а их тайная полиция всячески препятствует любой оппозиции внутри страны.

Другими словами эту систему нельзя реформировать. Она основана на разрушении Земли и эксплуатации людей. Нет такого понятия как «зеленый капитализм,» и маркетинг экзотических продуктов тропического леса не спасет экосистему от увечий, нанесенных капитализмом. Вот почему я считаю, что серьезные экологи должны стать революционерами.

Биоцентризм противостоит коммунизму

Как вы, наверное, знаете, моим бэкграундом в революционной теории служит марксизм – источник критики капитализма. Но марксизм не дает ответа на вопрос: чем лучше всего заменить капитализм. Коммунизм, социализм и все другие левые идеологии говорят лишь о справедливом перераспределении «прибылей», которые человечество отняло у Земли. Ничего не говорится об отношении к Земле. Или, точнее, предполагается, что отношения останутся такими же как при капитализме – т.е. избыточное потребление, — а революция нужна лишь для того чтобы найти более эффективные и эгалитарные способы производства и распределения продуктов.

Отношение к природе как к источнику сырья и полное безразличие к ее жизненной силе позволило марксистским государствам провести индустриализацию без какой-либо, даже самой минимальной, экологической защиты. Это привело к колоссальным несчастьям (взрыв реактора в Чернобыле, аварии на нефтяных танкерах в Арктике, вырубка сибирской тайги и др.). Индустриализация оставила после себя такой уровень загрязнения, что в некоторых областях России и Восточной Европы даже понизился уровень рождаемости. Маркс утверждал, что главное противоречие в индустриальном обществе – это противоречие между трудом и капиталом. Я же считаю, что экологические несчастья показывают: главное противоречие между индустриальным обществом и Землей.

Несмотря на то, что социализм не смог принять экологию в расчет, не думаю, что он неподвластен реформам. Один из принципов социализма гласит: «Производство самого необходимого, не для прибыли.» Это значит, что в социализме нет встроенного противоречия, как в капитализме, и я предвижу, что у него может быть такая форма, которая не будет разрушать Землю. Но это уже не будет марксова индустриальная модель.

Экологический социализм, среди всего прочего, должен будет решить проблему централизма. Идея Маркса о большом политическом органе, занимающимся централизованным планированием, предвосхищает (1) авторитаризм некоего рода, и (2) использование массового производства, изначально разрушительного для Земли и человеческого духа. Экологический социализм будет означать такую организацию общества, которая совместима с организацией, встречающейся в природе. И я считаю, что естественной организацией в природе есть биорегионализм, а не государство.

Современное индустриальное общество забирает у нас возможность общаться между собой, общаться с Землей. Это вызывает у нас глубокую тоску, которую нас учат заглушать потребительскими товарами. Но товары, выходящие за рамки самого необходимого, не могут утолить наших потребностей. Поэтому аппетит растет, и мы начинаем применять все более изощренные и дегуманизирующие способы производства товаров. Если бы рабочие действительно управляли заводами (а я говорю это как бывший рабочий), они начали бы с того, что разбили машины и придумали более человеческие способы производства.

Биоцентризм противостоит патриархату

Патриархат – остается одним из самых глубоких и древних форм насилия в мире. Он настолько укоренился, что люди редко его называют по имени. Вы можете сколько угодно выступать против апартеида и не вызовете никакого осуждения среди прогрессивных белых. Но попробуйте заговорить о патриархате, и на вас сразу же нападут те же «прогрессивные». Тем не менее, в любой сколько-нибудь революционной теории вопрос о патриархате стоит очень остро. Неспособность оценить патриархат можно считать одним из серьезных недостатков марксизма.

В экофеминизме утверждается, что существует параллель между тем, как патриархальное общество относится к природе и как оно относится к женщине. Эту параллель легко заметить в таких выражениях как «девственные леса» или «обесчестить землю.» Более важно, однако то, что в нашем обществе ценятся только «мужественные» поступки (как-то: подчинить, завоевать и т.п.), в то время как «женственные» поступки (воспитать, родить) не получают в обществе поддержки. Между тем, и женщины и мужчины обладают как мужественными так и женственными чертами характера. Но женственность всегда получает более низкую оценку, вне зависимости от того, кто ее проявляет. Связь между подавлением женщин и подавлением природы в особенности заметна в странах Третьего мира, где колониальные силы отнимают землю, лишая крестьян и женщин их традиционной роли – охранять лес и плодородные земли. Женские методы возделывания земли заменяются машинным агропроизводством, которым руководят мужчины; при этом плодородие земли разрушается. Вот почему экологическое движение в странах Третьего мира, таких как Индия, Кения и Бразилия, часто соединяется с женским движением.

Тот, кто когда либо имел дело с Министерством лесного хозяйства или с Министерством экологии США, знает, что «наука» рассматривается как высший авторитет, используемый для оправдания эксплуатации Земли. Наука преподносится нам как нейтральная и объективная, как путь к Абсолютной Истине. Но на самом деле тип науки, который благословляет индустриальная патриархия, далеко не «нейтральный». Она открыто провозглашается ее основателями как маскулинная система знаний, добываемая в процессе отделения природы от человека, а ее методология основана на редукционизме, т.е. на разбиении целого на части для последующего их изучения. Редукционизм ведет к невероятной узости мышления, например позволяет приходиться к выводам (и я здесь не преувеличиваю) о том, что вырубка леса с последующей высадкой одного типа деревьев – наиболее эффективный способ рекультивации леса, ибо через пять лет, число стволов на вырубленной территории «больше», чем в случае когда вырубка ведется избирательно.

Редукционистская наука действительно привела к созданию таких чудес как атомная бомба, пластиковый хлам и кремовые палочки Твинкис. Но она не привела к более глубокому пониманию мира; ведь природу нельзя изучать по частям — части взаимозависимы. Как заметила экофеминистка-философ Вандана Шива, редукционистская наука дала нам антибиотики и удобрения; первые привели к появлению супербактерий, вторые — к обеднению почвы. Вместо маскулинной науки разделения и доминирования, экофеминистки ищут пути для природной науки. Природа для них холистична и взаимозависима, а судьбы людей и природы нераздельны. Вместо того, чтобы завоевывать или подчинять, экофеминистская наука стремится согласовать жизненный процесс с циклами плодородия, укрепляя их нашим участием, но не прерывая и не разрушая их.

Такой экофеминистский взгляд на природу идеально совместим с биоцентризмом. Поэтому биоцентристы не принимают маскулинную систему знаний, лежащую в основе разрушения Земли.

Экофеминизм не пытается властвовать над мужчинами. Он намерен лишь восстановить баланс, какой существует в природе. Разумеется, в нашей перекошенной культуре, достижение такого баланса не может произойти без значительного роста феминизма – как

на индивидуальном уровне, так и в целом среди мужчин и женщин. Но без такого баланса, общество не в состоянии добиться изменений, необходимых для выживания.

Что значит биоцентризм для Движения

Тот факт, что глубинная экология представляет собой революционную философию – одна из причин, почему Earth First! попала под прицел ФБР. Мы же недооценивали ее революционность и были захвачены врасплох. Не только Earth First!, но и все экологическое движение должно выработать тактику для приведения общества к равновесию с природой. Один из способов – расширить нашу работу. Конечно, священные места должны сохраняться, и приоритетом должно быть сохранение дикой природы. Но ограничить наше движение только «дикостью», как это делала организация Earth First! в 1980-х, значит обречь себя на поражение. Нельзя серьезно рассматривать восстановление дикой природы без решения проблем общества, которое ее разрушает. Пришло время (и я имею в виду не только Earth First!), когда экологи не должны стоять в стороне от движения за социальную справедливость. Та же сила, которая занята добыванием ресурсов в сельской местности, проявляет себя как расизм и капитализм в городах. Экологическое движение должно признать, что наш фронт широк, а наша история – это история сопротивления.

Движение за революционную экологию должно найти поддержку среди обедневших слоев населения и среди рабочего класса. За исключением движений против загрязнения среды и исконных прав на землю, большинство активистов-зеленых – это белые американцы из привилегированных классов. Данная группа слишком слилась с системой и не представляет для нее большой опасности. Революционная идеология в ее руках может вызвать значительные нарушения и перемены в системе. Но революционная идеология в руках рабочего класса приведет систему к полной остановке. Потому как именно рабочие имеют доступ к машинам. И только остановив машину разрушения, они могут остановить безумие. Как могло случиться, что у нас были движения, озабоченные захоронением токсических отходов, но не было ни одного рабочего движения за отмену токсического производства? Только, когда рабочие откажутся от вредного производства, только когда лесозаготовщики откажутся вырубать древние леса, мы сможем надеяться на реальные и существенные перемены. Эту систему не остановить силой. Она могущественна и безжалостна. Единственный путь, который я вижу – это активный и массовый отказ от сотрудничества с ней.

Поэтому будем продолжать блокировать бульдозеры и обнимать деревья. И не будем сводить глаз с глобальных корпораций – наших главных противников. Будем расширять контекст наших действий. Будем привлекать всех к практическому развитию революционной экологии.

Борейко Владимир.

Призрак экотажа бродит по Европе (интервью)

2012, источник: [здесь](#)

Наш корреспондент Казимир Савицкий беседует с известным украинским зоозащитником дикой природы, писателем, экофилософом, директором Киевского эколого-культурного центра, Заслуженным природоохранником Украины Владимиром Борейко.

- На днях Ваш Центр повторно издал легендарную книгу Дейва Формэна и Билла Хейвуда <Экотажа. Руководство по радикальной природоохране>. В предисловии к книге сказано, что это переработанное, адаптированное и дополненное издание. Вы отошли от классического варианта?

- Первый вариант русскоязычного <Экотажа> мы издали в 2002 году. Прошло десять лет. Все это время мы постарались проверить, адаптировать и перенести американские советы по экотажу на нашу украино-российскую почву. Мы изъяли разделы, которые затруднительно использовать у нас, например, уничтожение вертолетов или линий электропередач, ряд разделов по экотажу в городах или по борьбе с рекламой. Значительно переработаны и дополнены разделы по борьбе с браконьерскими орудиями, шипованию дорог и деревьев, экотаж в городе, добавлен раздел по экотажу на ОПТ. Расширено предисловие к книге, где я постарался дать краткую, но емкую историю отечественного экологического саботажа с советских времен.

<Экотаж-2> мы снабдили дополнительными рисунками, чертежами, а также фотографиями браконьерских отечественных орудий.

- То-есть новое издание <Экотажа> адаптировано под отечественные реалии, под возможные пути развития экотажа на постсоветском пространстве?

Совершенно верно. В принципе, таких направлений может быть четыре. Экотаж в городе (шипование деревьев, уничтожение заборов на местах будущей застройки, заделывание труб со сточными водами и сжигание землеройной техники), антибраконьерский экотаж (уничтожение петель, капканов, <пауков>, сетей), экотаж в заповедниках и национальных парках (это в основном перекрытие и шипование дорог), ну и экотаж компьютерный, направленный или против незаконной рекламы браконьерских снастей, или против рекламы дельфинариев и прочих мест издевательств над животными.

- За 10 лет со дня издания русскоязычного <Экотажа> что изменилось в отечественной природоохранной радикальной практике? Какие последствия издания <Экотажа>?

- Самое главное, что об экотаже, как способе природоохраны, заговорили. И в интернете, и в СМИ, и в книгах, и в словарях. Начались дискуссии в экологических рассылках, на экологических семинарах. Одна из киевских газет стала даже печатать советы по шипованию деревьев. Самое популярное российское радио – <Эхо Москвы> посвятило экотажу программу. Восхищение радикальными природоохранниками попало в такие от экологии, непопулярные издания как <Поваренную книгу медиаактивиста>, <Медиа варус>, <Философию панка>. Очень важно, что экотаж проник в природоохранную практику зоозащитников природы Украины, России, некоторых других постсоветских стран. Конечно не так, что он везде и повсеместно используется, но используется. В Киеве например, в ночь на 2 октября 2012 г. экотажники спалили экскаватор, который уничтожал природу заповедной Лысой горы. Призрак экотажа уже бродит по Европе. И Украина – не исключение.

- Какие меры по пропаганде экотажа Вы видите?

- Киевский эколого-культурный центр уже многое сделал для ознакомления отечественных природоохранников с философией и тактикой экотажа. И это не только два издания <Экотажа>. Это еще перевод и издание легендарного романа Эдварда Эбби <Банда гаечного ключа>, книга Рика Скарса <Эковоины. Радикальное движение в защиту природы>, Родерика Нэша <Права природы. История экологической этики>, воспоминания Дэйва Формэна <Исповедь Эковоина>, книга Ховью Волке <Дикая природа на скалах>, а также мои книги - <Философы зоозащиты и природоохраны>, <История охраны дикой природы США>, <Популярный словарь по экологической этике и гуманитарной экологии>, а также ряд переводных статей по экотажу в нашем Гуманитарном экоэкологическом журнале> (все данные издания см. на сайте КЭКЦ – ecoethics.ru).

Еще добавим и три наших семинара, где мы обсуждали вопросы экотажа. Но одних усилий Киевского эколого-культурного центра явно недостаточно. Методам и философии экотажа нужно учить на природоохранных семинарах и школах молодого доповца, распространять материалы по экотажу через Интернет, и, самое главное, двигать экотаж в массы. Чтобы рядовой гражданин знал, как зашиповать деревья в соседнем парке, если им грозит бензопила.

- Почему экотаж не становится одним из проявлений ультрасовременных молодежных экстрим-субкультур, вроде катания на роликах, скейтах, прыжков с мостов?

- Экотаж – это тяжелая бесплатная работа. Катание на роликах и прыжки – развлечение, баловство. Современная молодежь бесплатно работать не любит и не будет. Поэтому ей не до экотажа. Что касается природоохранных общественных организаций, то их очень мало. А те, что остались – на половину состоят из грантогрызов и кабинетных экологов. Которые то и гвоздь вбить в дерево не умеют. Ну и самое главное. Американские экологические организации, применяющие экотаж, типа <Земля прежде всего!>, исповедуют особую идеологию, основанную на глубинной экологии, уважающие права природы и ощущения

дикой природы как священного пространства. У отечественных природоохранников такой идеологии нет, она проще, меркантильнее, рациональнее. Она очень ущербна.

- Может быть поэтому герои экотажа живут только на Западе?

- Конечно, легендарный Дейв Формэн, основатель группы <Земля прежде всего!>, наводивший страх на лесную службу США, или не менее легендарный Пол Ватсон, создатель <Морских пастухов>, потопивший 2 исландских китобойных судна – для всех эковоинов являются кумирами. Однако, мало кто знает, и в Советском Союзе был свой герой экотажа. Это – Юрий Горелов, работавший в 1980-х годах в Бадхызском заповеднике (Туркмения). Однажды он вместе с коллегами посадил на шипы всю Кушкинскую пехотную дивизию, что незаконно заехала в заповедник на маневры. О нем можно написать роман не хуже <Банды гаечного ключа>.

- Однако нередко экотаж подвергается и яростной критике. Пример тому - недавняя статья (октябрь 2012 г.) в украинском журнале <Комментарии>, или интернетовское русское толкование экологического саботажа как <действий защитников окружающей среды, которые противоречат общепринятым культурным корням>.

- Конечно противоречат! Как правило, экотаж подвергается критике по двум вопросам: насилие порождает насилие и что экотаж способствует неуважению к закону. Давайте обсудим все по порядку.

По поводу насилия. Есть насилие в отношении людей, а есть насилие в отношении техники, уничтожающей природу. Экотажники категорически против насилия к людям, вообще против насилия к любому живому существу. Более того, они считают, что насилие против техники не является насилием. Это - самооборона, самозащита. Если на вас нападут бандиты, Вы же будете защищаться. Если рядом с вашим домом хотят срезать бензопилой деревья под какой-нибудь очередной развлекательный центр, нарушая ваше право на здоровую окружающую среду – а госорганы бездействуют – то Вам придется защищать свои права самому. И вбить в деревья гвозди, чтобы сломать бензопилу.

- Согласен с Вами. Ну а как быть с тем, что экотаж нарушает закон?

- Известный австралийский экофилософ, один из лидеров мирового движения за освобождение животных Питер Сингер пишет: “Существуют обстоятельства, когда даже при демократии морально оправданным становится неподчинение закону и в Движении освобождения животных много хороших примеров таких обстоятельств. Если демократические процессы не функционируют успешно, если проведение опроса общественного мнения подтверждает, что огромное количество людей против многих видов экспериментов, а правительство все чаще не принимает никаких эффективных действий, чтобы остановить эти эксперименты, если общественность большей частью не знает, что происходит на фермах и в лабораториях, тогда нелегальные действия могут быть единственно правильным путем помощи животным и ознакомления людей с реальными фактами происходящего”.

По сути экотаж – это нередко нарушение закона. Как говорил известный американский философ Генри Торо <если закон нарушает справедливость, то нарушайте закон>. Конечно, этот яркий и доходчивый тезис нельзя прямолинейно использовать в практике. По моему мнению, заниматься экотажом в интересах природоохраны следует в следующих случаях:

1. Когда других, легальных способов защиты природы не существует, все они исчерпали себя и оказались неэффективными.
2. В экстренных случаях.
3. В целях борьбы с незаконными действиями браконьеров, добывающих животных, туристов, незаконно заезжающих в заповедник и т.п.
4. Когда демократические процессы не функционируют успешно, и опросы общественного мнения показывают, что население против определенных экологически вредных действий властей.
5. Когда ставится социально значимая цель.

Хочу подчеркнуть, что экотаж – это не вандализм, не пустое развлечение, не хулиганство. Это выстраданный, осознанный, мужественный поступок защиты природы. Закон не должен нарушаться по незначительным, преходящим причинам.

Американский экофилософ Майкл Мартин пишет:

<Возможным возражением против экосаботажа является то, что он подрывает уважение к закону, ослабляя социальную ткань цивилизованного общества. Однако в качестве общего аргумента против экосаботажа он имеет не больше веса, чем против традиционного гражданского неповиновения. Разговоры о том, что гражданское неповиновение разрушает социальную ткань, основываются на фактах, а не на философских рассуждениях, но факты эти чрезмерно сложны и не поддаются точному определению... Свидетельства, почерпнутые из американского опыта 1950-х -1960-х годов не поддерживают этих голословных утверждений. Тот же контраргумент годится для экосаботажа. Если быть точным, в нашей стране и во всём мире достаточно много проявлений неуважения к закону: убийства, избиения, резня, терроризм, насилие, правительственная коррупция, преступления служащих происходят сплошь и рядом. Однако будет чистой выдумкой полагать, что экосаботаж с его тщательно ограниченным масштабом и мишенями сделал или сделает свой существенный вклад в это неуважение к закону. В любом случае, можно заявить, что уважение к закону - не самая высшая ценность. Как отмечает Коэн: <Конечно, может быть, что то зло, против которого обращено гражданское неповиновение, более серьёзно, чем его социальные последствия, разлагающие социальную ткань>. Формэн и его сподвижники наверняка доказали бы, что то, за что они борются, гораздо важнее уважения к закону. И правда, они легко могут доказать, что уважение к закону будет маловажным в мире с загрязнённым воздухом и водой, лишённом своей дикой природы и большей части своего природного разнообразия. Конечно, эта оценка ценностей спорна, однако отнюдь не абсолютно ошибочна или абсурдна.

(:) Многие теоретики утверждают, что, поскольку акты гражданского неповиновения нарушают закон и противоречат принятому общественному поведению, они требуют некоего особого оправдания того, что на первый взгляд кажется в них неприемлемым. То же можно сказать и об актах экосаботажа. Если следовать этой линии аргументации, то бремя обоснования (оправдания), очевидно, ложится на участника акции гражданского неповиновения или экосаботажа. Это бремя особенно тяжело в демократическом обществе, так как если законы принимаются представителями народа, то все граждане обязаны выполнять их. Однако это требование никогда не бывает абсолютным. Демократические процессы не вполне совершенны, и несправедливые или ошибочные законы тоже могут быть приняты; может осуществляться недальновидная и разрушительная политика; и бывает невозможно такие законы

изменить, или их изменение законными средствами может потребовать слишком много времени. Поэтому озабоченные граждане могут иногда прибегать к незаконным средствам изменения существующего положения, обучения и побуждения к действию своих сограждан. Однако прежде чем принять участие в актах гражданского неповиновения или экосаботажа, они должны иметь чёткое обоснование своих действий>.

- Рассуждая об экотаже, мы еще не затрагивали вопрос об его природоохранной пользе. Подсчитывал ли ее кто-нибудь?

- Американцы считают, что акции экотажа ежегодно обходятся правительству и компаниям в 20-25 миллионов долларов в виде сломанного оборудования и техники, потерянного времени, затрат на оплату деятельности правоохранительных органов и правоприменение. Это такие деньги, которые компании не могут тратить на уничтожение леса на государственных землях, бурение нефтяных скважин на окраинах штатов, инвестирование средства в более разрушительное оборудование, оказание влияния на политиков с помощью кампаний добровольных пожертвований ... Даже если бы корпорации переложили эти затраты на своих потребителей, то акции гаечного ключа повысили бы цену изделий из древесины и, соответственно, косвенно снизили бы её потребление.

Известны два случая, когда Служба леса США отменила продажу участков леса, узнав, что деревья на них зашипованы. Лесозаготовительная компания на Гавайях с капиталом в 250 000 долларов перерабатывала древесину дождевого леса на топливо для сахарных заводов (без разрешения и в нарушение распоряжения суда), но после того, как на неё были сброшены зажигательные бомбы, она осталась банкротом. При всей спорности характера акций экосаботажа он имеет несомненную ценность, вынося природоохранные проблемы, кажущиеся такими чуждыми и малопонятными, из тьмы научных вычислений на свет страстных устремлений и преданности отдельных людей.

- Однако экотаж – это не только партизанская война в защиту природы. Это еще и уникальная культура. Вы согласны?

- Экотаж, как направление гражданского неповиновения, в США имеет главную традицию, восходящую еще к Генри Торо и движению аболиционистов. У нас такой традиции нет. Если когда и случались случаи сопротивления властям, то они выливались в бунт, бессмысленный

и беспощадный. Гражданское неповиновение в США родило свою литературу, свою поэзию, свою культуру, свою идеологию, свою философию.

Американские активисты экотажа считают, что общепринятые ненасильственные действия являются только тактикой оттяжек и временных мер. Поэтому необходимо переходить к радикальным мерам природоохраны. “Морские пастухи”, “Земля прежде всего!”, “Фронт защиты животных” и другие природоохранные организации, занимающиеся экотажом, выдвигают новую экоэтическую философию, подчеркивая внутреннюю, собственную ценность природы, биоцентрическое равенство всех видов, осуждение святости дикой природы. Они остро критикуют центристские экологические группы за их постоянный компромисс в “погоне за влиянием и доверием”. Поэтому лозунг экотажников – никакого компромисса в деле защиты Матери-земли!

В рассказах, рисунках и поэзии эcobойцов романтично изображаются непосредственные действия, направленные против корпораций, уничтожающих окружающую среду, в точности следуя канве таких работ, как стих Двайта Доркера “Топи его!”, опубликованный в журнале “Прежде Земля!”

Круши его, скручивай его, бей его и ломай,

Пробивай его и топи любым способом!

В их шестернях уничтожения мы – возможно, всего лишь песчинки.

Но делай это, делай это, делай это – если можешь!

Бари Джуди. Феминизация Earth First!

1992, источник: [здесь](#), оригинал: [здесь](#)

Предисловие

2 марта 1997 года умерла Джуди Бари — энвайронменталистка, участница и организаторка ячеек профсоюза Индустриальных рабочих мира, соосновательница движения Earth First! в США.

Джуди называла себя экофеминисткой, разделяла идеи биоцентризма и старалась достичь гендерного равенства в прославленной «мужскими» поступками одной из старейших экозащитных организаций Earth First! Она хотела уничтожить мизогинию в обществе не менее, чем индустриальное лобби. Во время кампании Redwood Summer она организовала защиту древнего леса в Калифорнии от лесозаготовителей, привлекая тысячи протестующих со всей страны. Это сработало, и лето 1990-го в США навсегда изменило историю Earth First! Старое кредо уступило место продвинутым идеям — во многом благодаря Джуди.

История ее борьбы и печальная кончина доказывает, что экологические проблемы неразрывны с социальными. При жизни Джуди преследовали и травили, угрожали расправой в письмах и газетах. К тому же, она сталкивалась с неприятием своей женской фигуры в протестном экологическом движении: от создателей Earth First!, боссов на работе, товарищей по протестным движениям, рабочих, с которыми она создавала профсоюзы. Во время очередного музыкального турне незнакомец подложил бомбу под сидение ее машины. После инцидента Джуди осталась калекой и через несколько лет умерла от рака груди. Ее поминки посетили около 1000 человек.

В статье «Феминизация Earth First!» Джуди Бари пишет об экофеминизме, отчаянной защите двухтысячелетних деревьев, локальной протестной организации и кампании женоненавистничества, развернувшейся в ее сторону после успехов многолетней борьбы.

Ровно 23 года спустя мы открываем бесконечный цикл публикаций, посвященных организации Earth First!, существующей по сей день, ее идеологам, участникам и противникам. Впереди интервью, самиздат, песни, фильмы, инструкции по экотажу и посмертная книга о том, кем была Джуди Бари.

Бари Джуди. Феминизация Earth First!

Невозможно жить в районе Редвуда Северной Калифорнии, не страдая до глубины души из-за разрушения этой великолепной экосистемы. Мили и мили расчищенной земли покрывают кровотокающие склоны наших холмов. Древние леса вырубают на корню, чтобы расплатиться с корпоративными мусорными облигациями (junk-bonds — обещающие высокие проценты, но не дающие гарантий облигации — прим. ttw). И ряды лесовозов заполняют наши дороги, направляясь к лесопилкам с грузами, начиная от 1000-летней секвойи, чей один ствол заполняет весь кузов, до шестидюймовых маленьких деревьев, которые просто раскалываются на целлюлозу. Осталось менее 5% древней растущей красной древесины, и экосистема исчезает даже быстрее, чем более известный тропический Амазонский лес.

Поэтому неудивительно, что я, пожизненная активистка, стала защитницей окружающей среды. Что удивительно, так это то, что я, феминистка, мать-одиночка и представительница синих воротничков, оказалась в Earth First!, группе прямого действия «без компромиссов», с репутацией мачо, пьющих пиво экокучаков. Если бы я знала, что соединив более женственные элементы коллективизма и ненасилия с дерзостью и пылом EF!, мы зажжем массовое движение... Но даже не подозревала, что заплачу за успех подложенной бомбой, чуть не убившей меня, и стану жертвой кампании женоненавистничества.

Меня привлекла команда Earth First!, потому что она была единственной желающей лечь перед бульдозерами и бензопилами ради спасения деревьев. Там весело играли музыку и дерзили. Прежде всего меня покорила их философия. Известная как биоцентризм или глубинная экология, она утверждает, что Земля существует не только для потребления человеком: все виды имеют право на существование ради самих себя, и люди должны научиться жить в гармонии с потребностями природы, а не пытаться приспособить природу к нуждам людей.

Я не вижу никакого противоречия между глубинной экологией и экофеминизмом. Но Earth First! была основана пятью мужчинами, и ее основными стержнями были все же мужчины. Как во всех подобных группах, компетентные женщины всегда выполняли реальную работу за кулисами. Они были практически невидимы за пределами публичной фигуры EF! — «большой человек идет в большую дикую природу, чтобы спасти большие деревья». Я определенно была против такого образа. И все же, несмотря на картинку, структура организации была децентрализована и неиерархична, поэтому у нас была свобода действий в своей местной группе Северной Калифорнии, чтобы развиваться с любым подходом.

EF! появились на сцене Редвуда примерно в 1986 году, когда корпоративный рейдер Чарльз Гурвиц из Маххат захватил местную лесопромышленную компанию, а затем почти втрое увеличил долю добычи древнерастущего красного дерева, чтобы погасить свои мусорные облигации. EF! с 1981 года протестовали против проблем национальных земель (в оригинале: public land — земли общественного достояния, то есть земли, принадлежащие

всем гражданам США, которые сейчас являются национальными парками — прим. ttw) в других частях Запада, но это было настолько возмутительно, что привело группу к ее первой кампании «частных» земель.

На протяжении многих лет стратегия движения под мужским руководством была основана на отдельных смелых поступках. «Кочевые боевые группы» из примерно десяти человек отправлялись в отдаленные районы и зарывались в лесовозные дороги, приковывали себя цепями к тяжелой технике или сидели на деревьях. Безусловно, в этих действиях участвовали смелые и принципиальные женщины. А в некоторых акциях, особенно в блокаде сапфировой шестерки в Орегоне, женщины были большинством. Но в целом и целом те, кто имел свободу для такого рода путешествий и принятия риска, были мужчинами.

Я никогда сознательно не пыталась изменить Earth First!. Я просто применила свои собственные ценности и опыт к своей работе. Я ничего не имею против отдельных дерзких поступков. Но недостатком этой стратегии является неспособность участвовать в долгосрочной общественной организации. Нет ни одного способа, которым несколько изолированных индивидуумов, независимо от своей храбрости, могли бы вызвать массовые социальные изменения, необходимые для спасения планеты. Поэтому мы начали кооперироваться с местными жителями, планируя наши лесозаготовительные блокады вокруг вопросов, которые имели локальную поддержку. Мы также начали создавать профсоюзы с прогрессивными лесопромышленниками, основываясь на наших общих интересах против крупных корпораций. По мере роста наших успехов, все больше женщин и людей с семьями и корнями в общине стали называть себя «первыми жителями Земли» (в оригинале игра слов: Earth Firstlers — прим. ttw) в нашем районе.

По мере того, как росло наше влияние, росло насилие для его подавления. И в этом отдаленном, сельском, лесозависимом районе оно легко могло сойти с рук. На одной из демонстраций разъяренный лесоруб ударил 50-летнюю мирно протестующую женщину так сильно, что сбил ее с ног и сломал нос. В другой раз мою машину протаранил сзади тот самый лесовоз в стиле Карен Силквуд (Карен Силквуд — американская героиня антиядерного сопротивления, отравленная плутониумом и разбившаяся на машине в 1974 году при невыясненных обстоятельствах — прим. ttw), который мы блокировали менее 24 часов назад. Машина была разбита, мои дети, я и другие участники EF!, что ехали с нами, оказались в больнице. В обоих происшествиях, как и в других случаях насилия в нашу сторону, местная полиция отказалась арестовывать, преследовать наших нападавших или даже расследовать произошедшее.

Earth First! никогда не инициировали никакого насилия. Но мы также публично не ассоциировали наше движение с открытым кодексом ненасилия. В конце концов, это противоречило бы образу «Химэна» (в оригинале: He-Man — персонаж комиксов, маскулинный супергерой с невероятной силой из франшизы Masters of the Universe — прим. ttw) на котором EF! были основаны. И все же я не представляла себе, как мы могли бы противостоять все более нестабильной ситуации на линии борьбы, не заявляя и не принуждая к ненасилию. И, учитывая скорость, с которой падали деревья, и подавляющую мощь лесопромышленных корпораций, я не представляла, как мы могли бы спасти лес,

полагаясь только на наше небольшое сельское население и ячейку EF!

Итак, опираясь на уроки движения «За гражданские права» (Civil Rights Movement), мы выпустили общенациональный призыв к Freedom Riders (Freedom Riders — часть американского движения Civil Rights Movement — прим. ttw) приехать в Северную Калифорнию и участвовать в ненасильственных массовых акциях, чтобы остановить резню секвойи. Мы назвали эту кампанию «Летом Редвуда» (Redwood Summer), и когда стало ясно, что мы успешно привлекаем интересы национального масштаба и строим инфраструктуру, чтобы справиться с притоком участниц\ков, уровень репрессий снова возрос.

С приближением «Лета Редвуда» я начала получать серию все более пугающих письменных угроз о смерти, очевидно написанных в интересах компании «Big Timber». Самой страшной из них была фотография с демонстрации, на которой я играла музыку, с прицелом винтовки и крестом на лице, приклеенным желтой лентой — символом лесной промышленности. Когда я обратилась за помощью в местную полицию, там сказали: «У нас нет людей для расследования. Мы проведем его, если тебя убьют». Когда я пожаловалась в городской Совет наблюдателей, они ответили: «Ты сама виновата, Джуди». Наконец 24 мая 1990 года. Когда я ехала по Окленду в концертный тур, чтобы рекламировать «Лето Редвуда», под моим сиденьем взорвалась бомба. Помню свои мысли, когда меня пронзило насквозь. Я подумала: «Вот что люди делают друг с другом на войне».

Бомба должна была убить меня, и это почти получилось. Она раздробила мой таз и оставила калеккой на всю жизнь. Мой компаньон-организатор, Дэррил Черни, будучи со мной в машине, тоже был ранен, но не так серьезно. Затем в течение нескольких минут прибыли полиция и ФБР, чтобы арестовать нас. Они заявили, что это была наша бомба, и мы сознательно везли ее. В течение восьми недель они клеветали на нас в прессе, пытаясь изобразить жестокими и дискредитировать кампанию по защите Редвуда, пока, наконец, не были вынуждены снять обвинения из-за отсутствия доказательств. Но до сих пор никакого серьезного расследования взрыва не проводилось, террорист остается на свободе.

Джуди Бари (слева) и Дэррил Черни на акции Earth First! в поддержку «Лета Редвуда»

Признаки того, что нападение на меня было женоненавистническим и политическим, были заранее. Например, в одной из угроз нас описывали как «шлюх, лесбиянок и членов N. O. W. (National Organization for Women — Национальная Организация для Женщин — прим. ttw)». Но вскоре после взрыва я получила письмо, которое не оставило никаких сомнений. Оно было подписано неким «Мстителем Господа», который брал на себя ответственность за взрыв. В нем подробно описывалась бомба и леденящей душу прозой объяснялось, почему «Мститель Господа» хочет моей смерти. Его возмущало не только мое «язычество» и защита леса — он также вспомнил защиту клиники абортов, которую я вела много лет назад:

“Я видел, как пламя Сатаны вырвалось из ее уст, ее глаз и ушей, навсегда доказав, что это была неблагочестивая женщина, не была Руфь, исполненная послушания, чтобы произвести детей Адама по всему миру, как это было угодно Богу. “Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. (Тимофею 2: 1)”».

Пока я лежала в госпитале опустошенная, распространялась и другая мизогинная литература с ненавистью ко мне. Хуже всего было от Сахарского клуба (Sahara Club), антиэкологической группы, которая написала в своем бюллетене:

«Бомбите эту промежуточность! Джуди Бари, первая летучая мышь на Земле, которая взорвала себя на полпути в ад и обратно, перевозя бомбу в своем субару, провела пресс-конференцию в Сан-Франциско. ...Бари, которой оторвало промежуточность, больше никогда не сможет размножаться. Мы просто пытаемся выяснить, кто вызвался бы оплодотворить ее, если бы она была цела. Последнее, что мы слышали, — это как Джуди и ее друзья надували губы и зализывали свои раны».

А тем временем в лесу Редвуда лето продолжалось без меня. До взрыва я была одной из очень немногих женщин, которые взяли на себя выдающуюся руководящую роль в Earth First!. Но после него именно женщины поднялись, чтобы занять мое место — и заняли 3/4 руководящего состава. Это было летом первой волны феминизации EF!. Наши прошлые локальные акции привлекли не более 150 участников. В этом году прибыли 3000 человек, блокируя лесозаготовительные операции и маршируя по городам в демонстрациях, напоминающих антирасистские на юге. Несмотря на невероятное напряжение и провокацию, несмотря на жестокое насилие, совершенное надо мной, Earth First! поддерживали наше присутствие и наше ненасилие в течение всего лета.

Будучи первой акцией женщин «Лето Редвуда» никогда не получало того уважения, которого оно заслуживает от старой гвардии EF!, хотя глубоко повлияло на защиту региона секвойи. Оно привлекло внимание национальных и международных кругов к проблеме уничтожения древнего леса. 2000-летние деревья из Headwaters Forest, на которые Earth First! пролила свет, сейчас сохраняются во многом благодаря нашим действиям. Наследие нашей принципиальной и ненасильственной позиции летом в Редвуде снискало нам уважение в сообществах и позволило развивать местное движение. Наша группа, недавно переименованная в Ecotopia Earth First!, — вероятно, единственная по-настоящему гендерно сбалансированное сообщество, с которым я когда-либо работала, — теперь в равной степени возглавляется сильными женщинами и профеминистами-мужчинами.

Думаю, что причиной насилия в мою сторону были не только мои слова, но и пол. Недавно я была на семинаре в Теннесси, посвященном насилию и харассменту в экологическом движении. В кругу было 32 человека, приехавших со всей страны. Когда все по очереди рассказывали о себе, я была поражена, что самые серьезные акты насилия были совершены в отношении женщин. И, конечно, это не удивительно. Потому что именно ненависть к женскому началу, что есть ненависть к жизни, способствовала разрушению планеты. Именно сила женщин способна восстановить баланс, необходимый нам для выживания.

Бари Джуди. Беседа с Earth First! через Джуди Бари

1991, источник: [здесь](#), оригинал: [здесь](#)

Предисловие

Джуди Бари — активная участница влиятельного в прошлом экологического движения Earth First! — вдохновляла целые поколения на коллективную и ненасильственную защиту окружающей среды, полагаясь на философию биоцентризма и экофеминизма.

В обширном интервью 1991 года энвайронменталистка, укрываясь в лесной лачуге, рассказывает о влиянии кампании «Лета Редвуда» на феминизацию экологического движения, его объединение с широкими либертарными задачами социальной борьбы в 90-е, правах рабочих и биоцентризме, уходе сооснователя Earth First! Дэйва Формана и антропоцентрических взглядах маскулинных защитников природы.

перевод: станислава погода для taste the waste редакция: иван човеков

Беседа с Earth First! через Джуди Бари

Джуди Бари (со скрипкой) и Дэррил Черни (с гитарой)

Дух журнала Mother Jones живет сегодня в глухих лесах Северной Калифорнии. Самая красноречивая организаторка анти-бензопилы северного побережья, движения Earth First!, Джуди Бари вернулась к работе — защите древних лесов от корпоративной резни. В мае прошлого года в Окленде ее покалечил подрыв собственной машины, после чего ФБР попыталось возложить вину на нее и ее компаньона Дэррила Черни. Точно также как бабушка американского рабочего движения боролась с Королем Углем столетие назад, Бари взяла на себя больших лесных баронов, вооруженная мегафоном и твердым кредо: «никаких компромиссов в защите Матери-Земли».

Боевой клич отразился от калифорнийского национального парка Редвуд до Уолл-Стрит, охватив прогрессивную повестку дня — глубокое почтение к Земле и ее созданиям. Для главной архитекторки «Лета Редвуда» (Redwood Summer) 1990-х — знаменитой ненасильственной кампании по спасению исчезающих некогда зеленых прибрежных зон Калифорнии — необходимо прекратить уничтожение окружающей среды.

Бари привила энвайронментализму ненасилие, социальную справедливость, равные права и другие прогрессивные ответы общественным проблемам. Бывшая организаторка трудяг в Мэриленде, она давно стала крестоносцем для обездоленных, бесправных и угнетенных на фабриках, полях и офисах по всей стране.

Бари вложила свои организаторские способности в работу на северном побережье, создавая коалиции с работниками лесозаготовительной отрасли для борьбы с нарушением их прав и злоупотреблениями корпораций. Она основала ячейку профсоюза Промышленных Рабочих Мира (Industrial Workers of the World — интернациональный международный профсоюз пролетариата, основанный в 1905 году в Чикаго — прим.ред.) в Мендосино и представляла группу мельничных рабочих, которые были отравлены утечкой PCBs (полихлорированного бифенила) на целлюлозном заводе Форт-Брэгг компании Georgia-Pacific.

В этом обширном интервью Джуди Бари рассказывает из своей деревенской «хипповской лачуги» в глухом лесу Мендосино, где живет с двумя маленькими дочерьми, о своих взглядах на влияние «Лета Редвуда», прогрессивной коалиции в 1990-е, феминизации организации Earth First! и уходе ее сооснователя Дэйва Формана, который на прощание публично осудил Бари и поддерживающих ее феминисток за «введение классовой борьбы и гуманизма» в организацию, которую он задумывал для сохранения дикой природы.

— Оглядываясь назад, как ты относишься к итогам «Лета Редвуда» в прошлом году?

— Я думаю, что «Лето Редвуда» было успешнее, чем мы могли себе представить. Самый скромный показатель — это участие 3000 человек. Летом ранее, два года назад, участие приняли не более 150. Так что в этот раз довольно много. Люди приезжали со всей страны, в том числе студенты и те, кто раньше не занимался активистской деятельностью. Мы радикализовали очень многих людей. Одна из идей лагеря была в том, чтобы «посадить семена» и передать факел следующему поколению. Нам звонили люди, которые вернулись домой и пытались начать все сначала. Только что мы получили очень трогательное письмо от матери 20-летнего студента колледжа, который погиб в автокатастрофе этой осенью. Он был в Редвуде, и она сказала, что это был самый значимый поступок, который он когда-либо совершал.

Нет, мы не остановили лесозаготовки — прошлым летом они спилили 20-летние деревья. Но мы вынесли эту проблему на национальный уровень, на международный уровень, обратили такое масштабное внимание, до которого она никогда не раздувалась. Я думаю, что упреки в духе «вы не остановили лесозаготовку» нелепы. Никто никогда не подходил к антивоенным демонстрантам во времена войны во Вьетнаме со словами: «Движение потерпело неудачу, потому что вы не остановили войну этой демонстрацией». Речь идет не о том, чтобы какая-то конкретная демонстрация прекратила рубку. Это скорее Эффект Манро. Я думаю, что мы подняли уровень осознания этого вопроса, подняли ставки.

Выступление Джуди Бари

— Какие еще последствия имело «Лето Редвуда»?

— Еще одно достижение этого лета, о котором вы никогда не прочтете в популярных медиа, — это культура людей, работающих в лесной промышленности. Даже независимые лесорубы, работающие на крупные лесопромышленные корпорации, начинают задавать вопросы и высказывать свое мнение. В журнале «Форт-Брэггский Адвокат», который выступает за рубку деревьев, была передовица против Earth First!, признающая, что корпорации рубят слишком много. И теперь, когда корпоративная лесная земля заканчивается, возможно, мелкие землевладельцы смогут научиться вести лесозаготовки

экологически безопасным способом. Люди никогда раньше не поднимали эти темы. Одна вещь, которая меня очень впечатлила, — как большинство участников нашей кампании поняли, что все это было направлено не против рабочих.

— Не было ли это связано с акцентом кампании на ненасилие и постоянными программами обучения ненасильственными акциям в течение всего лета?

— Абсолютно. Один из результатов — то, что эта повестка была вообще поднята, в том числе вопросы о том, кто во всем виноват. За летом наступила «корпоративная осень». Мы говорили, что отдельные лица должны нести ответственность — и это не безликие корпорации. Наш лозунг: «Земля не умирает, ее убивают. А у убийц есть имена и адреса». Это цитата автора wobbly-песен Юты Филлипс (wobbly — «раскачивающий», протестный кантри движений за права рабочих — прим.ред.).

Цель «корпоративной осени» была в том, чтобы перенести демонстрации в офисы и роскошные дома людей, которые получают выгоду от разрушения планеты. Тот, кто зарабатывает семь или девять долларов в час, вырубая последние секвойи, не получает никакой выгоды от этого. Заработная плата в лесах округа Мендосино просто ужасающая. Девять баксов в час — это средний показатель. И есть много мексиканцев, включая нелегальных рабочих, которым платят меньше, чем за самую опасную работу в Соединенных Штатах. Это просто возмутительно — их эксплуатируют, чтобы разрушать Землю. Когда они закончат свою работу, корпорации их уволят, и у них не будет денег ни на переезд, ни на переобучение, ни на что-либо еще. Мы пытаемся четко определить, кто заслуживает порицания. Мы не обвиняем работающих в лесной промышленности людей, которые подвергаются эксплуатации. Мы виним тех, кто несет за все это ответственность.

Тогда Центральноамериканские группы устраивали демонстрации. У нас были люди, которые работали над антиядерными и мирными вопросами. Итак, еще одна вещь, которую мы сделали, — это помогли связать различные проблемы и энвайронментализм с частью массового протестного движения, от которой он был печально отделен.

— Как вы думаете, почему защитники окружающей среды остались в стороне от основных прогрессивных движений?

— Начнем с того, что эти люди были привилегированными. Они хотят сохранить дикую природу, чтобы наслаждаться ею во время пеших походов, что само по себе является классовой привилегией. Люди в гетто не беспокоятся о дикой природе, потому что, во-первых, они не могут добраться до нее, а во-вторых, в первую очередь они стараются выживать. В первую волну экологического движения сопротивление было сосредоточено на спасении природы. Но разрушение планеты достигло таких масштабов, которые угрожают самим экосистемам и инфраструктуре жизни, поэтому мы больше не спасаем декорации. Мы спасаем основу для жизни.

Это приводит к тому, что в 1990-е годы разрушение окружающей среды оказалось в центре внимания.

Мы разрушаем планету с такой скоростью, что она больше не может поддерживать общество в его нынешней форме, — это главное противостояние. Мы приближаемся к исчерпанию ресурсов. Наше общество было построено на эксплуатации как низших классов, так и Земли. В этом я буду отходить от позиции Маркса. Маркс говорит, что всякая ценность проистекает из труда. Я думаю, что вся ценность проистекает из труда и Земли. Рабочим не выплачивают полную стоимость их работы, как и не восполняют ресурсы, отобранные у планеты. Таким образом, прибыль крадетсЯ как с нее, так и с рабочих.

“ Но разрушение планеты достигло таких масштабов, которые угрожают самим экосистемам и инфраструктуре жизни, поэтому мы больше не спасаем декорации. Мы спасаем основу для жизни.

Бесправные, бедные люди, которые работают на «Раковой Алее» (Cancer alley — промышленный район вдоль реки Миссисипи между Батон-Руж и Новым Орлеаном — прим.ред.) не имеют голоса. Профсоюзы их не представляют, за исключением профсоюза сельскохозяйственных рабочих. Только 15 процентов рабочей силы состоит в профсоюзах. И они, как правило, действительно ограничивают себя. Если они говорят о безопасности на работе, то в таком узком смысле, что как только яд покидает растение, они больше не беспокоятся. Там, конечно, нет партии, представляющей рабочих. Вот что, по-моему, мы должны делать. Вот кем, думаю, должен быть наш избирательный округ. Наши избиратели также должны быть лесорубами, которых уничтожают вместе с лесами.

— Потому что многие энвайронменталисты не понимают взаимосвязи между эксплуатацией бедных, представителей рабочего класса и эксплуатацией Земли?

— Глубинная экология провозглашает взаимосвязь всех биологических видов на земле. Если вы признаете, что все взаимосвязано, как вы можете говорить, что мы можем отделить от себя дикую природу и утверждать, что она не взаимосвязана с обществом вокруг? Эта стратегия противоречит самой теории биоцентризма. Я опровергла такое мнение Дейва Формана, сооснователя Earth First!, в журнале движения Earth First!. Вообще-то, он нас раскусил (в оригинале: red-baited — американское выражение, обозначающее подозрение в коммунистических и других левых идеях — прим.ред.). Он так и сказал: «Вы не зеленые, вы красные». Якобы мы привносим посторонние вопросы классовой борьбы и социальных проблем — по этой же причине он считает нас антропоцентристами. Не думаю, что это так — нельзя же разделить эти проблемы. И единственная причина попытаться их разделить возникает из-за того, что люди не хотят бросать вызов обществу, так как это им не выгодно. Форман называет себя патриотом и по сей день! Его образ жизни и политика вполне тому соответствуют.

Не думаю, что Дейв Форман или кто-либо из членов группы осознает это, но другой аспект, по-моему, заключается в том, что часть дискомфорта им доставляет «женский», а не «мужской» стиль организации. Одна из вещей, которой мы достигли в «Лето Редвуда», — то, что я называю феминизацией Earth First!. Мы изменили организационную стратегию, используя коллективное ненасилие, а не индивидуальную браваду. Мы не просто пытаемся сместить мужских лидеров — мы пытаемся изменить стиль лидерства так, чтобы он был

коллективным и не зависел от прославления отдельных личностей.

— Женщины тоже могут быть эгоистами. У меня было несколько довольно плохих женщин-боссов.

— Плохие женщины-боссы подражают мужчинам, но я думаю, что есть нечто большее. Женщины играют биологическую роль дарительниц жизни и воспитательниц. Знаешь, я никогда в это не верила, пока не родила детей. Я думала, что разница между мужчинами и женщинами есть только в воспитании — до тех пор, пока у меня самой не родились дети. Есть биологическая разница. Женщины, безусловно, способны подражать мужчинам — посмотрите на Маргарет Тэтчер, она идеальный пример. Но это не так просто для женщин, им сложнее так себя вести. Для такого поведения они должны предать не только свой класс, но и некоторые основные инстинкты.

— Некоторые феминистки утверждают, что патриархальная агрессия является основой всех проблем.

— Не знаю, является ли она основой всех проблем. Я не могу сказать так, но это определенно важный элемент. Есть этот драйв, эта мужская агрессия. Есть и потребность в индивидуализме, которая с ней связана. «Мужская» стратегия, бывшая стратегия Earth First!, включала в себя опору на индивидуальные акты мужества. Это было основой: мы заставим какого-нибудь храбреца залезть на дерево и за это попадем в газету. Или прокрадемся ночью и саботируем бульдозеры.

Это что-то вроде «настоящего мужчины». Весь этот маленький мачо-сценарий не был рассчитан на массовую организацию. На самом деле, они [мужчины в EF!] очень неудобны в массовой организации — им реально некомфортно участвовать в коллективных действиях.

“ Если мы не сможем выйти за пределы белого среднего класса, у нас не будет ни единого шанса.

Думаешь, они элитарны? Абсолютно! Как метко выразился один мой друг: «Вопрос в том, сначала Земля или сначала "Earth First!"?» Эти люди видят в организации маленькую клику и хотят сохранить ее чистоту в ущерб эффективности.

— Это напоминает мне о старой битве между троцкистами и сталинистами.

— Верно. У нас есть строгая линия, и мы не хотим, чтобы такие люди приходили, ведь у них не будет этой линии. Вопрос ко мне: «Мы хотим спасти планету или сформировать маленький элитный кружок?» Если мы хотим спасти планету, мы должны устранить коренные причины, включая патриархат и разрушительное эксплуататорское общество. Мы не можем разделить эти проблемы. Если все, что мы хотим сделать, — это почувствовать себя лучше и успокоить свою вину, тогда крадитесь ночью и саботируйте бульдозеры, а раз в год устраивайте рандеву, в котором 400 человек собираются вместе и затем проводят акцию. Но это не спасет планету. Если мы не сможем выйти за пределы белого среднего класса, у нас не будет ни единого шанса.

Интересно, что Дэйв Форман и его друзья придумали лозунг «Никаких компромиссов в защиту Матери-Земли» (No Compromise in Defense of 'Mother' Earth).

Это часть мужского мифа — «Мы, храбрые воины, пойдем защищать материнство и яблочный пирог (американская идиома, которая обозначает что-то типичное и привычное для американцев – прим. ред.), или Мать-Землю!» Это ничем не отличается от господствующей парадигмы, которую они пытаются разрушить. Не только мужская агрессия является частью уничтожения планеты, но и ненависть к женскому полу способа, которым они поддерживают контроль внутри движения и общества, частью которого оно является. Я имею в виду Движение с большой буквы Д. Думаю, это всегда было проблемой. Я часто смеялась над отцом. У него на полке стояла книга, которую мы называли «Женский вопрос». Она была для мужчин, комментирующих «женскую проблему». Вы знаете этот вопрос, «что мы делаем в движении с "женским вопросом"?» Как говорит Фрейд, «чего хотят женщины?» Я скажу тебе одну вещь, Фрейд. Мы не хотим членов!

Это не вопрос мужчин и женщин. Это действительно вопрос о женской и мужской энергии.

Думаю, это действительно важное различие. Я не против мужчин, и я не сепаратистка. Я феминистка и экологиня. Я не считаю, что единственная проблема — между мужчиной и женщиной. Это лишь ее часть, и любой, кто притворяется, что это не так, поддерживает статус-кво.

— Как вы думаете, «Лето Редвуда» — хорошая модель для организации других коалиционных усилий?

— Абсолютно. На самом деле, многие другие группы заявили, что они хотят сделать что-то подобное. Это дает возможность расширить движение и обеспечивает преемственность между поколениями, местными организаторами и людьми, которые поверхностно заинтересованы в спасении планеты. Это дает возможность различным элементам движения объединиться, так как мы пытаемся использовать существующие структуры. Например, Центральноамериканская аффинити-группа (Central American affinity group) решила провести акцию, в которой участники сосредоточились на сравнении между Центральной Америкой и тем, что происходит на северном побережье. «Лето Редвуда» также предоставляет модель неиерархической или менее иерархической организации, которую может использовать движение. Мы можем быть эффективными и действовать без принятия этой иерархии и контроля мужского общества, его доминирующей парадигмы.

Некоторые люди говорят, что это открывает вам путь к анархии и хаосу.

Это правда, что у нас было много хаоса, но не забывайте, что «Лето Редвуда» началось с того, что главные участники были разгромлены покушением. Я имею в виду, дайте мне передохнуть! Во-первых, взрывом были выведены из строя наши самые опытные организаторы. А люди либо пугались, становились недееспособными, либо помогали мне заботиться и защищать себя и Дэррила. Было много путаницы из-за нападений на нас и нашей собственной неопытности, а не тактики кампании.

Это тоже впервые. Никто из нас не был достаточно опытен, чтобы справиться — мы никогда раньше не работали в таких масштабах. Я помогала организовывать демонстрации 2000 человек и раньше, но не в отдаленной сельской местности в лесу. Мы могли бы сделать намного лучше с гораздо меньшим количеством людей, если бы делали это снова. «Лето Миссисипи» (Mississippi Summer — волонтерская кампания в Соединенных Штатах, начатая в июне 1964 года, чтобы зарегистрировать как можно больше афроамериканских избирателей в Миссисипи — прим. ред.) длилось четыре года. До «Лета Свободы» (Freedom Summer — другое название «Лета Миссисипи»; подразумевается завершение кампании — прим. ред.) оставалось четыре года. Это было четыре года назад. У нас было четыре месяца. Думаю, нам есть чему поучиться.

В движении между людьми, стремящимися к большей организованности, и людьми, стремящимися к большей свободе индивидуальных действий, всегда присутствовала напряженность.

Мы склоняемся в анархичную сторону. Думаю, если у вас слишком много организованности, то вы подавляете индивидуальное творчество, и в конечном итоге запугаете общество, которое пытаетесь изменить. Мы пытаемся создать модель новых отношений между людьми. С одной стороны, мы пытаемся спасти леса секвойи. С другой, хотим изучить новые способы взаимоотношений, сформировать новые, не эксклюзивные, общества. И там будет место неэффективности. Я имею в виду, что фашизм — это самая эффективная система. Но я, конечно, могу терпеть неэффективность в обмен на большую свободу и более коллективный дух среди менее иерархической организации.

ФБР, безусловно, помогло движению объединиться. Одними из первых групп, предложивших свою поддержку после бомбардировок, были Американский совет по договорам индейцев (American Indian Treaty Council) и коалиция «Радуга» (Rainbow Coalition). Через эти группы выразили поддержку Движение американских индейцев (AIM) и «Черные Пантеры», которые больше не функционируют под этими названиями. Представители AIM посетили конференцию Earth First! в Колорадо этой осенью. Обе эти группы были объектами преследований ФБР — хотя и более интенсивно — одного и того же человека, Ричарда Холда (директора тайной программы наблюдения ФБР COINTELPRO за внутренними протестными группами). Это помогло нам сблизиться. Защитники окружающей среды склонны видеть себя отдельными. Ну, ФБР не считает нас такими.

Взорванная машина после покушения, в которой ехали Джуди Бари и Деррил Черни

— Должны ли в этом участвовать коренные американцы, потому что они являются хранителями этой земли?

— Они не видели своей роли хранителей. Они видели себя частью природы, а не ответственными за нее. Они не видели себя доминирующим видом. Они не считали людей кульминационным видом. Нам нужно это перенять. Точно так же, как нам необходимо изменить иерархию внутри нашего общества, нам нужно изменить наше иерархическое представление о природе. Вот что так революционно в отношении Earth First! и именно поэтому мы не хотим отказываться от нее, когда мачо-мужики делают ей дурную славу. Потому что конечное послание Earth First!, что означает «Сначала Земля!», — биоцентризм — идея о том, что человек не является центром Земли. Земли здесь нет, природа не для того, чтобы служить человеку, а человек всего лишь часть природы, и мы должны вернуть это принадлежащее нам место. Попытки господства над природой привели нас на грань уничтожения, Землю — на грань утраты способности поддерживать жизнь в том виде, в каком мы ее знаем. На самом деле я не думаю, что мы можем разрушить жизнь — мы не настолько могущественны. Зато эта форма жизни может быть в тупике — полном эволюционном тупике.

Что происходит с расследованием взрыва? Ничего. Могу сказать без всяких сомнений, что ФБР активно препятствовало проведению реального расследования. Они активно добивались, чтобы бомбардировщик не был найден. На это есть причина: скорее всего, ФБР напрямую замешано в этом. У меня нет доказательств, кроме того, что их поведение после взрыва полностью соответствовало прошлой истории с COINTELPRO. Есть слишком много вещей, которые просто не имеют смысла. Почему они вообще были там сразу? Почему они сказали, что мы с Дэррилом не только подозреваемые, но и единственные подозреваемые?

Они пришли к такому выводу в течение нескольких часов после взрыва, несмотря на то, что мы были вовлечены в крайне нестабильную организационную кампанию в отрасли, известной своей жестокостью, и что нам угрожали убийством еще до взрыва. Они закрыли глаза и утверждали, что это была наша бомба. Они «знали» это, потому что, по их словам, она была за сиденьем и мы должны были видеть ее. Позже мы показали по местам моих ранений, что бомба была под сиденьем, где ее нельзя было заметить. И ФБР уступило.

Проблема с ФБР в том, что такие вещи не всплывают годами. Если вообще когда-нибудь всплывают. Ведутся расследования, но не от ФБР. У нас есть следователь, за которого заплатил «Гринпис». Есть также расследование в Конгрессе, проведенное Судебным комитетом Палаты представителей по конституционным и гражданским правам во главе с конгрессменом Доном Эдвардсом (Д-Сан Хосе). Коалиция из 50 (прогрессивных) групп, призывавшая к расследованию прошлым летом, реально добилась его проведения. Комитет представил ФБР список вопросов, и ФБР отказалось на них отвечать. Так что я не знаю, куда это приведет — мы окажем любое возможное давление.

«Вы теперь не бойтесь» — это был очень долгий, трудный процесс, чтобы проделать весь путь до такого. Постепенно, с огромной поддержкой многих людей, я снова обрела уверенность в себе. Еще не всю.

Как только я попыталась вернуться домой после взрыва, на почтовом ящике моего домовладельца появился плакат и еще одна угроза смерти. Там было написано: «Бари, убирайся!» и указаны мои точные маршруты, пробег машины и все остальное прямо до этого адреса. Там было написано, что хиппи строят мне укрытие для местной Earth First! и автор предлагал ящик пива «Coors» тому, кто меня подожжет, и шесть банок за каждую хижину хиппи по дороге. Угрожали не только мне, но и всему моему сельскому отдаленному району — поджогом в сухое лето. Письмо было подписано Стоппмерами (Stompers). Довольно трудно оправиться от взрыва и продолжать получать смертельные угрозы.

Беспокоюсь ли я о своих детях? Конечно. Сейчас я выбрала самое безопасное место, чтобы жить. После взрыва я думала, что больше никогда не смогу делать ничего политического. Если бы кто-то спросил меня, готова ли я умереть, я бы ответила: «подожди, пока мои дети вырастут». Я не пыталась пожертвовать собой за их счет — это было очень, очень тяжело для них. Они до сих пор не могут спать спокойно.

После взрыва я сказала Лизе (девятилетней дочери Бари — прим. ориг.), что вообще брошу политику. Она сказала, что не хочет этого, несколько раз. И знаете, одна из причин, по которой я это делаю ради детей — чтобы у них было достойное место, где они могли бы расти.

— Вы являетесь хорошим примером для детей, которых воспитываете в этом мире, не боясь высказываний.

— Ну, может быть, они будут больше бояться. Есть еще одна вещь, благодаря которой я смогла идти вперед — вы когда-нибудь слышали стихотворение Джона Трюдо «Это не Эль Сальвадор»? Знаете, что случилось с Джоном Трюдо? Он был лидером AIM, и его

предупредили, чтобы он не произносил конкретную речь. И он все равно ее произнес. По возвращению домой Трюдо обнаружил, что дом был заминирован, а его жена, двое детей и свекровь погибли. «Это не Эль Сальвадор» — стихотворение об этом. Дело, конечно же, в том, что это Эль Сальвадор. Когда я думаю о Джоне Трюдо, я думаю о Фреде Хэмптоне и «Черных Пантерах», о людях в Сальвадоре и Никарагуа, где 50 процентов детей — сироты...

Мы знаем, что вся система опирается на насилие. И если мы эффективно бросаем вызов системе, то неудивительно, что она собирается применить насилие против нас. Люди из Американского индейского движения (American Indian Movement) как-то сказали: «Насилие не является для нас выбором. Оно как погода — просто случается». Это часть власти и то, что мы пытаемся изменить в обществе. Но со знанием того, что такое общество и насколько оно на самом деле жестоко, как только к нам начнут применять насилие, мы бросим свое дело и потерпим поражение.

Я не понимаю, как мы можем поддерживать народ Эль Сальвадора и так легко запугаться, участвуя в борьбе здесь. Я не пытаюсь отнять у Сальвадора солидарность. Я, безусловно бы, сделала это — я была региональной координаторкой «Клятвы сопротивления» (Pledge of Resistance). Думаю, участвуя в борьбе на местах, мы тем самым помогаем народу Сальвадора. Но как мы можем продолжать бороться, когда все, что требуется им — это простейшая задача для нас, а мы все равно отступаем? Когда я смотрю на мужество товарищей в Сальвадоре, на людей в Южной Африке и на то, с чем им приходится мириться, наши проблемы меркнут рядом. Мы все еще очень привилегированны. Давайте говорить серьезно — я имею в виду, выбор очевиден, там же собираются убить Землю и все живое на ней! Альтернатива в том, что либо мы будем противостоять, либо все пойдет своим чередом. Мы должны проявить как личное, так и коллективное мужество, потому что только так можно выжить.

Когда вы говорите, что борьба выходит за рамки личной безопасности людей, я думаю, что наша коллективная безопасность важнее. И судьба леса важнее, чем моя. У меня есть цель быть здесь. Мне даны таланты и способности: способность анализировать, ясно говорить, умение налаживать связи. Я чувствую, что причина, по которой у меня есть эти таланты — в движении, и я хочу использовать их по назначению. Если я перестану, им не придется меня убивать и они преуспеют.

Иногда я боюсь до смерти. Иногда я так боюсь, что не могу заснуть и буквально дрожу от страха. Я не собираюсь притворяться, потому что я определенно боюсь. Я не хочу быть мученицей — это не весело и не гламурно, а чертовски больно.

— Ты поддержала людей своей смелостью и честностью. Я слышала, как многие люди, которые не являются активистами, говорят, что ты была для них потрясающим примером и вдохновением.

— Я получаю письма от разных людей, и удивительно, как много из них — женщины. Мне не нравится, когда меня считают иконой, это меня беспокоит. Нужно сказать, я горжусь, что являюсь примером для женщин. Я горжусь тем, что помогаю им встать. Думаю, это единственное, что сделал тот взрыв. В «Лето Редвуда», в мое отсутствие, 10 сильных

женщин поднялись, чтобы занять мое место, и движение увеличилось в десять раз. Эти женщины уже были в движении, но невидимками. Со мной многие участники, в первую очередь женщины, поднялись на более заметные роли. Это был другой аспект феминизации Earth First! — подъем определенных лидерок.

Возможно, поэтому это было так угрожающе. Женское движение угрожает мужской структуре власти. Точно так же, как черное движение угрожает белому.

Джуди Бари с одной из дочерей

— Кроме исцеления себя, над чем ты работаешь в эти дни?

— Я начинаю координировать книгу о «Лете Редвуда», потому что ее очень задерживали. Мы составляем предварительные отчеты. Мы все знаем, что никогда не будем прежними. Но если вы прочтаете прессу, то подумаете, что ничего не случилось, что это полный провал. The New York Times сказала, что пришло 500 человек за все лето, что мы разрушили Earth First!, вызвали местные разногласия, и что проблема по-прежнему в рабочих местах, а не в деревьях, что никогда и не было проблемой. Проблема в краткосрочной прибыли в сравнении с долгосрочным выживанием. Очень важно донести эту мысль.

Я намерена говорить и писать как можно больше. Мне также нужно быть в местном сообществе. Я не могу выйти на национальный уровень — тогда я потеряю свою местную базу или свое обоснование. Я занимаюсь этим не только в вакууме. Я делаю это, потому что связана и с землей, и с людьми здесь. И думаю, что движение намного продвинулось вперед по сравнению с положением до взрыва.

“ Проблема в краткосрочной прибыли в сравнении с долгосрочным выживанием. Очень важно донести эту мысль.

Самое большое, что мы потеряли после взрыва бомбы, — работу коалиции. Очень смело со стороны рабочего начать с нами соглашаться, работать с нами и говорить: «Да, эти люди правы. На короле нет одежды». Было несколько рабочих, которые начали делать это публично, и много тех, кто начал в частном порядке. И больше всего начинали анонимно — в том числе люди, которые передавали мне информацию, звонили. Люди в лесной промышленности испугались взрывов, и рабочая коалиция потеряла позиции. У нас есть разные сторонники среди лесозаготовителей, но предстоит ещё долгий путь, чтобы они начали доверять не только мне, но и экологам. И не начинали верить линии компании.

Многих сейчас увольняют, потому что прошлым летом они срубили двадцатилетние деревья. Уложили их на бревенчатые палубы, и началась рецессия. Из-за автоматизации и экспорта, из-за перегрузки. То, что я вижу среди некоторых лесозаготовителей, скорее критика корпораций, — острее, чем раньше. Есть возможность восстановить альянс, который мы начинали строить, и надеюсь, я смогу над этим поработать. Это не работа во славу — я не получаю ни копейки. Медленная, но самая важная работа, которую я могу сейчас выполнять.

У меня есть уникальная перспектива, потому что я не просто наравне с рабочим классом. Я всю свою жизнь была синим воротничком. И сознательно саботировала себя, не получив диплом колледжа. Я выполняла фабричную и плотницкую работу, а также различные другие работы, была кассиршей. Так что я не просто говорю «эй!», а потому что это такие же условия моей жизни. Я веду слегка маргинальный образ жизни — всегда так и было. Я культурно отличаюсь от них, но с экономической точки зрения мы равны.

Проблема в том, как мы все сосуществуем на Земле. Стремление вести яппинский образ жизни, называя себя защитниками окружающей среды, образует огромное противоречие. Мы должны упростить нашу собственную жизнь.

Несс Арне, Мейляндер Питер. Менталитет будущего

2009, источник: [здесь](#), Перевод с норвежского - Злата Кононова

В этой статье, написанной совместно с Петером Мейляндером, 95-летний философ Несс Арне обрисовывает основные принципы глубинной экологии

Мы живем на непостижимо красивой маленькой планете. Но наше существование находится под угрозой. Если мы собираемся выжить, надо научиться думать по-другому. Наши мысли о будущем должны быть связаны с природой. Они должны касаться всех людей. Всех существ. Потому как все живое имеет свою ценность.

Глубинная экология – это менталитет будущего. Она поможет найти альтернативу тому, что сегодня кажется опасным и легкомысленным. Глубинная экология – это форма моральной серьезности, основанная на анализе и науке. В своей основе она направлена на исследование понятия качества жизни и на обретение радости. В этой связи глубинная экология подразумевает также фантазию и игру. В сущности, глубинная экология – это позиция. Обязывающая позиция.

Мышление – это жизнь. В наше время жизнь находится под угрозой, а значит под угрозой и мышление. Поэтому мышление должно измениться. Речь идет о тесной связи жизни на Земле и менталитета. Без мышления нельзя спасти жизнь. Без жизни нельзя спасти менталитет. Поэтому мы считаем, что мышление должно концентрироваться на жизни и природе. Не впадая в природоведческий идеализм, мы должны придерживаться научного реализма.

В своей основе менталитет будущего будет связан с поиском ответа на вопрос: Как сделать так, чтобы у большинства живых существ было наилучшее существование в обозримом будущем?

Это наш исторический вызов.

Глубинная экология предлагает метод для понимания и исследования жизни. Слово «глубинный» является прежде всего метафорой, указывающей на то, что наше понимание продумано, что мы настроены на мышление в «более глубоком русле». То есть, на вопросы глубинного критического характера и поиск наилучших ответов.

Под «экологией» мы прежде всего понимаем науку, согласно которой живые существа, включая людей, зависят друг от друга; более того, для действий и свободы человека существуют естественные границы. Во многих областях люди безвозвратно вытеснили или уничтожили многие биологические виды, поэтому переход к глубинному экологическому мышлению не терпит отлагательств. Все чаще мы стоим на краю перед выбором. От него зависит наша жизнь.

Мы верим в возможность обращения вспять нашей цивилизации. Мы верим, что переворот в сознании с последующим ограничением человеческой деятельности не обязательно означает ухудшение качества жизни. Совсем наоборот.

Главная мысль заключается в том, что наш менталитет развивается, а знания растут. Это позволяет нам ставить новые вопросы и получать на них новые ответы, ведущие к практическим решениям, а значит к новым и лучшим альтернативам.

Побудительным мотивом такого «глубинного» мышления является вера в то, что люди не находятся в конце своего эволюционного пути. И вряд ли мы когда-нибудь придём к нему. В глубинной экологии подчеркивается: быть человеком - значит иметь возможность стремиться к чему-то лучшему. Важно и то, что это «лучшее» касается не только меня лично или вас, но и всех людей в обозримом будущем.

Особенность человека по отношению к другим существам в том, что, размышляя, он может прийти к альтернативным решениям. Поэтому на человеке лежит большая ответственность, чем на других живых созданиях.

Вот почему понятие «ближний» такое важное для глубинной экологии. Ни одна из проблем не может обойтись без этого понятия. Для глубинной экологии «ближние» - это «все люди». Национальные границы, цвет кожи, религия и этническая принадлежность имеют второстепенное значение.

Но глубинная экология идёт дальше этого определения. Она хочет лучшей жизни для всех живых существ. Нечеловеческие существа имеют свою внутреннюю ценность. Они имеют такое же право на радость жизни. Мы не имеем в виду, что люди и животные имеют одинаковую ценность. Мы хотим лишь сказать, что люди не могут брать на себя право рассматривать других существ как средства [для удовлетворения человеческих нужд]. Человек находится в природе. И должен вести себя сообразно этой природе. Глубинный эколог не говорит: «Ты не должен убивать». Глубинный эколог спрашивает: «А есть ли необходимость убивать?» Или: «Есть ли необходимость убивать так много?» Из этого следует, что у нас есть право ограничивать чрезмерное распространение других существ, но нет права приносить им чрезмерные страдания или истреблять их.

Качество жизни - основополагающее понятие глубинной экологии. Что такое качество жизни? Какого рода переживания дают жизни наивысшее качество? Как соотносится качество нашей жизни с качеством жизни других существ? Эти и подобные им вопросы постоянно находятся в фокусе глубинной экологии.

Качество жизни нельзя определить раз и навсегда. Это не заранее утвержденная норма, при помощи которой измеряют развитие. Понятие «качество жизни» требует, чтобы наше мышление и эволюция ориентировались на качественное улучшение жизни на Земле.

Мы полагаем, что качество жизни и радость жизни взаимосвязаны. Лучшее качество жизни может привести к большей радости жизни и благополучию. И наоборот.

Увеличение радости и благополучия – главные цели глубинной экологии.

Мы считаем, что важно уважать внутренний голос, который говорит: «Я хочу...» или «Я не хочу...». Поэтому глубинная экология говорит о значении «искры [святого недовольства]». Без такой искры человеческая жизнь становится бедной и мёртвой. Устойчивая культура предполагает наличие благополучия и искры недовольства.

Мы не верим в существование вечной и непоколебимой истины. Иными словами, глубинная экология – не догматическое, не религиозное, и не метафизическое понятие.

Поэтому нашу точку зрения нельзя обосновать священным писанием или обращением к «Богу». Она динамически обращена к миру, и всегда основывается на опыте.

Истина – это то, чего мы постоянно ищем. Истина – это поиск правды; непрерывный процесс, во время которого мы руководствуемся ценностями и этикой. Истина, которую мы ищем, – это экологическое понятие, находящееся в сложной связи с природой; которая в свою очередь находится в постоянном развитии.

Наш поиск истины сопровождается расширением знаний и формируется всем ходом эволюции, поэтому истина сегодня всегда будет чем-то иным, чем истина вчера или завтра.

В данный момент качество жизни находится под угрозой. Прежде всего, ему противодействует ненасытная жажда обладания материальными вещами и дорогими удовольствиями. Мы называем эту жажду «ненасытной», потому что она в большой степени является продуктом индустриального развития, и потому что она уводит от простых, жизненно важных и наиболее щадящих окружающую среду желаний и потребностей.

Многое из того, чем мы себя окружаем, лишь иллюзия благополучия. Рост техники, который якобы должен улучшить и облегчить нашу жизнь, все чаще наносит вред природе и людям. Растёт количество депрессивных состояний, людей-инвалидов, больных людей. Отравление животных, людей и природы растёт вместе с производством и количеством мусора. Растет вред от войн по мере совершенствования оружия .

Всё сложнее увидеть связь между причиной и следствиями. За каждым несчастьем стоит ворох причин. И неудовлетворенность порождает новые иллюзии о благополучии, которые только продлевают несчастья.

Боль и экзистенциальные устремления становятся предпосылками для новых иллюзий улучшения жизни за счет роста материальной культуры. Часто по этой причине именно могущественные экономические интересы поддерживают у нас ощущение

неудовлетворенности.

Поэтому борьба за менталитет будущего – это борьба за власть. Мы находимся в центре идеологической борьбы ценностей, которая охватывает все стороны жизни человека. Следует признать, что существуют могущественные идеологи, зарабатывающие на приобщении нас к господствующей идеологии потребления. Эта идеология влечет за собой не только экономическую и физическую бедность, но может быть даже в большей степени экзистенциальную бедность.

Общая скудость ума и жажда выгоды жестко связаны с ухудшением качества жизни людей. В самом худшем случае нас ожидает полный коллапс и истребление жизни на Земле.

Всё чаще люди теряют представление о том, что значит быть человеком. Вещи, стресс и идеологии отдаляют нас от понимания самих себя и нашей человечности. Мы теряем веру в себя и отгораживаемся от ближнего какой-то искусственной формой жизни, где человеческое начало проигрывает. Мы теряем способность воспринимать человечность других людей.

Поэтому «смысл жизни» – важнейшее понятие. Оно может быть как притягательным, так и просветляющим.

Притягательным, потому что может заставить нас некритично поверить в то, что он где-то вне нас и что его можно купить или получить. Что смысл жизни не связан с нашей личностью.

Просветляющим, потому что заставляет задуматься над тем, что действительно такое «наша жизнь» и «наша человечность».

Мы считаем также, что полезно поговорить о человеческом достоинстве. Об обществе, достойном человека, о достойной жизни и т.д. Война, например, не достойна человека.

Война – это временное состояние, иллюзия того, что можно считать достойным. Но война оказывается средством, которое редко приводит к цели. Слишком большие ресурсы используются на развитие наших способностей к уничтожению. В результате наши способности к миротворчеству падают. Ставки в войне носят кратковременный характер и быстро дают видимые результаты; работа же по установлению мира требует длительного времени и даёт поздние результаты. Глубинная экология настроена на длительную перспективу.

В эту перспективу входит развитие способности помогать ближним улучшать качество жизни, которое – в итоге – определит лучшее будущее всего человечества. Многие чувствуют это, но всё же делают очень мало для развития этой способности. Для общества война становится чем-то выгодным, поскольку производство оружия увеличивает торговлю и ВВП. Сотрудничество, напротив, выливается совсем в другие продукты и ценности – в человечность, которую надо мерить совсем другими критериями.

При свободной капиталистической конкурентной экономике и глобальном росте населения конфликтный потенциал в мире будет расти. Поэтому будущее необходимо строго регулировать.

Нам необходимо позаботиться о мире. Заботиться о мире означает бороться за чистый воздух и чистую воду, за прекращение распространения СПИДа. Заботиться о мире означает делать все необходимое, чтобы остановить глобальное потепление.

Даже наиболее благополучные из нас понимают, что необходимы радикальные перемены в образе жизни человека. И что эти перемены рано или поздно должны коснуться всех. Это укрепляет надежду.

Мы считаем необходимым дальнейшее развитие экологического международного законодательства.

Законы должны иметь такой же международный характер, как и загрязнение, денежные потоки, коррупция, болезни и перемещение товаров. Они должны соблюдаться беспрекословно и иметь одну и ту же силу действия во всех странах и среди всех национальных групп.

Американец не может использовать нефти в сто раз больше, чем азиат. Глубинная экология против этого. Все люди должны подчиняться одним и тем же ограничениям и иметь одни и те же возможности.

Не имеет значение, где вы родились и в какой стране проживаете. Главное: соблюдаете ли вы правила, обращаетесь ли друг с другом по-братски, чувствуете ли реальную ответственность за жизнь на Земле.

В такой перспективе, например, этнический норвежец играет второстепенную роль.

Мы полагаем, что хозяйственную жизнь, экономику, легко можно подчинить таким правилам. Разделив понятие «хозяйственная жизнь» на две части, мы получим «хозяйство, питание» (норв.) и «жизнь». Нет лучшей основы для будущего. Будущее должно нас питать, наполнять в самом широком смысле этого слова, оно должно поддерживать жизнь в самом широком её понимании.

Из-за исключительного богатства Норвегии на нас лежит особая экологическая ответственность. Мы уже «высунули голову над водой» и хотим использовать наш разум способом, которого еще не видела история. Желание измениться растет день ото дня. Изменение курса истории уже началось. Почему бы нам не использовать наше благополучие для развития нашего сознания?

Глубинная экология указывает на то, что изменение мышления – это непрерывный процесс. Мы знаем, что должны идти в этом направлении. До сих пор мы откладывали изменение курса, потому что боялись. Но сейчас мы понимаем, что у нас нет другого выбора. Если мы сами не возьмём на себя управление будущим, изменения будут нам навязаны либо в виде принудительного политического режима, либо катастрофы. И того и другого мы должны

избежать во чтобы то ни стало.

Мы верим в наши способности сохранить будущее. Мы также полагаем, что большинство понимает, какие нас ожидают кардинальные изменения.

Мы способны измениться. Это реально. Но это значит, что должен измениться язык и понятия, которые он отражает. Все исторические эпохи пережили периоды, когда слова и их значение изменялись. Сейчас мы должны найти новые слова и понятия для будущего.

Здесь большая ответственность лежит на средствах массовой информации и политиках. Все, кто используют язык, должны помочь прояснить новые ценности и нормы. Мы должны повзрослеть и стать умнее – по крайней мере, почувствовать, что каждый из нас, каждый день, создаёт будущее.

Это и будет менталитет будущего.

Несс Арне. Простая по средствам, богатая по результатам. Интервью с Арне Нессом

1995, Опубликовано: Stephan Bodian,. Simple in means, rich in ends: an interview with Arne Naess. - Deep ecology for the 21st century. Ed. G. Sessions. Boston - London: Shambhala, 1995. P. 26-36. Сокращ. перевод А. Елагина.

Арне Несс - известный норвежский экофилософ и природоохранник, основатель движения глубинной экологии.

Стефан Бодиан: Арне, как Вы пришли к глубинной экологии?

Арне Нейс: Когда мне было пять или шесть лет, у меня была возможность пожить на берегу фьорда в Норвегии, и меня просто заинтриговало фантастическое разнообразие форм жизни, особенно маленьких рыбок, рачков и креветок, очень дружелюбно собравшихся вокруг меня. Я жил среди этих существ целое лето. Когда мне было девять или десять, я полюбил горы, где у моей мамы был домик. Поскольку у меня не было отца, горы как бы стали мне отцом, как огромное могучее существо, совершенное и невероятно спокойное. И в последующие годы давление школы, общества, мира людей научило меня быть счастливым, попадая туда, где ничто не давит на тебя, ничто не заставляет вести себя так или иначе. Скажем, облака говорят с нами, но не заставляют нас ни во что верить. Даже искусство иногда чего-то от нас хочет, о чем-то нам сообщает. Но природа ошеломительно богата и хороша, и ничего нам не навязывает. Мы совершенно свободны, наше воображение свободно. Конечно, если мы будем беспечны, нас может смести лавиной, или мы можем утонуть, но в природе всегда существуют предупреждения. У меня никогда не было чувства, что над природой нужно властвовать или с ней надо бороться - это что-то, с чем мы сосуществуем.

Современная астрономия, которой я занимался до 1930-х годов, говорит, что вселенная расширяется, и я чувствую, что я расширяюсь вместе с ней; я отождествляю себя со вселенной - чем больше вселенная, тем больше я. Некоторые люди чувствуют угрозу, когда понимают, что космос так непомерно огромен, а мы так ничтожны. Но в некотором смысле мы можем быть большими, как космос. Мы сами, как люди, можем отождествлять себя со

всем сущим.

Эти чувства и привели меня в экологию в то время, когда начало развиваться международное движение. Я не занимался бы этим ради развлечения. Думаю, общественные движения в действительности скучны. Я предпочел бы жить в природе, но мне кажется, что все мы должны попытаться сохранить хотя бы немного из того, что осталось от планеты - это последнее столетие, в котором у нас будет шанс. Поэтому я сегодня в Лос-Анджелесе, а не в горах или в пустыне.

С.Б.: То есть, с самого начала, Ваши философские интересы так или иначе касались природы.

Нейс: Люди находили мои интересы довольно странными, так что мне пришлось как-то обосновывать и рационализировать их. Это побудило меня поставить перед собой более глубокие вопросы о смысле жизни. Таким образом, философия очень рано оказалась в центре моего внимания. Философ, в отличие от профессора философии - тот, чье философствование выражается в его или ее жизни. Последние десять лет я пытался быть и тем, и другим.

С.Б.: Вы создали понятие глубинной экологии. Что именно Вы понимаете под глубинной экологией, и чем она отличается от поверхностной экологии?

Нейс: Сущность глубинной экологии - в сравнении с научной экологией и с тем, что я называю поверхностным экологическим движением - состоит в том, чтобы задавать глубокие вопросы. Слово "глубокие" подчеркивает, что мы спрашиваем, почему и как, в то время как другие - нет. Например, экология как наука не задается вопросом, какой тип общества больше всего подходит для сохранения данной экосистемы - этот вопрос считается прерогативой аксиологии, политики, этики. Пока экологи придерживаются своей узкопрофессиональной сферы, они не ставят таких вопросов. Сегодня нам необходимо значительное развитие в экологической мысли того, что я называю экософией. Корень *sophia* в греческом языке означает "мудрость", и связан с этикой, нормами, правилами и практикой. Таким образом, экософия, или глубинная экология, содержит поворот от науки к мудрости.

К примеру, необходимо задавать такие вопросы: правильно, что экономический рост и высокий уровень потребления так важны? Традиционным ответом было бы указание экономических последствий отсутствия экономического роста. Но глубинная экология спрашивает, удовлетворяет ли современное общество базовые человеческие потребности, такие как потребности в любви, безопасности, близости к природе; но в этом случае мы ставим под вопрос основные принципы нашего общества. Мы спрашиваем, какое общество, какая система образования, какая религиозная конфессия будут благоприятны для всей жизни на нашей планете в целом, и затем ставим следующий вопрос: что нам нужно предпринять, чтобы сделать необходимые изменения. Мы не связаны научным подходом; наша обязанность - сформулировать целостную картину.

Разумеется, бывают разные целостные картины. Например, буддизм предоставляет вполне подходящую основу или контекст для глубинной экологии, некоторые христианские группы проводят серии акций в ее поддержку, а я сам разработал свою собственную философию, которую назвал экософией. Однако, в целом люди не задают достаточно глубоких вопросов для того, чтобы прояснить целостное видение. А если бы задавали, то большинство согласилось бы с необходимостью спасти планету от разрушения, которое сейчас продолжается. Различные варианты экософии станут стимулом для любых акций и движений, цель которых - спасти планету от доминирования и эксплуатации ее человеком.

С.Б.: Такое впечатление, что если мы задаем достаточно глубокие вопросы, то эти вопросы требуют от нас радикального сдвига во взгляде на мир, то что некоторые люди называют сдвигом парадигмы.

Нейс: Да. Я думаю, это сдвиг от увлечения средствами, инструментами, орудиями, всеми теми вещами, которые, как нам кажется, доставят нам удовольствие или сделают нас счастливыми и совершенными. Переворот начинается, когда мы серьезно спрашиваем себя: "В каких ситуациях я испытываю наибольшее наслаждение от всего своего бытия?" и обнаруживаем, что не нуждаемся практически ни в чем из того, что считали необходимым для богатой и полнокровной жизни. И если мы обратимся к жизни, простой по средствам, но богатой по плодам, нам не будут казаться опасными планы спасения планеты, выработанные экологическим движением. Например, мы увидим, что вместо энергетического кризиса налицо кризис потребления - у нас более чем достаточно энергии. Нет необходимости продолжать увеличивать потребление энергии, так же как и любого другого материального ресурса. В таких странах, как США, кризис заключается скорее всего в кризисе способа жизни, традиции бездумности и расточительства, нашей неспособности понять, что в нашей жизни по-настоящему ценно, а что - нет. Через 50 лет нам либо потребуются диктатура для спасения того, что осталось от первоначального богатства форм жизни, либо произойдет изменение системы ценностей, сдвиг нашей общей картины мира, и тогда никакой диктатуры не понадобится. Совершенно естественным образом прекратится доминирование, эксплуатация и разрушение нашей планеты. "Мягкий" путь, включающий гармоничное сосуществование с природой, или "жесткий" путь, предлагающий диктат и принуждение - вот из чего нам предстоит выбирать.

С.Б.: Каковы, по Вашему мнению, фундаментальные характеристики или признаки глубинной экологии, и как они отличаются от характеристик поверхностной экологии?

Нейс: Одна из основных норм глубинной экологии гласит, что любая форма жизни в принципе имеет право на жизнь и процветание. Конечно, мир устроен так, что нам приходится убивать для того, чтобы есть, но базовая интуиция глубинной экологии такова, что мы не имеем права уничтожать никакого живого существа без серьезной необходимости. Другая норма говорит, что зрелый человек испытывает радость, когда другое живое существо испытывает радость, и грустит, когда другое живое существо грустит. Мы печалимся не только тогда, когда печалится наш брат, наша собака или кошка, но мы будем горевать, когда уничтожается любая жизнь, в том числе пейзажи. Наша цивилизация накопила множество средств разрушения, но в наших чувствах так мало зрелости. Большинство людей до сих пор интересуется лишь очень ограниченный набор

ощущений.

С точки зрения глубинной экологии, биосфера Земли в самой своей сущности демократична. Поверхностная экология продолжает говорить только о ресурсах для человека, тогда как в глубинной экологии говорится о ресурсах для всех видов. Поверхностная экология озабочена перенаселением в развивающихся странах, но не в индустриальных - в тех странах, которые способны натворить в сто раз больше вреда, чем государство вроде Бангладеш. Цель, которую ставит глубинная экология - не только стабилизировать количество населения Земли, но и уменьшить его до устойчивого целесообразного минимума, используя гуманные средства, не требующие революции или диктатуры. Я думаю, что для сохранения того богатства культур, что было на нашей планете сто лет назад, нам нужно не более миллиарда людей. Мы нуждаемся в охране человеческих культур в той же мере, что и видов животных. Нам необходимо многообразие как человеческой, так и нечеловеческой жизни!

С.Б.: То есть многообразие - это большая ценность на уровне человека, точно так же как и на уровне растений и животных.

Нейс: Да. Лично я считаю, что для максимальной самореализации - я не имею в виду самость как эго, но в более широком смысле - нам нужно максимальное разнообразие и максимальный симбиоз. Так что многообразие - это фундаментальная норма и всеобщее благо. Мы, сторонники движения глубинной экологии, полагаем природное благо в разнообразии, до тех пор, пока оно не включает незрелых экспансивных форм, таких как культура нацизма, разрушающих остальное. Характерной чертой глубинной экологии является многоплановое видение - мы чувствуем себя ответственными за будущие поколения, и не только за первое, но и за второе, третье, четвертое. Наша перспектива во времени и пространстве очень широка. Напротив, поверхностно-экологическое движение стремится поправить только некоторые из худших последствий нашего образа жизни и общественного устройства - безотносительно к базовым проблемам.

С.Б.: Что вы имеете в виду, говоря, что максимальная самореализация и максимальное многообразие видов тесно взаимосвязаны?

Нейс: Самореализация - это реализация жизненных возможностей. Организмы, различающиеся по трем параметрам, дадут нам меньше многообразия, чем организмы, различающиеся по ста параметрам. Таким образом, самореализация, которой мы достигаем, отождествляя себя со вселенной, повышается, когда увеличивается количество способов, которыми индивиды, общества и даже виды и формы жизни реализуют свои возможности. Чем больше многообразие, тем сильнее самореализация. Это кажущееся раздвоение между индивидуальным и всеобщим интегрируется в том, что я называю Самостью, и что китайцы называют ДАО. Большинство приверженцев глубинной экологии однажды почувствовали - обычно (но не всегда) где-нибудь на природе - что они связаны с чем-то большим, чем их эго, чем их семья, чем их особые индивидуальные качества - это чувство часто называют океанским, потому что многие испытали его в открытом океане. Без такого самоотождествления невозможно так просто присоединиться к глубинной экологии.

Многие люди пережили это чувство, наблюдая борьбу со смертью - к примеру, когда видели, как мелкие существа, вроде мух или комаров, борются за свою жизнь. Видя страдания животных, люди могут отождествить себя с такой формой жизни, с которой никогда бы не отождествили себя в обычных условиях. Такие ситуации дают нам возможность развить в себе более зрелое отношение к жизни. А поскольку эти чувства, это глубокое обращение можно считать религиозным, то глубинная экология содержит религиозный компонент. Те, кто сделал больше всего для осознания современными обществами пагубности нашего отношения к природе, имели такие религиозные чувства. Рэчел Карсон, например, говорит, что мы не могли бы сделать того, что сделали, если бы не имели религиозных или этических оснований вести себя именно так по отношению к природе. Ее аргументация не считается логически доказанной или "обоснованной" в традиционном понимании, когда говорится, что если мы будем продолжать отравлять природу, то будем менее здоровыми, или уменьшатся наши ресурсы, и т. п. Она утверждает, что мы не можем позволить себе вести себя подобным образом. Кто-то может сказать, что природа - не наша собственность, а Божья; кто-то скажет это другими словами. Можно сказать, что глубинная экология содержит религиозный компонент как первооснову, которую должен культивировать в себе каждый из нас, если он или она хочет жить, ориентируясь на ценности, а не просто функционировать подобно компьютеру. Поверхностная экология, приведенная к своему логическому пределу, напоминает компьютерный анализ затрат и прибылей, в котором предусматривается выгода только для человека.

С.Б.: Вы говорили о долговременной перспективе. С другой стороны, конечно же, ситуация уже сейчас является критической - биологические виды очень быстро подходят к черте вымирания, разрушаются целые экосистемы. Как вы находите баланс между необходимостью долговременной перспективы и настоятельной потребностью в немедленном действии?

Нейс: Эти две потребности очень естественно совмещаются, так как долгая перспектива во времени и пространстве мотивирует нас к глубоко продуманным действиям сегодня. То есть, когда человек, сообразуясь с целым миром, опираясь на религиозно-философские основания, узнает, к примеру, что влажных тропических лесов в далекой Суматре уже практически не осталось, а в Шри-Ланке их всего шесть процентов от того, что было вначале, то у него сразу же возникает понимание необходимости немедленных действий: "Это не должно продолжаться, это нужно изменить". Поэтому долговременная перспектива - абсолютно необходимая, например, в вопросе сокращения народонаселения - необходима как в связи с теми или иными фактами, так и по причине мотивации, производной от универсальных норм, таких как самореализация, идентификация со всей вселенной и других, по сути религиозных принципов, существующих тысячелетия или даже целую вечность, и уж никак не пять или десять лет.

С.Б.: Таким образом, глубинная экология - это фундаментальный взгляд на мир, побуждающий в то же самое время к немедленному действию. Помимо противопоставления глубинной и поверхностной экологии, что бы вы могли предложить для того, чтобы эти направления могли сотрудничать? Может ли глубинная экология помогать другим экологическим движениям, которые, возможно, антропоцентричны и не имеют фундаментального взгляда на мир, но вместе с тем многочисленны и эффективны?

Нейс: Я думаю, что глубинная экология может сотрудничать с самыми разными движениями, в том числе и с теми, которые мы называем узкими или мелкими экологическими организациями. Например, в уставе Сьерра-Клуба не может быть глубинноэкологических принципов, и его членами обязательно будут люди, настроенные очень антропоцентрично и думающие только о максимальной пользе для человека в ближайшие 10-20 лет. Нам нужно работать с движениями, приверженцы которых ничего не знают о глубинной экологии и, возможно, никогда не сталкивались с дикой природой и не имели личных отношений с животными, за исключением кошек и собак... И, разумеется, мы не можем не сотрудничать с движениями, чьи ценности нам близки, такими как антиядерное движение или некоторые христианские группы за достоинство жизни - одновременно стараясь дополнить и расширить их взгляды в новом направлении.

Однако у нас должны быть и такие программы, которые не могут быть значимыми для тех, кто не поддерживает глубинную экологию - к примеру, сокращение народонаселения Земли. Нам необходимо быть гибкими, но никогда не забывать о своих основах, потому что подобно буддизму и некоторым другим философским системам Запада и Востока, глубинная экология содержит фундаментальные принципы отношения к миру и человеку.

С.Б.: Многие люди, особенно в нашей стране, верят в то, что, поскольку мы довели до совершенства компьютерные технологии и можем сохранять и использовать всю наличную информацию, то значит, мы способны принимать компетентные решения. Вы же, напротив, говорите о необходимости признать, что мы чего-то не знаем, признать свое невежество перед лицом сложности природы, и в то же время быть готовыми, доверившись своей интуиции, встать и сказать: "Я знаю в сердце своем, что мы должны сделать так-то и так-то".

Нейс: Думаю, что сто пятьдесят лет назад, принимая решения, правительства в Америке и в Европе располагали большей частью информации в сравнении с тем, что было необходимо, чем сейчас. Сегодня мы используем тысячи новых химических веществ, плохо представляя себе долговременное действие их соединений. Мы вмешиваемся в природу в миллионы раз глубже, чем сто лет назад, и наше невежество возрастает пропорционально к необходимому нам количеству информации.

С.Б.: Другими словами, перед нами гораздо больше вопросов, чем ответов.

Нейс: Безусловно. Один показательный момент: если взять количество ежегодно публикуемых научных статей с точными, авторитарными выводами, и разделить его на количество вопросов, связанных с последствиями вмешательства человека в окружающую среду, которые задают ученым ответственные люди, то получим результат, приближающийся к нулю. То есть, число вопросов очень быстро возрастает, в то время как число ответов увеличивается крайне медленно. Видимо, лет через сто у нас закончится бумага, чтобы печатать миллиарды статей, предлагающих ответы на ежегодно возникающие вопросы.

С.Б.: Итак, Вы не считаете, что если мы усовершенствуем науку и технику, то наши ответы каким-то образом сойдутся с количеством вопросов, которые мы задаем?

Нейс: Напротив, техника сейчас беспомощнее, чем когда бы то ни было, поскольку производимая нами техника не удовлетворяет базовых потребностей человека, таких как осмысленный труд в осмысленной окружающей среде. Технический прогресс - это видимость прогресса, ведь само понятие технический прогресс - это понятие культурное, а не техническое. Наша культура - единственная в истории человечества, которая полагает свои основания в технологии, а не наоборот. В традиционной китайской культуре бюрократия запрещала использование изобретения, которое не гармонировало с общими культурными целями государства. Очень много технических открытий не использовались народом просто потому, что не были разрешены. Сейчас же наш девиз - "прогресс не остановишь", мы не можем вмешиваться в технологическое развитие, и потому мы позволяем технике диктовать нам культурные формы.

С.Б.: В связи с этим существует мнение, что опасная природа веществ, используемых для производства ядерной энергии, еще будет иметь политические последствия, которые невозможно предвидеть.

Нейс: Да. Например, безопасность - это главная проблема. И, что гораздо важнее, такая технология предполагает пугающе централизованное общество, тогда как в более экологически благоприятных обществах производство и потребление энергии должно быть децентрализовано и распределено по небольшим группам и общинам, которые сами контролировали бы свои ресурсы. В настоящее время централизация возрастает, и соответственно уменьшается личная ответственность и свобода действия индивидов и местных общин. Чем более централизованы наши энергетические ресурсы, тем сильнее мы зависим от центральных организаций, находящихся за сотни миль от нас.

У нас нет оснований верить в то, что еще одной войны не будет. Напротив, статистика предоставляет много аргументов в пользу того, что в будущем нам еще предстоят войны. В годы Второй мировой войны люди были очень самостоятельны: они могли выращивать свиней, растапливать печь дровами - а случись сейчас война, многие народы будут сразу же побеждены, потому что все ресурсы централизованы. Мы не умеем добывать себе пищу, нам нечем топить. В 2000 году мы будем настолько зависимы, что если какой-нибудь агрессор захватит наши энергетические ресурсы и политические институты, 99-ти процентам населения придется сдаться, тогда как в последней войне мы смогли сохранить свою культуру. Глубинная экология занимается этими масштабными проблемами, особенно вопросом войны и мира, потому что из всех вызванных человеком экологических катастроф ядерная война была бы самой разрушительной.

С.Б.: Это возвращает нас к дилемме "информация или интуиция". По вашему мнению, нам не стоит надеяться получить достаточное количество информации, но придется как-то действовать исходя из того, что нам уже известно.

Нейс: Безусловно. Сторонникам глубинной экологии это легче, чем другим, потому что у нас есть фундаментальные ценности, фундаментальная картина того, что в жизни ценно и что нужно сохранять; отсюда становится понятно, почему в богатых странах мы сопротивляемся дальнейшему развитию ради возрастания господства человека и повышения уровня жизни. Материальный уровень жизни нужно снизить, и тогда качество жизни, в смысле

глубочайшего удовлетворения в сердце, в душе сохранится или возрастет. Это понимание интуитивно, как и все самое важное в жизни - в том смысле, что это невозможно доказать. Как говорил Аристотель, попытка доказать все на свете говорит о недостаточной образованности, так как нужна отправная точка. Невозможно доказать методологию науки, невозможно доказать логику, потому что логика закладывает фундамент знания.

Вся наука является фрагментарной и неполной по отношению к базовым принципам и нормам, поэтому утверждение, что наука может решить наши проблемы, очень поверхностно. Без основных принципов нет науки. Конечно, наука нам нужна - в действительности ее нам нужно в тысячу раз больше, чем мы сейчас имеем - если мы должны дать научные ответы на вопросы политиков о последствиях наших действий. Сегодня же в большинстве случаев нам приходится отвечать, что мы не знаем, хотя и можем сделать обоснованные предположения. А поскольку политики имеют право увеличивать экономический рост и потребление, они отвечают нам: "Если вы не можете четко сказать, каковы будут негативные последствия этого проекта, мы продолжим его осуществлять". Например, они могут дать ученым много денег на исследование влияния нефтяных пятен на планктон. А через год, возможно, ученым придется сказать, что они еще точно не знают, но только начинают понимать. Но здравый смысл и интуиция подсказывают нам, что если мы продолжим лить нефть в океан, то вызовем широкомасштабное уничтожение различных форм жизни.

С.Б.: В наши дни людей учат воздерживаться от суждения, пока не собраны все факты. Но когда одни специалисты говорят, что ядерные реакторы опасны, а другие - что безопасны, то люди оказываются в растерянности.

Нейс: Я говорю людям, что если они прояснят свои фундаментальные приоритеты насчет того, что необходимо для жизни, простой по средствам и богатой по результатам, то обязательно придут к выводу, что совсем не уменьшение энергопотребления делает их несчастными. Тогда они будут сопротивляться ядерной энергии, не читая толстых книг и не зная миллиардов фактов, приводимых в газетах и журналах. А потом им надо найти других людей, чувствующих так же, и создать группы друзей, доверяющих друг другу и поддерживающих друг друга в ведении такой жизни, которую большинство считает смешной, наивной, глупой и нецелесообразно примитивной. Но чтобы все это осуществилось, человек должен уже достаточно доверять себе, чтобы последовать своей интуиции - способности, так мало развитой в массе народа. Многие, следуя указателям и рекламе, становятся философскими или моральными буквоедами.

С.Б.: Какие приоритеты для действия в глубинной экологии Вы видите на ближайшие 25 лет?

Нейс: У каждого из нас - широкое поле разнообразных возможностей действовать. Одной из наиболее важных задач на ближайшие 5-10 лет будет реструктурирование имеющегося у нас знания - имея в виду уничтожение влажных тропических лесов или изменение климата, или другие глобальные факторы, которые сегодня вышли из-под контроля. Необходима коммуникация, и тут каждый из нас может что-нибудь сделать. Другой основной проблемой глубинной экологии будет взаимодействие с различными религиозными

конфессиональными группами - христианами, буддистами и т. п. - в которых меньшинство, особенно молодежь, вполне осознает разрушение планеты и верит в то, что это нужно прекратить. Мы должны сотрудничать с такими религиозными движениями, потому что, как я уже говорил, мотивация для активных действий должна проистекать из глубочайших философских и этических источников.

Что касается политических акций, то меня очень вдохновляет идея Ганди о максимизации дружеского общения - то есть даже если люди в данный момент не хотят с вами разговаривать, нужно постараться быть доброжелательным и сохранить способность к личному контакту. Еще один способ завязать контакты - ходить от дома к дому. Я думаю, что индивидуальный подход до сих пор использовался недостаточно, в особенности профсоюзными организациями. Многие акции в Норвегии были безуспешны из-за отсутствия общения между интеллектуалами и средним классом, с одной стороны, и рабочим классом, с другой. Профсоюзные деятели озабочены проблемой безработицы и считают экологию своего рода прихотью высших классов, в то время как в условиях экологического кризиса именно люди с ограниченными экономическими возможностями окажутся под наибольшим ударом. Доверие к экологическому движению и его эффективность останутся низкими, если мы не будем общаться с рабочими людьми. Мы должны научиться говорить с ними на понятном для них языке. То, что мы действуем организованно, не означает, что мы разговариваем только с теми, кто думает так же, как мы.

С.Б.: Председатель профсоюза авиационных техников, активно участвующего в различных акциях, недавно высказал подобное мнение. Он подчеркнул, что если участники антивоенного движения хотят объединяться с рабочими, занятыми в военной промышленности, то им нужно акцентировать внимание на необходимость конверсии военных заводов в мирное производство. Иначе это будет воспринято как угроза их жизненным интересам и никогда не найдет поддержки.

Нейс: Это связано также с тем, чем мы сейчас занимаемся в Норвегии. Поскольку мы пытаемся конкурировать с Японией, Сингапуром и разными другими странами, нам приходится строить большие, централизованные, автоматизированные заводы. Вместо этого нам нужно было бы сократить импорт, а следовательно, и экспорт, конвертировать гигантские предприятия в заводы меньшего масштаба с более интенсивным использованием рабочей силы, производящие те продукты, в которых мы действительно нуждаемся, и продолжить поддерживать нашу культуру, а не пытаться всеми силами быть конкурентоспособными на мировом рынке, тогда у нас значительно уменьшилась бы безработица, а труд стал бы более осмысленным. Если мы придем к рабочим с такой программой, они воспримут ее гораздо легче, чем если мы придем к ним из наших хороших домов людей среднего и высшего класса и будем говорить с ними на нашем языке о своих довольно абстрактных теориях.

С.Б.: Как Вы считаете, насколько важно для человека практиковать глубинную экологию в своей жизни? И хотелось бы знать, как Вы ее практикуете?

Нейс: Я думаю, что, по большому счету, для того, чтобы с радостью, всем сердцем участвовать в движении глубинной экологии, надо относиться к своей жизни очень

серьезно. Люди, успешно поддерживающие низкий материальный уровень своей жизни и культивирующие в себе глубокое, интенсивное переживание жизни, намного более способны последовательно придерживаться позиции глубинной экологии и жить в соответствии с ней. Когда я сижу, глубоко дыша, и просто ощущаю, где я, то я могу спросить себя, где и когда я действительно наслаждаюсь жизнью, и какой минимум средств мне необходим, чтобы поддерживать эти радостные чувства и ситуации. Например, лично я слишком уж стремлюсь в Гималаи, в то время как Норвегия может доставить мне как альпинисту наибольшее удовольствие. Если сосредоточиться на том, что дает вам удовлетворение, то вы обнаружите, что достичь его можно гораздо легче и проще, чем нас приучило думать наше общество, где лучшим считается то, что больше, комфортнее и дороже.

С.Б.: Мне очень понравилось, как Вы недавно сказали, что можно провести час или два, просто глядя на маленький клочок земли.

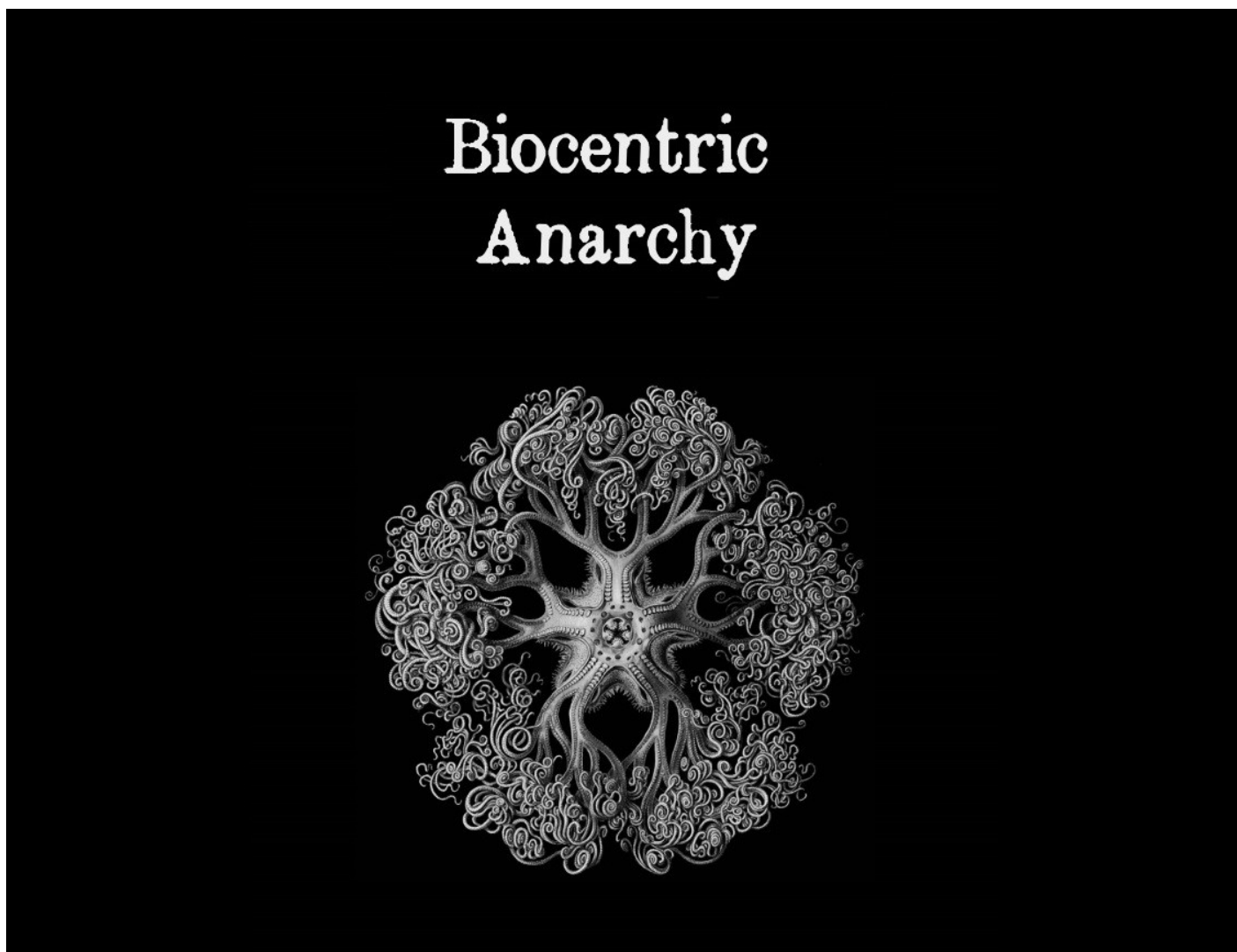
Нейс: Конечно. Посмотрите! (держит в руке маленький цветок). Если уловить его форму, симметрию, колорит, и перенести их на холст, можно выиграть первый приз в любом конкурсе.

С.Б.: У меня есть родственники в Великобритании, которые получают бесконечное удовольствие, взбираясь на одни и те же самые горы в Уэльсе и на одни и те же холмы рядом с их домом.

Нейс: Это верно. Холм никогда не остается неизменным и не надоедает. Развитие чуткости по отношению к хорошему, которого более чем достаточно в нашей жизни - вот настоящая цель образования. Я не говорю, что нам нужно ограничивать свои цели. Я не призываю к "простой жизни", если не имеется в виду жизнь, простая по средствам и богатая по плодам и ценностям. У меня огромные амбиции. Только лучшее достаточно для меня. Мне нравится богатство, и я чувствую себя богаче всех, сидя в своем доме в деревне, с водой, которую я принес из любимого источника, и дровами, которые сам собрал. Когда вы поднимаетесь на вершину горы в вертолете, пейзаж выглядит как на открытке, и если на вершине есть ресторан, вы можете пожаловаться, что еда плохо приготовлена. Но если вы, преодолевая трудности, взбираетесь на вершину с самого подножия, то испытываете глубочайшее удовлетворение, и даже бутерброды, смешанные с песком и грязью, покажутся фантастически вкусными.

«Биоцентрическая анархия». Зин об одичании

2017, источник: [здесь](#), оригинал: [здесь](#)

Предисловие

Представляем концепцию биоцентрической анархии, созданную анонимной веганкой-анархисткой и изданную WARZONE DISTRO в виде зина в 2017 году. В Тейст перевели полную авторскую версию.

Зин открывает перспективу преодоления доминантного отношения людей к природе, коммодификации животных, овеществлению и превращению их в массу. Биоанархия стремится искоренить антропоцентризм из различных решений экологических и социальных проблем, в том числе переопределить природу и де-экзотизировать ее.

Авторка разделяет опасение, что люди одомашнили сами себя. Что те же механизмы, те же машины угнетения, которые мы обращаем на других — на животных, на искусственно отделенные от Земли «ресурсы» — обращены и на нас самих. Ответ на вызов антропоцентризма представляется связанным с неким естественным состоянием, к которому можно вернуться, «отменив капитализм». Будь то жизнь в гармонии с природой, племенная жизнь охотников-собирателей или воссоединение с корнями. Однако, спорно, что есть «назад», к которому можно стремиться.

Основу естественного баланса на планете авторка видит в идее родства с другими существами. Она предлагает каждому и каждой спросить себя: «Как я хочу жить свою жизнь?», и пересобрать отношение к нечеловеческим существам, привнеся веганство в анархистские мировоззрения. Это отправная точка для «разрушения жалких условий нашей жизни», освобождения всех живых существ и возможности позволить «одичать тому, что приручили». Для этого необходимо стать внимательными к другим существам, закрыть слепые пятна в отношении к ним и в этом наблюдении ощутить, что мы — как ни были бы жестоки сами к себе и другим — всего лишь один из миллионов видов на планете. Так биоцентрический подход открывает другое, новое состояние естественности.

перевод и редакция: станислава погода и саша мишугина для taste the waste

«Биоцентрическая анархия».

Зин об одичании

Этот зин написала в Лондоне в 2016 году персона, которая считает себя анархисткой и веганкой вот уже 12 лет. Текст не претендует на теоретическое исследование или директивность. Это личные соображения, которыми авторка надеется зажечь искру мысли в читателях и инициировать дискуссию.

Больные общества

Я написала этот текст из любви к жизни на планете и от отчаяния перед ее постоянным вырождением. Под жизнью я подразумеваю совокупность растений, животных, грибов и бактерий, которые населяют биосферу. Я призываю расширить и углубить доминирующие, ориентированные на человека концепции анархии, а также атаковать антропоцентризм как в анархистских кругах, так и в обществе в целом.

Антропоцентризм — это высокомерное убеждение или предположение, что люди находятся в центре вселенной и что наши желания важнее желаний всех других живых существ вместе взятых. Вместе взятых, потому что мы не можем нанести вред одним видам (например, морским рыбам), не нанося при этом вреда и экосистемам, которые они населяют (например, еще и морским птицам, млекопитающим, бактериям, людям и т. д.). Если исходить из антропоцентрического мировоззрения, то делать надо то, что наиболее полезно нам, людям. Под это определение попадают и якобы доброжелательные вмешательства, осуществляемые под видом «охраны природы». Антропоцентрический консервационизм (утопические экологические представления о возможности сохранения природы в девственном состоянии — прим. ttw) также часто встречается среди экологов и некоторых зеленых анархистов. Они не понимают, что доминирующее стремление контролировать / управлять дикой природой (например, через «лесопользование», выбраковку животных во имя «местных» видов, которые считают более достойными жизни) лежит в основе проблемы.

Из антропоцентризма логически происходит спесицизм, то есть видовая дискриминация. Мы доминируем над живыми существами, потому что считаем их жизни менее ценными. Это приводит к тому, что к нечеловеческим видам мы относимся хуже, чем к нашему собственному. И некоторых существ считаем более достойными сострадания (например, тех, кого мы называем «питомцы»), чем других. Эта разница в отношении основана также и на том, какую пользу нам приносит тот или иной вид: сколько стоит, милый ли он, красивый, как его можно использовать. Спесицизм закрепляет за нами роль владельца, того, кто приручает: нам дозволено держать животных в клетках, контролировать их размножение, разрывать родственные связи, пичкать их гормонами и лекарствами, чипировать, калечить, экспериментировать над ними. Более того, мы выводим огромное количество животных только для нашего удовольствия (для еды, моды, спорта, дома).

Спесицизм дает Человеку Разумному право претендовать на мудрость, не свойственную никому больше из животного мира. Впрочем, лучше было бы сказать Человеку Заключенному (то есть Homo Carceralis от лат. carcer — 'тюрьма, место заключения'), ведь наш вид, пожалуй, единственный запирает себя в тюрьму институционализованного господства. Большинство видов не поддается одомашниванию и каждое живое существо борется с тем, что (или кто) стоит у него на пути. Мы же усложняем формы общества. А в них заключены, как в матрешках, государственные границы, наемное рабство, патриархат. В стерильных условиях метрополий с враждебной архитектурой, в квартирах, похожих на гробы, мы обращаемся к холодному свечению экрана компьютера в попытке почувствовать хоть какую-то связь с другими людьми.

Конечно, есть примеры сопротивления — некоторые люди добиваются независимой и свободной жизни. Но в основном мы соглашаемся строить собственные тюрьмы и выступаем в роли надзирателей друг для друга. Дикая жизнь напоминает нам о другой нашей роли. О той части нашего существа, которая подавлялась тысячелетиями. Те, кто нами управляет, каждый день трудятся над тем, чтобы мы забыли ее. Но мы частенько используем эту силу, чтобы проверить, все ли в порядке с нами и окружением.

Мы все в разной степени заражены одомашниванием. Иногда оно приводит к болезни, которую можно назвать отчуждением. Отчуждение мешает нам на уровне отношений с окружающими людьми, самими собой и всей планетой. Многие из нас страдают от одиночества, испытывают несчастье и неудовлетворенность. Это выражается в несправедливом, нездоровом отношении к чужеземцам, другим полам, знаменитостям и другим видам.

Современная жизнь в городе приучила нас к разделённому мышлению (механизм психологической защиты, проявляющийся в том, что противоречия между какими-то мыслями, идеями, отношениями или формами поведения упорно не осознаются — прим. ttw). Чувство отчуждения становится из-за этого тяжелее. Мы можем слетать в Канаду на выходные и «побыть на природе» — полюбоваться прекрасными пейзажами и сделать кучу фотографий. А потом возвращаемся на работу, едим животных, которых вырастили специально для нашей тарелки, покупаем невероятное количество вещей из пластика. И нам не нужно думать, как мы живем, откуда берется наша еда, куда уходит наш мусор... Хотя мы и критикуем капитализм, нельзя не признать, что многим из нас (особенно жителям городов из развитых стран) он предоставил роскошь не заботиться о жизненно важных вещах: о том, как производится еда, как излечить землю от пластика и как научиться уважать землю, которая нас кормит.

Можно привести другой пример разделённого мышления — наше отношение к домашним питомцам. Мы выбираем какое-то отдельное, конкретное животное, о котором заботимся. Некоторые виды даже превращаем в фетиш (например, кошек). При этом многим кажется странной идея начать заботиться о других животных. Особенно это касается тех видов, которые мы относим к домашнему скоту, — никому даже в голову не приходит, что о них можно переживать.

Потому что все мы — тягловый скот

Будучи анархисткой, я стараюсь работать над освобождением всех и саботировать системы господства. Они включают капитализм, государства, расизм, патриархат и антропоцентризм. Антропоцентризм — как и все системы — нельзя воспринимать отдельно от других способов угнетения. Они усиливают друг друга.

Конкретно говоря о патриархате, капитализме, колониализме и расизме, я приведу несколько примеров того, как антропоцентризм укрепляет и подкрепляет различные системы угнетения, и как их существование поддерживается одними и теми же фундаментальными механизмами.

Женские тела как машины воспроизводства

Как и женщины в условиях патриархата, тела и репродуктивные системы женщин-не-людей считаются подвластными сильнейшим. Например:

- Коров-женщин неоднократно насилюют (насиленно заставляют забеременеть искусственным оплодотворением), заставляют рожать каждый год и забирают у них

новорожденных телят, чтобы обеспечить постоянное снабжение молоком для удовлетворения человеческих желаний. Их тела используются как машины массового производства, их вымени набухают из-за инъекций гормонов и интенсивного разведения и прикрепляют к устройствам таким образом, чтобы молоко, обычно предназначенное для их детей, могло быть присвоено человеком.

- Выращенным самкам креветок во всем мире обычно отрезают глаза, чтобы ускорить созревание их яичников (которые в силу стрессовых и неестественных условий не созревают в домашних условиях).
- Беременных самок свиней прикрепляют к клеткам для опороса размером с тело, что делает животных неподвижными. Они остаются там неделями, пока кормят поросят через металлические прутья, которые не позволяют контактировать с детьми.
- Современных кур интенсивно разводят так, чтобы тело могло отложить в среднем 314 яиц в год, в отличие от диких кур, которые откладывают около 20.
- Наконец, сексистский и спесицистский язык («сука», «собака», «корова», «пташка») часто используется для того, чтобы угнетать женщин, унижая при этом как этих животных, так и людей.

Капиталистическое накопление

Антропоцентризм и капитализм исторически приводили к массовому выселению людей с британских земель в результате вольерного способа хозяйства, направленного, в первую очередь, на увеличение площадей пастбищ для животных, выращенных для мясной и шерстяной промышленности 17 и 18 веков. Этот процесс включал в себя опустошение лесов страны и осушение многих ее болот, что привело к массовой потере среды обитания и биоразнообразия для неомашинных животных. Безземельные мигранты направлялись на фабричное рабство в разросшиеся города — единственную жизнеспособную альтернативу, выходящую за рамки бандитизма, — в то время как их копытные собратья должны были оставаться в плену у пастбищных угодий. Это заложило основу для сегодняшнего неустойчивого крупного городского населения, для выживания в полной зависимости от боссов, главным образом в виде тесно контролируемого фабричного труда. Модель фабрики была усовершенствована и экспортирована по всему миру. Этот процесс застройки продолжался на протяжении веков, но в тот период быстро набирал темпы, в результате чего целые полосы страны были опустошены, обезлесены и заселены специально выращенными пасущимися животными. Со временем изменения в методах ведения сельского хозяйства привели к тому, что и эти существа переводились на фабрики, а жизнь в клетках становилась нормой для животных, выращенных людьми для еды.

Антропоцентризм в колониализме

Аналогичным образом антропоцентризм был неотъемлемой частью подъема меркантильного капитализма и колониализма; большие участки оставшихся в Британии лесов срубали, принося в жертву для строительства кораблей имперской экспансии. Судна,

в свою очередь, использовали для присвоения земли и «ресурсов» за границей. История колониализма — это, конечно, также история экологического опустошения. Известным примером послужило то, что европейские первооткрыватели уничтожили американского бизона с намерением ускорить геноцид коренного народа, зависящего от этих существ. Масштабное нападение на анимистические системы верований в Америке, среди прочего, преследовало цель разорвать отношения коренных народов с их землями и разбить их на податливых и зависимых слуг Христа и капитала.

Антропоцентризм остается основополагающим для капиталистического накопления всех так называемых сырьевых товаров, необходимых для поддержания глобальной экономики на плаву (добыча нефти и газа, полезных ископаемых, обезлесение, рыболовство, сельское хозяйство и т.д.), что, в свою очередь, продолжает вытеснять чернокожих и темнокожих фермеров, ведущих натуральное хозяйство в большинстве стран мира.

Звери и варвары

Западный империализм часто оправдывался риторикой дикого Другого. Целая масса зверских высказываний, расистские карикатуры на животных или человеческие зоопарки использовались в попытке унижить и контролировать неевропейские народы или покорить европейское население (евреев и ирландцев), а также диверсантов и бедняков. К сожалению, вместо того, чтобы признать, что эта риторика использовалась и продолжает использоваться угнетателями, чтобы удерживать нас, мы бездумно увековечиваем оппозицию цивилизованного и дикарского в языке, используя ее для критики власти. Примеры включают слова «гуманный» (хороший), «дегуманизирующий» (плохой), «обращаться как с животными» (плохо), «свиньи/бекон» — для обозначения копов, а для оскорбления — «овца/отара», «лемминги», «крупный рогатый скот», во многих культурах также «собака» и «осел».

Противостояние, основанное на внешних различиях и нашей неспособности общаться, было процессом, столь же основополагающим для имперского завоевания, рабства и геноцида, как и для нашей способности угнетать другие виды. Мы едим, проводим опыты и сажаем в тюрьму нечеловеческих животных, потому что они выглядят для нас по-другому и потому что мы не можем их понять. Если мы не признаем, что в основе систем угнетения лежат эти основные механизмы, то останемся на том же обедненном уровне анализа власти и будем обречены повторить эти несправедливости.

Антропоцентризм и капитализм — основа для отношений с планетой и самими собой, похожих на рак, похожих на суицид. Сила превосходства, появляющаяся при определении Другого, экзотизируется (англ. othering), играет свою роль в любых угнетающих отношениях. И наши отношения с нечеловеческими формами жизни не исключение.

Биоцентрическая анархия

В отличие от приверженцев антропоцентризма, я хотела бы видеть больше товарищей, живущих и борющихся за этику анархии и освобождения всех жизненных форм, а не только

двуногих, владеющих смартфонами. Чтобы сформулировать концепцию более позитивно, ее можно назвать биоцентрической анархией, или био-анархией. В отличие от многих примитивистов, которые выступают за охоту, ключевой практикой био-анархии может быть веганство; философия отказа от участия в эксплуатации животных, в том числе, не коммодифицируя (не превращая их в товар — прим. ttw) и не потребляя их. Но, хотя веганство и является жизненно важным элементом в борьбе со спесишизмом, самого по себе его недостаточно. Во-первых, любой человек может называть себя веганом, даже фашисты. И хотя взгляд на наши собственные привычки является фундаментальной отправной точкой, он не окажет серьезного влияния на экоцидный джаггернаут (термин для описания проявления слепой непреклонной силы — прим. ttw), если мы не нападём также на корпорации и правительства, несущие за это наибольшую ответственность.

Если углубиться, то биоцентрическая анархия — это способ бросить себе вызов, чтобы расширить понимание себя как животных и воссоединиться с нечеловеческими родственниками. Она побуждает нас, как анархистов, переориентировать идеи и практики, чтобы придать равное значение освобождению нечеловеческой жизни из лап антропоцентризма и капитализма также, как мы освобождаем людей от доминирующих сил.

Это перекликается с недавно появившейся тенденцией среди анархистских проектов. Группы, которые идентифицируют себя как союзы «тотального освобождения», имеют более экологический и антиспесишистский уклон. Они отличаются от основных течений защиты прав животных и бросают вызов другим анархистам, чтобы осознать связь всех систем угнетения, а не ограничивать собственную озабоченность теми вопросами, которые влияют только на наш собственный вид.

Может показаться странным и, возможно, ненужным придумывать еще одно слово для того, что анархия уже должна воплощать в себе. Но помимо анархистов-освободителей животных (англ. animal liberationists), а также некоторых зеленых или анархопримитивистов, в анализе и практике многих анархистов появляются серьезные «слепые пятна», когда речь заходит о других существах на этой планете.

Так как же может выглядеть биоцентрическая анархия?

Первый шаг, на который необходимо пойти, — углубить связь с миром за пределами нашего вида. Нужно время, чтобы по-настоящему понаблюдать за другими формами жизни и сообществами. Они смотрят, слушают и размышляют. Это может быть чтение о других живых существах, об истории и процессах Земли или даже просмотр документальных фильмов о природе — особенно, если вы живете в городе.

Если вы уделите этому время, вы глубже поймете невероятную сложность и красоту Земли и ее экосистем. Если вы действительно начнете изучать мир, то станете ценить огромное разнообразие форм жизни и быта, увидите, что существа по-разному воспринимают мир и у них есть разные характеры и желания. Олмы, например, — это саламандры, населяющие

пещеры в Юго-Восточной Европе. Они почти слепы, так как живут во тьме. Однако они обладают способностью улавливать свет и вибрации, различать химические вещества, звуки в воде, чувствовать магнитные поля. Считается также, что они могут прожить 10 лет без еды, а продолжительность жизни в целом у них более ста лет. Конечно же, в природе разница между индивидуальными особями столь же велика, как и между видами.

Биоцентрическая анархия почитает дикую природу и населяющие ее индивидуумы, позволяя одичать тому, что приручили. Какую бы жестокость люди ни проявляли по отношению друг к другу или к другим животным, меня утешает тот факт, что мы являемся всего лишь одним из миллионов видов на планете. Я вспоминаю, что жизнь диких организмов сложна, увлекательна, свободна, прекрасна, загадочна и очищена от познания и системной жестокости, характерных нашим обществам. Насилие и борьба, конечно, существуют повсюду, во всех живых обществах, но системы господства — нет. Более широкое понимание должно углубить наше уважение и смирение по отношению к связи с планетой, ослабить нашу склонность к уничтожению, контролю и вмешательству в дикую природу, но также и склонность к борьбе с теми, кто вмешивается.

По-настоящему уделив время наблюдению, можно оценить разнообразие жизни и распознать себя в других живых существах. Некоторые модели поведения будут для нас понятны. Понимание необходимо для де-экзотизации (de-othering) нечеловеческой жизни.

Аналогичным образом ключевым элементом биоцентрического мировоззрения является тенденция к демассификации. Это означает, что не следует воспринимать «природу» или отдельные виды как массу. Например, рыб постоянно воспринимают как массу, настолько, что в английском языке единственное слово «fish» используется для обозначения множественного числа. Как и мы, рыбы, конечно, чувствуют боль, имеют желания и формируют отношения. Демассификация означает оценку индивидуумов, их автономии и желаний, как и экосистем, частью которых они являются.

Кроме того, бионархия включает в себя децентрализацию человека и подвергает сомнению все антропоцентрические мировоззрения. Исходя из этих основ, наши действия в защиту дикой природы могут быть подпитаны как уважением и любовью к ее красоте и свободе, так и ненавистью к институтам контроля, изоляции и коммерциализации. Таким образом, это питательная сила, которая дополняет то, что часто может быть похоже на личную коррозию ярости и отчаяния.

Если мы продолжим воевать против природы, то замкнемся в болезненной логике и увеличим наши болезни в геометрической прогрессии. Возьмем простой пример: наши туалеты используют пресную воду для отвода канализации на громадные химические станции, прежде чем закачать ее обратно в пресноводные системы, например, в реки. Этот процесс требует большого количества энергии и воды, а также в огромных масштабах загрязняет экосистемы химическими веществами. Между тем, химические удобрения применяются на сельскохозяйственных культурах по всему миру в ущерб дикой природе, здоровью фермеров и потребителей. Понятие «навоз» мы используем для обозначения компостированных человеческих отходов в качестве удобрения. Иными словами, человеческие отходы могут быть животворными. Они питают микробов и червей, которые

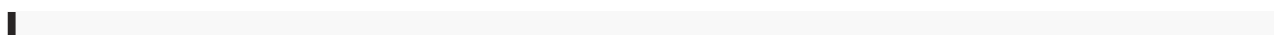
дают нам более здоровую пищу, и это не требует особых ресурсов, позволяя группам людей делать это самостоятельно. Это циклический, оздоровительный процесс, в отличие от токсичной тупиковой зависимости от промышленной утилизации отходов.

Как же нам тогда начать действовать в духе биоцентрической анархии? Лично для меня, думаю, хорошей отправной точкой будет спросить: «Как я хочу жить свою жизнь»? Насколько я могу освободить себя и других от рабства, заточения, валютной ценности, страданий, безразличия и унижения? Насколько я могу помочь в создании мгновений и пространств свободы, любви, красоты и разрушения коммерциализации и контроля? Мы все идем на компромисс в различное время жизни — получаем работу, регистрируемся, платим аренду, покупаем дешевую еду в супермаркете. Иногда эти действия кажутся наиболее жизнеспособным вариантом выживания. Но я думаю, что этот вопрос — также хороший старт для разрушения жалких условий нашей жизни. Давайте признаем, что катастрофа бесчисленное количество раз обрушивалась на планету и до того, как люди опозорили Землю своим присутствием, и учтем, что очень трудно измерить личное влияние в таком сложном обществе. Тогда этот вопрос, вероятно, еще и хороший способ навигации по летящим навстречу метеорам. Это отправная точка и пусть она не оставит ничего незамеченным, заставит задуматься обо всем, начиная от отношения к друзьям, партнерам, детям и пожилым, заканчивая более абстрактными вопросами: что мы считаем едой и как ее получаем, как мы относимся к образованию, другим биологическим видам, мигрантам, нашим начальникам, политикам, технологиям, гендеру и так далее.

Этот вопрос может повлиять на наши действия и изменить их от самых очевидных до более нетривиальных. Поэтому выбор человека жить веганской жизнью не должен основываться на том, существует или нет прямая причинно-следственная связь между оплатой в Tesco (британская транснациональная корпорация — прим. ttw) 5 фунтов за гамбургеры и убоем коров. Скорее, выбор может быть продиктован желанием действовать из чести и уважения к существам и иметь как можно меньше общего с их одомашниванием, рабством и пытками. Среди людей, называющих себя анархистами, распространена поговорка, что веганство не собирается «свергать капитализм». Но капитализм — это культура, совокупность социальных отношений, установок, поведения и связей, поддерживаемых неисчислимым количеством индивидуальных действий и выбора. И в любом случае, когда они в последний раз сделали хоть что-то, что, по их мнению, действительно считается «свержением капитализма»?

Для многих ответ на этот вопрос вряд ли будет удовлетворительным, если они просто изменят личный образ жизни. Если происходит ужасное разрушение того, что любишь, то конфликт с теми, кто создает и защищает нынешний порядок, и риск, который сопутствует этому конфликту, в равной степени необходимы. Вырваться из зон комфорта, освободиться от ограничений пассивности и преодолеть некоторые из наших страхов, чтобы напасть на архитекторов тюремного общества, прожить жизнь свободно, — это жизненно важная часть перестройки самих себя.

На этом я закончу цитатой из «Чёрного семени» (англ. Black Seed, выпуск 1) на тему перестройки и воссоединения:

«Для большинства зеленых/антицивилизационных/примитивистских анархистов перепланировка и воссоединение с землей — это жизненный проект. Он не ограничивается интеллектуальным пониманием или практикой примитивных навыков. Напротив, представляет собой, во-первых, глубокое понимание того, каким образом мы приручены, раздроблены и вытеснены из себя, друг друга и мира. И во-вторых — огромную и ежедневную практику заботы о том, чтобы снова стать единым целым. Возвращение к естественным природным условиям имеет физический компонент, включающий восстановление навыков и разработку методов устойчивого сосуществования, в том числе — как кормить, обеспечивать жильем и исцелять себя с помощью растений, животных и материалов, естественных для нашего биорегиона. Оно также включает в себя демонтаж физических воплощений цивилизации — аппаратуры и инфраструктуры. Восстановление имеет и эмоциональную составляющую, которая предполагает исцеление друг друга от глубоких 10 000-летних ран, обучение тому, как жить вместе в неиерархических и неагрессивных сообществах, а также деконструкцию приручительного мышления в социальном взаимодействии. Этот процесс включает в себя внимание к непосредственному опыту и чувству, а не к посредничеству и отчуждению, переосмысление всех аспектов нашей реальности, связь с дикой яростью для защиты жизни и борьбы за свободное существование, развитие большего доверия к интуиции и более тесной связи с инстинктами, а также восстановление равновесия, которое было практически разрушено после тысячелетнего патриархального контроля и одомашнивания. Восстановление — это процесс, в котором мы становимся нецивилизированными.

За разрушение цивилизации! За воссоединение с жизнью!»

Шанц Джеффри. Солидарность в лесу: Redwood Summer, союзы радикальных энвайронменталистов и лесорубов

2002, источник: [здесь](#)

Предисловие переводчиков

- *What's your religion?*
- *The I.W.W.!*
- *What's your nationality?*
- *None!*
- *What's country are you a citizen of?*
- *The Industry!*
- *Look, are you a citizen?*
- *No. I am an Industrial Worker of the World!*

С этого полицейского допроса начинается документальный фильм о вобблис — членах международного профсоюза Индустриальных рабочих мира, организованного в 1905 году в Чикаго. Название произошло от нечленораздельного произношения названия организации — I.W.W. Тогда борьба рабочего класса ограничивалась собственным вакуумом проблематики (и была успешна), но спустя полвека повестку заняли энвайронменталисты. Они попытались объединить права рабочих с защитой Земли.

Анархо-синдикализм мог пойти по «зеленому» пути. Green unionism (Зеленое профсоюзное движение) — новое возникшее движение за права рабочих и одновременно за

неприкосновенность природы — или, по крайней мере, бережное отношение к ней с отказом от эксплуатации людей и уничтожения земель. Новый перевод ТТВ посвящен истории разрушения границ между экологией и рабочими на примерах защиты древних лесов Северной Америки в союзе организаций Earth First! и Industrial Workers of the World. Он пережил акты саботажа, подрывы, контрдемонстрации, профсоюзы, альянсы, грезы о кооперативах, модели решения экологических проблем децентрализованным путем и коммуникацию трудового и экологического движения для рождения зеленого синдикализма. В работе также рассматривается конструирование образов боссов, рабочих и экологов, причины противостояния, а также сплетения борьбы на, казалось бы, разных сторонах сопротивления.

Автор работы Джеффри Шанц — кандидат наук по социологии в Йоркском университете Торонто, автор книг об анархизме и синдикализме. Его исследовательские интересы включают социологию экологических и социальных движений.

перевод и работа с изображениями: артем рагулин и станислава погода для taste the waste
редактура: иван кочедыжников и иван человек

Предисловие

Характер глобальной капиталистической экспансии убедил как активистов, так и теоретиков в стратегической важности альянсов для противодействия гегемонии капитала. Противодействие навязыванию капиталистического рынка должно теперь уделять внимание развитию силы разрозненных меньшинств. Вместе они составляют большинство, которое исключается новой глобальной гегемонией. Однако развитие связей, которые позволят этим разным группам работать вместе, представляет собой серьезную задачу. Роб Уолкер говорит, что исследователям крайне необходимо выработать некоторое понимание того, что он называет «политикой связей» (см. Rob Walker, 1994: с. 699). Уолкер предлагает следующее:

“Точно неясно, как будет выглядеть политика связей. Каким бы ни был риторический и тактический призыв женского или экологического движений по одиночке, он не может скрыть различия и даже нетерпимость между такими движениями.

Пожалуй, нигде за последние годы нестабильность отношений между общественными движениями не вспыхнула столь взрывоопасно, как при взаимодействии рабочих движений и радикально настроенных энвайронменталистов. Вместо того, чтобы отражать незаинтересованность позициями друг друга, некоторые формы конфронтации становятся серьезными актами враждебности, как, например, таран рыболовных судов или вождение лесозаготовительных грузовиков во время демонстраций на проселочных дорогах. В конце 1980-х — начале 1990-х годов ситуация была настолько конфликтной, что Лори Адкин, выявляя бескомпромиссно агрессивную позицию, занятую членами обеих сторон, утверждала, что «в субъективных позициях обеих сторон сложились устойчивые

стереотипы, когда экологи изображали рабочих как люмпен-наемников, а рабочие экологов — как экоманьяков» (см. Laurie E. Adkin 1992a: с. 145). В то время многие видные экологи утверждали, что между рабочими и энвайронменталистами существовало фундаментальное противоречие (см. Bahro, 1984; Bookchin, 1980; 1987: Foreman, 1991; Watson, 1994).

Интересно, что именно на перекрестке битв между экологией и рабочими возникла одна из самых интригующих попыток солидарности общественных движений. Именно там, в красных лесах Северной Калифорнии, нас познакомили с активисткой Джуди Бари и ее усилиями по созданию альянсов с рабочими, чтобы спасти древние леса «и заменить корпоративные лесные компании экологически ответственными кооперативами, принадлежащими рабочим» (Chase, 1991: 23).

До своей смерти в 1997 году Бари стремилась извлечь уроки из организации «Индустриальных рабочих мира» (Industrial Workers of the World, I.W.W. или «Wobblies» — вобблис), чтобы понять, может ли радикальное экологическое движение быть построено по анархо-синдикалистским принципам. I.W.W. — это профсоюз прямого действия, который организует работников не чтобы торговаться с работодателями, а чтобы добиться контроля над производством. Признавая, что профсоюзные структуры делят работников по разным сторонам договора — даже в пределах одного рабочего места — I.W.W. организует всех на одном рабочем месте или в одной отрасли в один профсоюз, а не в местные подразделения или группы по переговорам. «Это позволяет им противостоять работодателю наибольшим объединением. Во время забастовок вобблис участвуют все рабочие на предприятии, независимо от их должностных обязанностей. Это предотвращает ситуации, когда от работников других подразделений или участников переговоров ожидается нарушение линии пикетирования. Исторически I.W.W. были в наибольшей степени сильны в начале 20-го века, пока их не раздавила волна государственных репрессий против «Красной угрозы» во время Первой мировой войны.

Бари работала над тем, чтобы привнести эту радикальную перспективу рабочего класса в радикальную экологическую перспективу Earth First! — экологической группировки, возникшей на юго-западе США в середине 1980-х. Earth First! вдохновлена философией «глубинной экологии», выдвинутой Арне Нэйссом и разработанной писателем Эдвардом Эбби, который считает, что элементы природы имеют собственную ценность, независимо от пользы для человека. Earth First! для препятствования экологически сомнительным практикам предпочитает прямые действия надеждам на законодательные реформы, которые зачастую проводятся слишком поздно или незначительны для защиты природы. Усилия Бари увенчались успехом: I.W.W./Earth First! Local 1 — радикально-экологический профсоюз, в который входят работники лесной промышленности.

Глядя на усилия Джуди Бари и альянса I.W.W./Earth First!, можно улучшить наше понимание конвергенции современного общественного движения, в частности, рассмотреть «политику связи» Уолкера. После краткого описания контекста, который способствовал расколу между лесниками и экологами, я рассмотрю некоторые усилия группировки Local 1 по созданию альянсов в Северной Калифорнии. После представления этих практик, и особенно случая «Редвудского лета» (Redwood Summer), я попытался разобраться в них, исследуя дискурсы и перспективы, которыми руководствовался альянс. В частности, я рассматриваю как

деконструктивные, так и конструктивные аспекты их политики. Альянс позволил уникальным образом выразить оппозицию против тех, кто владеет лесными корпорациями и контролирует их, и иллюстрирует возникающее озеленение синдикалистского видения и практики.

Труд и экология: упущенные связи

Конец 1980-х — начало 1990-х годов, отмеченные переходом от государственных программ социального обеспечения к неолиберальным мерам жесткой экономии, стали трудным временем для общественных движений по всей Северной Америке. Нет такого движения, о котором это было бы сказано вернее, чем о рабочем. Организованный профсоюз как движущая сила перемен страдал от серьезного разложения в силу целого ряда причин. К ним относились сокращение или стагнация членства (см. Lowe 2000), (1) бюрократы, не проявляющие особого интереса к политике за пределами избирательных округов, изолированность от общественных движений и потеря коллективной памяти. Не имея возможности противодействовать таким неолиберальным законодательным актам, как Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA), которое представляло собой прямое нападение на его собственные социальные позиции, трудовое движение казалось маловероятным кандидатом в качестве фокуса для любого сближения между альтернативными протестами (см. Карр, 1996, Кларк).

Там, где предпринимались попытки провести мосты, приоритет, как правило, отдавался созданию коалиций между основными экологическими группами и профсоюзами. В США эти усилия включали проекты «Экологов за полную занятость» (Environmentalists for Full Employment) и «Прогрессивного альянса» (Progressive Alliance; Adkin 1992a; 1992b). В Канаде наиболее заметными усилиями были Конференция по труду и окружающей среде (Labour and Environment Conference; Schrecker, 1975), Канадский совет автомобильных рабочих (Canadian Auto Workers; Adkin and Alpaugh, 1988) и Виндзорский и окружной советы по труду (Windsor and District Labour Council, Adkin, 1998).

Большая часть бедственного положения таких проектов обычно связана с экономическими приоритетами традиционного профсоюзного движения. «В отношении экологических конфликтов они склонны принимать логику владельцев, согласно которой прибыль является единственной основой экономического роста и, следовательно, занятости» (Adkin and Alpaugh, 1988: 54). Профсоюзы корпораций до сих пор придерживаются ресурсосберегающего видения человеческих отношений с природой, отдавая предпочтение современным законодательным подходам к охране окружающей среды. Принимая доминирование над природой как первооснову для «рабочих мест» и продолжая выравнять свою политику с государственной, профсоюзы противятся более радикальным требованиям активистов-экологов — как, например, Earth First! — заключать «темно-зеленые» (dark-green) альянсы, ставящие под сомнение существующую логику производства и потребления и определение природы внутри нее.

Стратегия давать привилегии «легитимным» средствам — профсоюзно-ориентированному активизму и этатистским реформам — хоть может оказаться полезной для формирования

отношений с профсоюзными работниками, оказалась диаметрально противоположной взглядам активистов, выросших на прямом действии и децентрализованных организациях. Концепции автономии, демократии участия и культурной трансформации, политически значимые для альтернативных движений, были с неохотой вовлечены в стратегии, реализуемые в рамках основных коалиций.

Эта диспропорция способствовала увеличению и без того большого разрыва между трудящимися и вновь зарождающимися приверженцами радикальной экологии. В 1980-е годы сооснователь Earth First! Дейв Форман резко раскритиковал замеченную им романтизацию рабочих левыми экологами. «Из огромной вины капиталистов не следует, что все рабочие безупречны в разрушении мира природы» (Форман цитируется в Bookchin and Foreman, 1991: 51). Форман позиционировал отсутствие в последнее время «классового сознания» у рабочих как серьезный барьер на пути формирования любых отношений солидарности между экологической и рабочей борьбой. По его мнению, «слишком многие рабочие покупаются на мировоззрение своих хозяев о том, что Земля — это шведский стол ресурсов для поглощения» (Bookchin and Foreman, 1991: 51).

Затянувшийся результат этих напряженных отношений заключается в том, что отношения между радикальной экологией и рабочим классом по-прежнему характеризуются сепаратизмом и гноящейся напряженностью. Именно в попытке преодолеть эти разногласия Джуди Бари начала свою работу: «На это поле битвы наша местная группа Earth First! пыталась привнести некое классовое сознание того разнообразия, которое предписывают Промышленники Мира» (Бари, 1994: 14). Учитывая важнейшие, но трудные процессы, связанные с формированием альянсов против глобального капиталистического порядка, важно получить некоторое представление об уникальном альянсе I.W.W. — Earth First!, который был выкован.

Почему вобблис?

Одна из возможностей противостоять глобальному капиталистическому порядку, о чем свидетельствует опыт лесозаготовительных корпораций, стала очевидной для Бари как организаторки рабочих. Как рассказывает Скарц (1990: 82), Бари представляла себе «радикальный профсоюз всех лесопромышленников [sic], работающих с Earth Firsters!, чтобы сохранить как рабочие места, так и лесные экосистемы». Если бы сами трудящиеся в сфере лесного хозяйства организовались против разрушительной практики «рубок» многонациональных лесных гигантов, они могли бы разработать устойчивое лесозаготовительное предприятие. Одним из первых ее действий в качестве члена организации Earth First! было проведение семинара по истории I.W.W. вместе с давним воббли-музыкантом и участником движения Дакота Сидом Клиффордом (Dakota Sid Clifford)* (Scarce, 1990: 82). Бари признавала потенциально показательную схожесть между духом и стилем анархо-синдикализма и практикой радикальной экологии. Заклучая в письме 1989 года в вобблис-газете Industrial Worker, Бари утверждала, что «если I.W.W. хотел бы быть больше, чем историческое общество, то, похоже, пришло время снова организовать в лесу» (Бари 1994: 18). В результате получился синтез I.W.W. — Earth First! Local 1.

- примечание редактора ecology.iww.org: на самом деле это был член I.W.W. Гэри Кокс, который был нефтяником, а не музыкантом — хотя Дакота Сид Клиффорд был там, но он еще не был членом I.W.W.

В политическом мировоззрении I.W.W. — Earth First! Local 1 утверждение о связи с исторически укоренившимися радикальными движениями имело большое значение. В рамках Local 1 предпринимались попытки позиционирования труда как части экологического культурного сообщества путем включения в него радикальных трудовых движений. «Мы находим экологическое сознание как в истории I.W.W., так и в философии и практике ранних анархистов» (Kaufmann and Ditz, 1992: 41). Это помогает объяснить, почему I.W.W. стал центром союзов энвайронменталистов с рабочими.

Участники Local 1 обнаружили, что современные рабочие, занятые в лесозаготовительной промышленности, практически ничего не знают об исторической борьбе I.W.W. даже в своих регионах и отраслях. Это тревожит, если учесть, что речь идет о западных добывающих отраслях промышленности, где велись самые напряженные сопротивления. То, как социальные группы «выкрали» у них историю, является важным фактором, влияющим на характер формирования движений.

Усилия Local 1 важны для того, чтобы напомнить экологическим активистам и трудящимся о радикальных традициях рабочего класса, которые не являются исключительно традициями компромисса. Примечательно, что в этом культурном котловане Local 1, в отличие от внешних «моделей», использовались примеры, характерные для местного культурно-политического контекста, в который были вовлечены. «Исторически, именно I.W.W. разбил древесных баронов, когда те мертвой хваткой вцепились в лесозаготовителей и столяров в 1910-е» (Бари, 1994: 18). Именно эту удушающую хватку нужно сломать снова — на этот раз как для природы, так и для рабочих. «Снова предприятия полностью контролируют ситуацию, но теперь они уничтожают не только рабочих, но и Землю» (Бари, 1994: 18). «Для меня это и есть то, для чего действительно нужен союз I.W.W. — Earth First!» (Бари, 1994: 18). Бари успешно связала прошлые и нынешние страдания лесорубов с разрушением экологии, как это сейчас очевидно, в частности, при вырубке секвой. История борьбы рабочих становится частью экологической культуры в грамотно составленной генеалогии.

The Timber Wars

Леса красной секвойи в Северной Калифорнии обеспечили непривычную ситуацию для альянса между радикальной экологией и рабочими. Родина гигантов западного побережья была местом ожесточенной борьбы, в котором защитники окружающей среды применяли разнообразные тактики: сидение на деревьях (tree sit — тактика ненасильственной защиты природы, когда люди проводят сидячую забастовку на деревьях — прим.ред.), блокады, судебные иски и попытки прекратить уничтожение древних лесов транснациональными лесозаготовительными компаниями. Они же прославились валкой деревьев прямо на демонстрациях. Эти экологические столкновения стали одними из самых жарких в Северной Америке, получив название «Древесные войны» (Timber wars; см. обсуждение в Scarce 1990; Pickett, 1993; Purchase, 1994).

Вооружившись организационным стилем, заимствованным у I.W.W. времен своего расцвета в лесозаготовительных лагерях 1910-х годов, Бари выступила в роли организаторки площадки Earth First! с одним существенным отличием. Local 1 сразу же начала включать лесозаготовителей, публично осуждая лесные корпорации за плохое обращение как с природой, так и с работниками. В течение двух лет, начиная с 1989 года, развивалась солидарность с работниками лесного хозяйства.

Проблемы нарастали быстро. В апреле 1990 года одна из крупнейших лесозаготовительных компаний Louisiana-Pacific (L-P) объявила о 195 увольнении в Укиа и Ковело и закрыла фабрику Ковело, в то время как зарегистрировала рекордную квартальную прибыль. L-P обвинила энвайронменталистов в том, что из-за них перестали поставлять древесину. Но вскоре компания начала отгрузку частично вырубленных бревен из Калифорнии на свой недавно открывшийся завод в Мексике. Оборудование, используемое на мексиканском заводе, было передано с того же завода в Поттер-Вэлли (штат Калифорния), который компания L-P закрыла в прошлом году.

I.W.W. — Earth First! Local 1 ответила первой публичной демонстрацией солидарности рабочего класса и экологии. Появившись на заседании правления округа EF!, члены I.W.W. и L-P потребовали, чтобы округ «использовал свое право на принудительное отчуждение частной собственности, чтобы конфисковать все корпоративные лесные угодья L-P и использовать их в общественных интересах» (Бари, 1994: 136). Один из руководителей округа даже встретился публично с членами коалиции, чтобы обсудить, как этот план может быть принят.

Несмотря на столь незначительные успехи и отношения с рабочими, которые невообразимо укрепились, непоколебимый рост лесозаготовок и сохраняющаяся гегемония транснациональных корпораций постоянно множат проблемы. Небольшая группа активистов пришла к выводу, что они не смогут защитить леса, если их действия не будут иметь резонанс, выходящий за пределы изолированной местности, где проживают малочисленные сельские жители. Склэр подчеркивает важность расширения локальной борьбы против глобального капитализма, необходимость, которая стала неизбежной в рамках Local 1 (Skclair 1995). Их решением была организация кампании Redwood Summer. Вдохновившись тактикой Движения за гражданские права (Civil Rights Movement), в которой «всадники за свободу» с Севера пришли помочь зарегистрировать афро-американских избирателей против оппозиции южных белых, Бари и ее союзники выступили с международным призывом: «Всадники за свободу леса, приезжайте в Северную Калифорнию участвовать в ненасильственных массовых акциях, чтобы остановить резню секвой» (Bari, 1994: 222). Послание о ненасилии, которое ознаменовало разрыв с предыдущей позицией EF!, вызвало много споров в радикальных кругах. Тем не менее, оно было выращено семинарами и творческими стратегическими сессиями, которые поощряли новые подходы к построению активистского сообщества. По мнению организаторов, Redwood Summer должно было привлечь беспрецедентное международное внимание к лесозаготовительным корпорациям в сочетании с местной демонстрацией сопротивления, с которой ни одна из компаний никогда не сталкивалась.

Поскольку проведение Redwood Summer имело общий успех, расширив масштаб и потенциал проекта, участились инциденты и уровень репрессий в отношении активистов. Растущая тревога в лесной промышленности по поводу перспектив массового сопротивления нашла свое отражение в эскалации конфликта в отношении активистов фронта. В них стреляли, их избивали и преследовали на дорогах лесозаготовительные грузовики. Сама Бари стала мишенью для многочисленных смертельных угроз от имени корпоративных лесопромышленников.

Очевидно, распространение коалиционной практики по всему этому тщательно управляемому заливу, разделяющему лесозаготовителей и экологов, начало открывать новые возможности для перераспределения сил в лесу. Такое смещение социально-политического рельефа, если бы его оставили без контроля, могло бы поставить под угрозу диктатуру лесных корпораций. «Особенно Бари была слишком опасна, ее профсоюз работников деревообрабатывающей промышленности и экологов выступает с леденящим душу предложением для компаний, которые имеют эффективные монополии на жизнь своих работников, изолированных от других источников информации и занятости» (Scarce, 1990: 85).

По дороге через Окленд на концерт в поддержку Redwood Summer взорвалась бомба, заложенная под водительское сиденье машины Джуди Бари, чуть не убив ее. Она получила тяжелые травмы, включая разбитый таз. Ее партнер-организатор Дэррил Черни, находившийся на пассажирском месте, также получил травму. В течение нескольких часов после взрыва полиция Окленда вместе с ФБР арестовали Бари и Черни, утверждая, что сами жертвы построили и перевозили бомбу для использования в террористическом акте (см. Scarce, 1990; Bari, 1994; Purchase, 1994).

Полицейские постоянно снабжали прессу инкриминирующими «доказательствами» и слухами, которые использовались против растущей активистской коалиции для домысла об экологическом насилии (см. Scarce, 1990; Bari, 1994; Purchase, 1994). Это фиктивное «равенство насилия» позволяло виновным в насильственных действиях, т.е. сторонникам корпораций, расценивать свою деятельность как чисто оборонительную и, следовательно, оправданную.

“ Пока настоящая Earth First! в Северной Калифорнии отказывалась от шипования деревьев, создавала коалиции с рабочими и мирными активистами, а в ответ на насилие в лесной промышленности призывала к массовому ненасилию, общественность учили ассоциировать нас с бомбами и терроризмом (Бари, 1994: 300).

Обыск транспортных средств, налеты на дома и преследование активистов, участвовавших в Redwood Summer, не выявили ничего, что могло бы инкриминировать кого-либо, связанного с радикальной экологией.

Активисты в группах от Earth First! до Greenpeace и Friends of the Earth, чувствуя соучастие корпораций и государства в продолжающихся все более жестоких проявлениях насилия, объединились, чтобы пресечь преследования со стороны ФБР и полиции, а также экологов в

целом, и начать серьезное расследование взрыва. Гринпис нанял частного детектива для выявления виновных. Тактика ФБР была в конечном счете поставлена под сомнение подкомитетом по гражданским и конституционным правам при Палате представителей судебной власти. Впоследствии Черни и Бари подали иск против ФБР и полиции Окленда. Наконец, в 2002 году Бари и Черни выиграли дело о неправомерных действиях со стороны ФБР и полиции Окленда, и им было присуждено решение о возмещении ущерба на сумму 4,4 миллиона долларов (I.W.W., 2002).

Циничные усилия полиции, ФБР, лесозаготовительных компаний и прессы, хотя и нанесли определенный ущерб движению, не смогли одолеть Redwood Summer. Несмотря на кампании по дезинформации и дестабилизации, организаторы не испугались своей работы в лесу. По сути, взрыв бомбы, в отличие от всего, что было раньше, сплотил экологов всего мира.

В первой июньской акции Redwood Summer на митинге у экспортного дока L-P в Самоа, Калифорния, приняли участие более 700 человек. 43 демонстранта были арестованы во время блокирования грузовиков для перевозки бревен и щепы (п.а., 1993; Бари, 1994). Среди других ранних акций были протесты EFi в городском экспортном доке Сакраменто, сидение на деревьях в Муррулет Гроув и уличный перформанс от Urban Earth Women в офисе компании Маххат в Марине, за который они были арестованы. Маххат — это штаб-квартира компании Pacific Lumber Company (PALCO), другой лесозаготовительной фирмы, в Марине. На одной из нескольких других демонстраций против Маххат активисты из Латинской Америки устроили акцию, чтобы подчеркнуть связь между разрушением окружающей среды в Северной Калифорнии и в Центральной Америке. Они были арестованы за свои старания.

REDWOOD SUMMER

JUNE 20 L.P. EXPORT DOCK SAMOA. 11 am NON-VIOLENT RALLY with speakers & music to protest increasing loss of mill jobs to Mexico caused by L.P.

JULY 21 G.P. MILL FORT BRAGG "NEW DAY DAWNING" Earth First! calls forth a total eclipse of the sun and G.P.'s logging practices.
NON-VIOLENT RALLY

JULY 27-30 EARTH FIRST! CALIFORNIA RENDEZVOUS and National Forest Action. Protest the U.S. subsidized destruction of public land.

To be announced, The Ultimate Log Jam...

For more information call Mark (415) 647-9160

redwoodstock

SMALLER NON-VIOLENT ACTIONS TO OCCUR—CONTINUOUSLY

NON-VIOLENCE TRAINING REQUIRED for anyone doing civil disobedience. For camping and housing, —call Southern Humboldt County office (707) 923-3475. Send donations to EARTH FIRST! REDWOOD SUMMER, BOX 210, CANYON, CA 94516. FOR MORE INFO CALL (415) 647-9160, (707) 923-3450, (707) 468-1000. To donate food, equipment, money for base camp contact Seeds of Peace (415) 420-1799.

Sponsored by Earth First! and Seeds of Peace

Афиша акции в Форт-Брэгге и концерта Redwoodstock. Изображение: The Hum

Кульминацией Redwood Summer стала июльская акция в Форт-Брэгге, в ходе которой 2000 протестующих промаршировали по городу, скандируя: «Сначала Земля! Прибыль потом» (Earth First! Profits Last; n.a., 1993). В такой потенциально взрывоопасной ситуации маршировали 1500 разгневанных сторонников лесозаготовительных компаний. Быстро сообразив, Дэррил Чими и Пэм Дэвис пригласили контрдемонстрантов выступить со сцены Redwood Summer. В момент, имеющий символическое значение для молодого движения, «Дуэйн Поттер, лесоруб, которого мы никогда раньше не встречали, встал и сказал правду — что раньше он летом заготавливал бревна, а зимой рыбачил, а сейчас нет ни бревна, ни рыбы» (Bari, 1994: 74-75). Острота мольбы Поттера, которая говорила о чувстве утраты, разделяемом многими в сообществах лесорубов, способствовала ненасильственному разрешению противостояния.

Заключительная акция Redwood Summer, прошедшая в августе, также смогла избежать почти реальной катастрофы благодаря терпению активистов и их приверженности ненасилию. Непродуманный план предусматривал проведение двухдневного концерта под названием Redwoodstock (созвучно со знаменитым музыкальным фестивалем Woodstock), за которым последовало шествие по городу Фортуна. Все это должно было произойти в печально известном враждебном районе, и для проведения собрания требовалось постановление суда. Семьсот протестующих, прошедших через Фортуну, были закиданы насмехающимися контрдемонстрантами бутылками и яйцами. Когда разгневанная толпа напала, оттеснив в сторону сотрудников полиции, протестующие ответили сидячим пением, что разрядило обстановку.

Всего около 3000 человек внесли свой вклад в экологические усилия Redwood Summer. Более 250 человек были арестованы. Благодаря значительному освещению в СМИ, кампания успешно привлекла международное внимание к массовому уничтожению дикой красной секвойи в Калифорнии и внесла вклад в защиту леса в Headwaters Forest, где растут 2000-летние красные леса. Особое значение имеет то, что Redwood Summer служит примером озеленения синдикалистских взглядов и практик и дает некоторое представление о «политике связи» (politics of connection). Далее я рассматриваю как деконструктивный, так и конструктивный характер такой политики, проиллюстрированный на примере Local 1 и Redwood Summer.

Вырубка боссов: деконструктивная политика Local 1

Для зеленых синдикалистов не может быть условий компромисса с теми, кто владеет и контролирует корпорации, угрожающие планете. Такая автономия необходима как залог целостности и солидарности. В рамках политики I.W.W. EF! Local 1 это необходимо для объединения рабочих и экологов через контекст общей эксплуатации.

Первый шаг — перестать обвинять лесорубов и столяров в разрушении планеты. Лесопромышленные компании относятся к ним так же, как к лесу — как к объектам, которые можно использовать для получения максимальной прибыли. Мы не можем создать альянс, сказав: «Эй, лесоруб, пойдём спасать деревья». Мы должны признать, что их условия труда связаны или подчинены изнашиванию леса. Они являются неотъемлемой частью одного и того же процесса (Bari, 1994: m 14).

Склэр (1995) отмечает важность участия агентов капитала в местных сообществах. Активисты Local 1 столкнулись с тем, что коммерческие организации давно участвуют в кампаниях, нацеленных на конфликт лесорубов и экологов. Эти усилия и некоторые выше в значительной степени способствовали росту нестабильности в лесу. На слушании о статусе пятнистой совы «лесные компании закрыли производства и лесозаготовки на день и привлекли к слушанию 5000 рабочих, неся плакаты против сов и подбадривая ораторов, которые осуждали защитников окружающей среды» (Bari, 1994: 13). Лесопромышленные компании учредили коалицию «Желтая лента». Их участники — лесорубы, их семьи и местные предприятия — должны носить желтые ленты в знак солидарности с лесопромышленными компаниями против «угрозы» со стороны экологов. По сведениям Бари (1994: 13), инакомыслие — или даже просто безучастность — были небезопасными, поскольку угроза насилия существовала всегда.

Среди доказательств причастности лесопромышленников к насилию была обязательная встреча на целлюлозном заводе L-P в Самоа, во время которой руководство завода распространяло поддельные пресс-релизы и открыто поощряло работников запугивать экологов. Цель этой встречи была раскрыта только после того, как местный профсоюз работников целлюлозно-бумажной промышленности подал жалобу. Завод L-P был не единственным в агитации против экологов. Как указывает Бари (1994), внутренние документы компании доказывают, что корпорация Маххат также распространяла ложные пресс-релизы в газетах.

Такие действия ставят серьезные испытания, которые альянсы еще должны будут преодолеть в эпоху глобализации. До тех пор, пока активисты движения не смогут помешать этим усилиям, перспективы сближения рабочих и экологов останутся ограниченными.

Нехватка крупной древесины и альтернативных рабочих мест привели к тому, что активисты в основном полагались на символические действия. Это происходило преимущественно через конфронтацию с местными агентами капитала и открытый, явный отказ от бывшего признания их авторитета и почтения.

Таким образом, боссы, особенно руководители компаний и крупные акционеры (2), представлялись не как заботливые патриции, которые одаривают людей работой, а как воры, отнимающие экологическое богатство, а также наше экологическое будущее ради их собственной наживы. «Боссы — капиталистические отморозки» (Kauffman and Ditz, 1992: 42). Также: «Доказательства экотерроризма боссов присутствуют в нашей жизни каждый день» (Kauffman and Ditz, 1992: 42).

Это наглядный пример того, что экологи совершают акты саботажа путем десакрализации. В синдикалистских текстах боссы конструируются не только как паразиты — традиционное оскорбление от вобблис — но и как экотеррористы, что переворачивает общее представление о радикальной экологии. При рассмотрении радикальных экологических дискурсов реконтекстуализации, вскоре становится ясно, что именно «хорошие парни» нарушают закон, поскольку закон разрешает добычу полезных ископаемых, лесозаготовки, бурение, строительство дорог, работу с бетоном, сталью, линии электропередач, стоянки и пустыри, которые заменяют дикую природу и все естественное и хорошее (Lange, 1990: 485).

Нерациональными и нереалистичными становятся другие вещи. В конце концов, что может быть более иррациональным, чем разрушение дома? Реконтекстуализация служит отказом от гегемонистских определений и такого отношения к власти, которое учитывает только некоторые ограниченные формы поведения или последствия.

Дискурсы и практики I.W.W. также подчеркивают способности работников, поощряют их самоопределение и важность самоуправляемых инициатив, направленных против капитала. «I.W.W. считает [sic], что “рабы-за-зарплату” должны самоорганизоваться для борьбы с боссами» (Meyers, 1995: 73). Символическое единство всех рабочих и их отрыв от капитала является определяющими для членства в вобблис. «Единственное ограничение членства в I.W.W. состоит в том, что ни один начальник не может быть его участником» (Meyers, 1995: 73).

Строение такой автономии от местных агентов транснационального капитала также повлекла за собой использование экстремальной риторики: «Мы боевой, революционный союз. Если вы хотите нанести удар по боссу единомышленниками, свяжитесь с нами» (Meyers, 1995: 73). Таким образом, измененная конституционная преамбула вобблис «призывает к классовой войне, отмене системы заработной платы, боссов и захвату механизмов производства» (Kaufmann and Ditz, 1992: 41).

Благодаря развертыванию чрезмерных дискурсивных практик I.W.W. — EF! активисты попытались преодолеть разрушительную деятельность корпораций по превращению рабочих и активистов во врагов. Зеленый синдикализм предполагает разрушение и последующее восстановление социальных границ экологии таким образом, чтобы рабочие были включены в экологическое движение. Их тексты и действия должны пониматься как подрывные контрмеры в условиях скромной материальной базы. Вооруженные чуть более чем чувством юмора, партизаны-пранкеры Earth First! атаковали своего врага насмешками. Тем самым они отвергли весь контекст, в котором они могли быть либо маргинализированы, либо ассимилированы. Они заняли свою территорию. На своей земле зеленый синдикализм привлекает внимание к тем пространствам, где наличие антиэкологического «другого» препятствует сближению вокруг экологии и предоставляет возможности для развития связей.

Конструктивная политика: видение зеленого синдикализма

Активисты Local 1 внесли свой вклад в развитие зеленого синдикализма, который может многому научить экологов. Это важное наследие их работы. Зеленые синдикалисты — революционеры, которые рассматривают свои усилия как основу, необходимую для замены государства и капитала децентрализованными федерациями биорегиональных сообществ (Purchase, 1994). При этом зеленые синдикалисты выступают за создание «пространства» вокруг границ географических регионов, в противовес границам национальных государств, которые игнорируют географические границы, определенные топографией, климатом, распределением видов или осушением. Темы биорегионализма поднимаются зелеными синдикалистами для замены национальных государств биорегиональными сообществами. Для зеленого синдикализма они могут создавать социальные отношения с учетом экологии и исключать бюрократическое, иерархическое вмешательство корпораций. Местное сообщество становится контекстом для социальной и экологической идентификации.

Карр (1996) предполагает, что реальное чувство идентичности, солидарности или принадлежности невозможно за пределами местного уровня, где пересекаются общий опыт, общие интересы и близость. Идентичность создается в социальных и культурных сетях, которые носят локальный характер. Точно так же Склэр (1995: 508) идентифицирует транснациональные корпорации, транснациональный капиталистический класс и «идеологию культуры» потребительства как три опоры глобализации. Он настаивает на том, что, хотя они проявляются глобально и локально, они «могут эффективно противостоять только на местах тем, кто готов нарушить их антиобщественную практику». Очевидно, мы видим эту локальную организацию сопротивления в практиках Local 1.

Зеленый синдикализм поощряет углубленное изучение в противовес анонимному, отстраненному расширению знаний, которое присуще постмодернизму. Однако это не означает полную изоляцию. Скорее, это говорит о местных или федеративных общественных отношениях, организованных децентрализованным, массовым образом. Точно так же любые федеративные объединения, если предполагается, что они являются демократическими, будут добровольными.

Бари была хорошо осведомлена о трудностях, с которыми могут столкнуться защитники окружающей среды в силу того, что их считают «чужаками», оторванными от сообщества. Это говорит о том, что для преодоления «феномена Гринписа» существует потребность в локальном участии. Этот феномен — о проникновении в общество без учета всей сложности местных проблем, без создания альянсов или базы для дальнейшего развития. Один из аспектов практики зеленого синдикализма включает в себя совместное обучение региональным, общинным образам жизни энвайронменталистов и рабочих (Bari, 1994; Purchase, 1994).

Участники Local 1 ожидали, что некоторая реинтеграция производства и потребления локально будет необходима для отказа от консьюмеризма. Она должна быть организована на равноправной и демократической основе, чтобы члены сообщества вносили вклад в социальное и материальное производство. Это проиллюстрировано в видении Бари о преобразовании лесозаготовок из корпоративного в общественное: «Она пришла к пониманию, что, если мы сократим потребление древесины... и прекратим рубить старые деревья, нам придется перепрофилировать рабочих и даже создавать новую экономику» (McIsaac, 1991: 47). Люди могут потреблять только то, к чему они приложили руку в создании. Люди могут использовать свободное время для творческой деятельности, а не утомительного, ненужного производства предметов роскоши; и личное потребление может регулироваться возможностями самостоятельного производства, то есть личным творчеством, а не истерией массовой рекламы и фетишизации товаров.

Заключение

Эта статья позволяет понять некоторые аспекты борьбы, которые препятствуют или поощряют укрепление единства и формирование альтернатив, которые, к сожалению, отсутствуют в работе над глобальными социальными движениями. В результате анализа «политики связи» возникает ряд вопросов для социологического рассмотрения.

Альянс вокруг Local 1 был организован в противовес агентам транснационального капитала и их глобальному порядку локального разрушения экологии и сообществ. В частности, в ответных реакциях активистов была предпринята попытка препятствовать локальным практикам разрушения, одновременно привлекая к ответственности представительства многонациональных корпораций за руководство этими практиками. Они занимались дезорганизацией локальных учреждений, с которыми вступали в непосредственный контакт в повседневной жизни, и в то же время — более отдаленных институций, интересам которых служат эти учреждения. Гегемония транснациональных корпораций была подорвана в результате проведения локальных кампаний — как экономических, так и политических — вмешательства и контр-информирования.

Случай Local 1 также раскрывает значение расширенного выражения локальной борьбы и трудности, с которыми сталкиваются такие начинания. В то время как локальность имеет решающее значение для формирования сопротивления, активисты Local 1 вскоре осознали, что для движения против глобальных вторжений с периферии необходимо культивировать внешние связи. Признавая пределы основных политических каналов, из которых они в любом случае были в значительной степени исключены, они обратились к символической политике, массовым акциям и экстремальным формам риторики. Кастеллс, Язава и Киселева (1996: 22) предполагают, что маргинальные движения или движения за радикальные альтернативы обычно остаются невидимыми корпоративными медиа до тех пор, пока они «не взорвутся в виде медиа-событий, которые привлекают общественное внимание, и не раскроют существование глубоких вызовов повседневной нормальности».

Вслед за Кастельсом и др. (1996) мы можем понимать Redwood Summer как l'action exemplaire, направленное на повышение осведомленности извне об уничтожении дикой

природы и сообщества Северной Калифорнии. Такие захватывающие формы активизма привлекают «внимание мира к требованиям движения и (в конечном счете) предназначены для того, чтобы пробудить массы, манипулируемые пропагандой и сломленные репрессиями» (Castells et al., 1996: 50). Здесь медийная подкованность Local 1 — особенно после подрыва — была важнейшим оружием в битвах за образы и сообщения.

Акты экологического саботажа — как акты коммуникации — служат поддержанию осведомленности общественности об экологических проблемах и стимулируют дискуссии и дебаты. Они служат прямым напоминанием агентам капитала, что их разрушительные действия не поддерживаются всеми членами общества и что неприемлемые действия не останутся без последствий. В этом случае отказ от шипования деревьев и приверженность ненасилию являются особенно значимыми символами. В частности, они представляют собой движение в сторону от краткосрочных действий, которые работники сочли угрожающими — к долгосрочным стратегиям на основе развития сообществ. Прежде всего, они послали четкое публичное сообщение о том, что рабочие больше не считаются врагами экологов.

Дискуссия вокруг Redwood Summer также предлагает рассмотреть вопрос о соучастии государства в процессах глобализации. Действия полиции и федеральных властей напоминают нам, что прямое господство все еще является одним из аспектов управления в век глобализации. Те, кто пытаются действовать за пределами ограниченных и очерченных сфер «законного» действия или «нормальной» политики, будут подвергаться репрессиям.
(3)

Предполагается, что такие удаленные субъектные позиции, как «рабочий» или «эколог», затвердевают в различных трудовых и экологических дискурсах как карикатуры из-за фиксации антагонизмов как разделенных и эксклюзивных. Деятельность Local 1 продемонстрировала, что экология и трудовая «идентичность» не являются взаимоисключающими. Скорее, есть некоторая основа для взаимной трансляции позиций. Зеленый синдикализм предполагает, что трансформация социальных отношений позволит построить новые идентичности. Те, кто изучает социальные движения, должны помнить, что идентичности не существуют до актов трансформации. Скорее, трансформация является аспектом в построении акторов, вовлеченных в ее осуществление (см. Bowles and Gintis, 1986; Walker, 1994).

Утверждение идентичности выражается через воображаемое, новое и игровое культивирование культурного опыта в зачастую неожиданных направлениях, как деконструктивных, так и конструктивных. Локальные защитники окружающей среды и рабочие объединяются в борьбе за сохранение дикой природы и традиционного образа жизни, которые приносятся в жертву во имя удовлетворения потребностей мирового капитала и потребительской культуры. Активисты выступают с призывами к целостности местной окружающей среды и сообщества, а также к необходимости самоопределения и контроля над решениями, которые затрагивают жителей и природу.

Наконец, рассматривая деятельность локальных сообществ, необходимо признать, что социальные отношения, характеризующие глобальный капитализм, порождают ослабление способности людей бороться за скоординированную защиту экологических — том числе и

человеческих — сообществ планеты. Бари (1994) настаивала на том, что ограничение участия в принятии решений при строгих иерархиях капитализма является главным препятствием для экологической организации. Точно так же постоянное отсутствие рабочих в принятии решений, о котором говорит Склэр (1995), позволяет принуждать рабочих к выполнению задач, которые они могли бы презирать или которые имеют непредсказуемые последствия. Важно отметить, что отсутствие контроля над условиями их собственного существования и связанная с этим неопределенность в отношении будущего приводят к тому, что рабочие конкурируют друг с другом за рабочие места или даже за незначительные возможности трудоустройства. Как выразился один лесоруб: «Но без организации, ну что хорошего мне будет, если я уволюсь, когда Джо дунет вниз по дороге и отнимет мою работу» (цитата по Bari, 1994: 256). Рабочие остаются более восприимчивыми к угрозам забастовки капитала или экологического шантажа (Bullard, 1990).

“И мне кажется, что соучастие людей должно измеряться в большей степени тем, насколько они контролируют условия своей жизни, чем тем, насколько грязными они становятся на работе. Один компромисс, сделанный профессионалом из белого воротничка Sierra Club, может уничтожить больше деревьев, чем лесоруб может срубить за всю свою жизнь (Bari, 1994: 105).

Защитники окружающей среды прошли долгий путь в признании недопустимости критики действий рабочих, подобно некоторым выдающимся энвайронменталистам 1980-х и 1990-х годов, не подвергая критическому анализу то, как артикуляции власти побуждают или ограничивают субъектные позиции людей как рабочих. При взаимном создании альянсов «определение конфликта меняется от "защитников окружающей среды против рабочих" до "тех, кто защищает условия для возможной и желательной жизни против тех, кто защищает практику и отношения, которые делают невозможной такую жизнь"» (Адкин, 1992а: 136). Усилия Local 1 напоминают, что радикальные альтернативы могут быть сформированы не только тогда, когда рабочие осознают разрушительный характер своей работы, но и когда радикальные экологи понимают позиции рабочих в общественных отношениях капиталистической власти.

Об авторе

Джеффри Шанц — кандидат наук в области социологии в Йоркском университете в Торонто. Его исследовательские интересы включают экологическую социологию и социальные движения. Он является одним из ведущих докладов о борьбе с бедностью на местной радиостанции CHRY 105,5 FM в Торонто.

«Я заинтересовался Redwood Summer, занимаясь природоохранной деятельностью в Ванкувере, когда планировалось проведение Redwood Summer». Как специалист по охране окружающей среды из «голубых воротничков» и профсоюзов, он увидел в работе Джуди Бари и Local 1 несколько потенциально важных примеров того, как преодолевать напряженность, которая препятствовала развитию радикальных экологических движений.

Поскольку в последнее время в Северной Америке возникли более широкие антикапиталистические движения, они столкнулись с аналогичной напряженностью и могли бы извлечь пользу из усилий Local 1.

Примечания

(1.) В Канаде Лоу (Lowe 2000: 164) сообщает, что «общий уровень членства в профсоюзах колебался в пределах одной трети всех оплачиваемых работников в течение последних трех десятилетий». В США этот показатель ниже 20 процентов. Большая часть этого объединения состоит из рабочих на крупных промышленных предприятиях, традиционных опорных пунктах профсоюзов. По-видимому, не было достигнуто никаких успехов на более мелких рабочих местах, которые в совокупности составляют значительную и растущую долю рабочей силы и в основном состоят из молодых работников.

(2.) Local 1 направила большую часть своей просветительской работы на то, чтобы показать, как корпоративные лидеры и акционеры получают прибыль за счет лесов и работников лесного хозяйства, а также их общин. Ежедневно имея дело с местными менеджерами, Local 1 понимала, где находится реальная власть принятия решений.

(3.) Этот момент особенно актуален сейчас, в контексте возросших с 11 сентября 2001 года полномочий правительства и полиции. Более подробно о ситуации в США см. Chang (2002). Обсуждение ситуации в Канаде см. В статьях Galati (2002) и Brown (2002).

Упоминания

Adkin, Laurie E. 1992a. «Counter-Hegemony and Environmental Politics in Canada». In *Organizing Dissent*, edited by William K. Carroll. Canada: Garamond Press

Adkin, Laurie E. 1992b. «Ecology and Labour: Towards a New Societal Paradigm». In *Culture and Social Change*, edited by Colin Leys and Marguerite Mendell. Montreal: Black Rose Books

Adkin, Laurie E. 1996. *Politics of Sustainable Development: Citizens, Unions and the Corporations*. Montreal: Black Rose Books.

Adkin, Laurie, E., and Catherine Alpaugh. 1988. «Labour, Ecology, and the Politics of Convergence». In *Social Movements/Social Change: The Politics and Practices of Organizing*, edited by Frank Cunningham, Sue Findlay, Marlene Kadar, Alan Lennon, and Ed Silva. Toronto: Between the Lines

Bahro, Rudolph. 1984. *From Red to Green*. London: Verso

Bari, Judi. 1994. *Timber Wars*. Monroe: Common Courage Press

Bookchin, Murray. 1980. *Toward an Ecological Society*. Montreal: Black Rose Books

- Bookchin, Murray. 1987. *The Modern Crisis*. Montreal: Black Rose Books
- Bookchin, Murray, and Dave Foreman. 1991. *Defending the Earth*, edited by Steve Chase. Boston: South End Press
- Bowles, Samuel, and Herbert Gintis. 1986. *Democracy and Capitalism*. New York: Basic Books
- Brown, Lorne. 2002. «War, Political Repression...and Resistance». *Briarpatch*, 31(1): 12-15
- Bullard, Robert, D. 1990. *Dumping in Dixie: Race, Class and Environmental Quality*. Boulder: Westview Press
- Carr, Barry. 1996. «A New Era for Labor Internationalism? The Experience of NAFTA 1994-1996 in Historical Perspective». *American Sociological Association Paper*. New York, August 16-20
- Castells, Manuel, Shujiro Yazawa, and Emma Kiselyova. 1996. «Insurgents Against the Global Order: A Comparative Analysis of the Zapatistas in Mexico, the American Militia and Japan's AUM Shinrikyo». *Berkeley Journal of Sociology*, Summer
- Chang, Nancy. 2002. *Silencing Political Dissent: How Post-September 11 Antiterrorism Measures Threaten our Civil Liberties*. New York: Seven Stories Press
- Chase, Steve. 1991. «Whither the Radical Ecology Movement». In *Defending the Earth*, edited by Steve Chase. Boston: South End Press
- Clarke, John. Forthcoming. «The Labour Bureaucracy and the Fight Against the Ontario Tories». *Labour/Le Travail*.
- Foreman, Dave. 1991. *Confessions of an Eco-Warrior*. New York: Harmony Books
- Galati, Rocco. 2002. «Canada's Globalization, Militarization and Police State Agenda». *Briarpatch*, 31(1): 5-7
- Industrial Workers of the World (I.W.W.). 2002. «FBI and Cops Must Pay Bari, Cherney \$4.4 mill». *Industrial Worker*. 99(6): 1
- Kaufmann, Mark, and Jeff Ditz. 1992. «Green Syndicalism». *Libertarian Labor Review* 13(Summer): 41-42
- Lange, Jonathan, I. 1990. «Refusal to Compromise: The Case of Earth First!» *Western Journal of Speech Communication* 54(Fall): 473-494
- N.A. 1993. «44 Arrested at L-P Mill». In *Radical Environmentalism : Philosophy and Tactics*, edited by Peter C. List. Belmont: Wadsworth, 202-203
- N.A. 1993. «Two Thousand Rally at Fort Bragg». In *Radical environmentalism: Philosophy and Tactics*, edited by Peter C. List. Belmont: Wadsworth, 201

Lowe, Graham. 2000. *The Quality of Work: A People-Centred Agenda*. Don Mills: Oxford University Press

Mclsaac, P. 1991. «Ecology and the Left». In *Defending the Earth*, edited by Steve Chase. Boston: South End Press

Meyers, Bill. 1995. «Kicks Boss Butt?!?» *Anarchy* 41(Winter)(14)(3): 73

Pickett, Karen. 1993. In *Radical Environmentalism: Philosophy and Tactics*, edited by Peter C. List. Belmont: Wadsworth, 207-212

Purchase, Graham. 1994. *Anarchism and Environmental Survival*. Tucson: See Sharp Press

Scarce, Rik. 1990. *Eco-Warriors*. Chicago: The Noble Press

Schrecker, Ted. 1975. «Labour and Environment: Alternatives Conference Report». *Alternatives* 4: 34-43

Sklair, Leslie. 1995. «Social Movements and Global Capitalism». *Sociology* 29(3): 495-512

Walker, R.B.J. 1994. «Social Movements/World Politics». *Millenium: Journal of International Studies* 23(3): 669-700

Watson, Captain Paul. 1994. «In Defence of Tree-Spiking». In *Canadas*, edited by Jordan Zinovich. New York: Semiotext(e)

Сейл Киркпатрик. Война за дикую природу в США

1990, источник: [здесь](#)

На переднем плане было спасение дикой природы — с начала (20-ред.) века это был традиционный стимул природоохранного движения, и это, естественно, было основной сферой деятельности традиционных организаций. Фундаментальное отношение к природе, принесенное на эти берега европейскими колонистами, продолжаемое каждым следующим поколением, было отношением пользования и эксплуатации, однако с самого начала всегда было течение, исповедующее благоговение и благодарность, иногда даже религиозное поклонение. История природоохранного движения до середины двадцатого века была конфликтом этого дуализма, поскольку незначительное меньшинство преклоняющихся перед природой пыталось сдержать сторонников её эксплуатации — Джон Мюир называл их «эти разрушители храмов, поборники дикого коммерциализма» — и факт остаётся фактом, что некоторые победы в борьбе за сохранение дикой природы были одержаны благодаря их усилиям. Однако это всегда была борьба негативного типа, препятствующая деятельности «добытчиков», удерживающая руку «разработчиков», реагирующая на угрозы как правительственные, так и корпоративные. Мечта о переходе в наступление, о том, чтобы вынудить Конгресс принять решение о сохранении обширных территорий нетронутой земли как постоянных защитных участков дикой природы — мечта, существующая ещё с 1920-х годов, когда Олдо Леопольд убеждал Службу леса создать первый официальный охраняемый участок дикой природы в национальном лесу Джила, — эта мечта десятилетиями оставалась неосуществлённой, встречая яростное сопротивление. Затем наступили 60-е годы.

В конце 50-х годов Говард Занисер из Общества охраны дикой природы разработал проект закона о дикой природе для рассмотрения в Конгрессе; слушания начались в 1957 г. и продолжались с перерывами в последующие годы, при мощном интересе со стороны общественности и упорном сопротивлении законодателей, оказываемом при каждом следующем шаге. Но в каждом новом десятилетии кампания в защиту природы воодушевлялась новой энергией, появлялось новое понимание того, как действовать против упорствующего правительства: традиционные группы сторонников охраны природы, такие как Общество охраны дикой природы, Сьерра Клуб, Общество Одюбона и даже Лига Иссака Уолтона создали сеть для координации стратегии и членства, нашлись союзники в таких организациях как Национальное общество членов торговой палаты и Федерация женских клубов, масса статей была подготовлена как специальными природоохранными, так и общими журналами, и была организована общественная кампания для создания мощной поддержки со стороны простых людей. К 1962 г. Конгресс получал больше писем в поддержку закона о дикой природе, чем относительно любого другого законодательного

акта, и такое давление уже невозможно было игнорировать.

В конце концов, как это иногда бывает с нашей государственной законодательной властью, закон о дикой природе был поставлен на голосование в Палате представителей в 1963 г. и в Сенате в 1964 г., был принят подавляющим большинством голосов и введен в действие с 9 сентября 1964 г. И опять-таки, как это часто случается, закон был существенно выпотрошен: на землях системы дикой природы разрешалась в будущем добыча полезных ископаемых, Президент получил право санкционировать строительство плотин и электростанций на этих землях; было отведено только 9,1 млн. акров вместо 60 млн. государственных земель и громоздкая система бюрократического и правительственного контроля заменила схему сотрудничества граждан и правительства. И всё же это был Закон о дикой природе, и он прямо и непосредственно заставил государство заниматься проблемой вечной охраны значительных территорий, «где земля и всё, что её населяет, не потревожено человеком, где человек — только гость и не остаётся там», как говорится в преамбуле. Национальная система территорий дикой природы увеличилась до 90 млн. акров, включая 474 участка частных земель. Общество охраны дикой природы, поздравляя закон с серебряным юбилеем, назвало его «одним из важнейших — даже революционных — природоохранных начинаний в истории».

Размяв мускулы в борьбе за закон об охране дикой природы (и обнаружив, что они стали сильнее, чем когда бы то ни было прежде, хотя и не такими мощными, как хотелось бы), ведущие организации снова приступили к действию, когда в 1966 г. Бюро мелиорации земель объявило о планах строительства двух плотин, чтобы затопить 150 миль реки Колорадо в Большом Каньоне. На этот раз лидером стал Сьерра Клуб, воспользовавшись своей репутацией старейшей природоохранной организации страны. Несколько десятилетий он вёл скучно-дремотную жизнь клуба для джентльменов, а тут о нём снова заговорили как о группе активистов с серьёзным политическим влиянием. И хотя признавалось, что это была одна из тех защитно-реактивных битв, которые постоянно велись природоохранными организациями, — строительство плотин казалось такой же мощной государственной политикой, как и сами реки, — на этот раз Сьерра Клуб ввёл в драку нового человека, новую стратегию и новые группы населения.

Этим человеком был Дэвид Броуэр, которому было тогда 54 года, ветеран боёв Сьерра Клуба с 30-летним стажем (и его исполнительный директор с 1952 г.). Он вполне соответствовал духу 60-х годов и был способен принудительно внедрить имя Сьерра Клуба равным образом в сознание активистов природоохранной деятельности и сторонников её эксплуатации. В 1960 г. он составил издательскую программу Сьерра Клуба, которая представила миллионам американских домоседов прекрасные и драматические снимки и описания дикой природы. И он лично путешествовал по Америке — и по всему миру, — десантируясь в аудиториях, пропагандируя там свои идеи и услаждая собравшихся своей искренностью и чувством юмора. Джон Макпи в своём очерке в журнале «Нью-Йоркер» называл его «архидруидом» (главным жрецом) охраны природы и «несомненно самым мощным голосом в природоохранном движении нашей страны.»

Дэвид Броуэр со всей настойчивостью взялся за проблему Большого Каньона, вооружившись тактикой, которая была совершенно в духе времени. Во-первых, он запустил серию

рекламных объявлений против проекта на полную газетную полосу («Большой каньон — вот что они хотят затопить на этот раз. Большой каньон!») с купонами и указаниями, как писать соответствующим конгрессменам, — новый приём по тем временам; затем добавил проспекты и наклейки, переиздал потрясающую книгу фотографий «Время и реки текут», заказал два полнометражных цветных фильма; и сам он неутомимо делал доклады, произносил речи, представлял доказательства соответствующим комитетам. Это был Сьерра Клуб в пике своей формы, «цвет природоохранного движения», как аттестовал его «Нью-Йорк Таймс» в 1967 г.

И это сработало. Письма наводняли кабинеты Конгресса, тысячи телефонных звонков и телеграмм врывались в них, статьи были в центре внимания прессы страны, формировалась сеть групп простых людей, чтобы продолжать оказывать давление в низах. (Правительство ничего не добилось, натравив в июне на клуб Службу внутренних доходов, отрицая статус клуба как освобождённого от налогов на том основании, что он занимался «широким» лоббированием, что немедленно вызвало гнев общественности). Бюро мелиорации предложило в качестве компромисса строительство одной плотины, предложение было осмеяно, и к началу 1967 г. Администрация отменила проект полностью; Конгресс в конце концов согласился, официально отказавшись от него в июле 1968 г. «Эти природоохранники подняли такие страсти, — сказал один конгрессмен, — каких и в аду не бывает».

Число членов Сьерра Клуба взлетело от 39 тыс. в 1966 г. до 67 тыс. в 1968 (и до 113 тыс. в 1970), что сделало его второй по величине природоохранной организацией после гигантской Национальной федерации дикой природы (365 тыс. в 1968 г.), однако то, что клуб потерял свой статус освобождённого от налогов, привело к потере значительных доноров и вызвало серьёзные финансовые проблемы.

Однако было поднято и взбудоражено не только это, а нечто большее, то, что в дальнейшем сыграло существенную роль в развитии всей природоохранной деятельности. Впервые большой сегмент американского общества во всеуслышание заявил, что люди предпочитают реки плотинам — плотинам, которым исторически отдавали предпочтение все администрации, обе партии Конгресса, разработчики любого рода, и поколения, которые аплодировали превращению темноты в зарю. Теперь эти плотины рассматривались многими как незаконное вторжение бетона в мир дикой природы, имеющий свою целостность, свою красоту, и свои права. Провал проекта строительства плотин в Большом Каньоне, а также создание Системы участков дикой природы (и позднее, в 1968 г., Национальной системы диких и живописных рек), были важным поворотным пунктом в отношении американцев к земле: природа, или по крайней мере какие-то отдалённые её части, существует не просто для того, чтобы ею манипулировать и эксплуатировать её, но и, что не менее важно — для того, чтобы охранять её и лелеять.

Второе новое измерение 80-х, радикальная природоохрана (радикальный инвайронментализм), было децентрализовано подобным же образом и часто так же возникало как ответ на деятельность властей, но его обычно вдохновляли люди, имеющие значительный политический опыт, на который оказали влияние взгляды 60-х; люди, информированные за годы работы в фарватере природоохранного движения. Их резоны и их тактика, не говоря уж об их стиле и риторике, выросли непосредственно из противостояния

тому, что они рассматривали как реформизм и «кооптацию» большинства в то время, когда опасности, казалось, растут, а государственное руководство не поддаётся воздействию. В числе обвинений, которые они выдвигали, было то, что старые организации были чересчур законопослушны («Никогда не поддерживайте никаких законодательных актов, — говорил Дэйв Формен, ставший более радикальным после десятилетия официального [«в костюме и при галстук»] лоббирования в Вашингтоне; — всегда требуйте большего»); чересчур профессиональны («Появилась новая группа профессиональных бюрократов, — утверждала Лорна Зальцман, бывшая одно время активисткой FOE в Нью-Йорке (Friends of the Earth — «Друзья Земли», международная экологическая организация), — которые сидят там не для дела, а для высокопарных разговоров о работе в «интересах общества»); и чересчур ограничены («Эти природоохранники-реформисты не имеют ни программы, ни видения перспективы, — доказывал Джордж Сешнс, профессор философии в Сьерра Колледже, — они приблизительно на том же уровне, что и сотрудники исправительных учреждений»).

Возникновение этого нового направления и их критика в адрес старших была достаточно серьёзной, чтобы заставить Майкла Макклоски, директора Сьерра Клуба с 1969 по 1985 г., и следующего председателя клуба, послать в январе 1986 г. конфиденциальный меморандум совету директоров, предупреждающий о «новых, более воинственных» деятелях природоохранного движения. «Это люди, которые без колебаний критикуют главных игроков, таких как Сьерра Клуб, — писал он, — но их цель больше, они хотят «изменить взаимоотношения отдельных людей и общества, а также методы работы общества». Вопрос, который они ставят перед движением — «разумно ли это — работать в контексте основных существующих общественных, политических и экономических учреждений для достижения постепенного прогресса, или основная энергия должна быть направлена на изменение самих этих учреждений?» И добавил: «Они просто утописты. Мы, возможно, реформисты и всё такое, но мы знаем, как работать в контексте существующих в обществе учреждений — а они просто пускают дым».

Не совсем дым. Новые радикалы могли иногда быть скорее шумными, чем последовательными, иногда неудачи заставляли их предпринимать недостаточно хорошо спланированные действия, иногда они попадались в ловушки, будучи вынуждены выступить перед обществом, не выполнив как следует домашнего задания, — короче говоря, демонстрировали неудачи любой большой группы совершенно разных людей, выступающих на общественной арене против существующего положения вещей. Но в десятилетие восьмидесятых они внесли свой вклад.

Несмотря на различия, иногда существенные, что обычно объединяло радикальных активистов охраны природы — это основополагающая критика доминирующего антропоцентрического западного взгляда на мир и ощущение того, что переход к экологическому или биоцентрическому мировоззрению должен быть сделан как можно скорее, при активном и резком побуждении в случае необходимости. Эта чуткость была глубоко экологичной в смысле понимания реальной взаимозависимости между видами и местами их обитания (и обязательно ограниченной ролью человека в них), а также и глубоко радикальной, поскольку требовалось перевернуть вверх дном все ценности и убеждения (верования) индустриального общества. В общем, говоря словами философа Джорджа Сешнса, «это доказывает, что основные допущения, на которых зиждется

величественное современное индустриально — урбанистическое здание западной культуры, ошибочны и чрезвычайно опасны. Переход к экологически гармоничной парадигме потребует тотальной переориентации основного направления европейской культуры».

Среди проявлений этого нового радикализма выделяются четыре взаимопересекающихся направления.

Биорегионализм (bioregionalism) — идея, что землю нужно понимать как ряд зон жизнеобитания, определяемых топографией и биотой, а не людьми и их законодателями, впервые появилась в Америке. Человеческие общества представлялись организованными по биорегионам, исповедующими такие ценности как охрана и стабильность, а не эксплуатация и прогресс, сотрудничество и разнообразие, а не конкуренция и однообразие, децентрализация и разделение, а не централизация и монокультура; как говорилось в одной из первых формулировок, «биорегиональное движение стремится воссоздать широко распространённое понимание региональной целостности, основанное на возобновлённом критическом знании о целостности наших экологических сообществ и уважении к ним».

Само движение началось в Калифорнии в конце 1970-х годов, и к середине 1980-х оно уже охватывало около 60 местных организаций. Некоторые из них были собственно биорегиональными советами, например, Озаркс, Канзасская прерия, Долина Гудзона, Северозапад; у других, таких как Национальный центр воды в Арканзасе и «Друзья деревьев» в штате Вашингтон, были свои специфические интересы, соответственно их названиям; иные, в частности, Аппалачи, долина реки Колумбия, зона залива Сан-Франциско, Кейп Код, издавали периодические журналы по биорегиональным проблемам. Первый из ряда конгрессов континента, проводившихся раз в два года, целью которого было определить порядок действий в отношении природоохранных проблем и установить связи между всеми участниками движения, состоялся в Озарксе в 1984 г. С тех пор были проведены совещания в Мичигане, Британской Колумбии, Мэйне и Техасе.

Глубинная экология (deep ecology), впервые изложенная норвежским философом Арне Нейсом в семидесятых годах, была представлена в США, прежде всего, Джорджем Сешнсом и социологом Биллом Девиллом, который был соавтором её первого популярного изложения в 1984 г. В отличие от того, что Нейс назвал «мелким энвайронментализмом (environmentalism)» основного природоохранного движения, глубинная экология сосредоточивается на таких положениях, как: экологическое равенство, право каждого вида на существование и выживание с равной, присущей каждому из них «внутренней ценностью», независимо от его важности для человека; разнообразие и изобилие всех форм жизни, которые нельзя сокращать, оставляя только необходимые для удовлетворения «жизненно важных потребностей»; резкое сокращение человеческой популяции, так чтобы все остальные виды могли не только выжить, но и иметь достаточное местообитание для процветания; сохранение дикой природы как нетронутого местообитания, имеющего право на собственную ценность; самореализация человечества посредством снижения уровней потребления и использования ресурсов. Несмотря на сложность этих идей, они быстро нашли последователей в США — и во всём мире, включая Канаду, Австралию и Северную Европу, — и оказали особенно сильное влияние как на радикальных активистов, так и на учёных — философов.

Глубинная экология стала объектом яростных нападок со стороны ветерана-писателя Мюррея Букчина и ряда его сторонников, начиная с резкой обличительной речи на первом в США митинге Зелёных в Амхерсте в 1987 г. Букчин, который долгое время является анархистом традиционной левой ориентации и создателем того, что он сам назвал «социальной экологией», обвинил глубинных экологов в игнорировании социальных систем и их несправедливостей, в том, что они не видят «социальных корней» экологического кризиса; высмеивая биоцентризм как просто ещё один «центризм», он заявлял, что унизительно рассматривать людей как «просто один из видов» и назвал «мальтузианством» и «мизантропией» пропаганду сокращения населения. Этот спор, с разной степенью освещённости и горячности, продолжался несколько лет и во многих периодических изданиях, но в конечном счёте свёлся к тому, рассматривать ли экологический кризис как результат неправильного психологического отношения индустриального общества (материализм, гуманизм, технофилия), неспособного достичь гармоничных, духовных взаимоотношений с природой, что утверждали глубинные экологи, или считать его результатом неправильного социоэкономического устройства капиталистического общества (классовое господство, иерархичность, бюрократия) с его накопительным, конкурентно-рыночным отношением к природе, как считали социальные экологи. Как бы то ни было, — кризис.

Экофеминизм — синергическая смесь феминизма в духе 60-х с экологией в духе 80-х, с акцентом на связях между господством над женщинами и их эксплуатацией и господством над природой и её эксплуатацией, — и то, и другое как результат мужского господства в обществе. Вдохновляемый отчасти двумя книгами — «Женщина и природа» Сьюзен Гриффин (1978) и «Смерть природы» Каролины Мерчант (1980), экофеминизм пытался выйти за пределы прежних феминистских идей, в частности, поднимая вопросы, рассматривавшие женщину в более широком контексте, чем чисто экономический. «Почему женщина и природа связаны и принижены нашей культурой?» — спрашивала одна из первых его поборниц, Инестра Кинг. «Зависит ли освобождение одной от освобождения другой?» Он также пытался выйти за рамки того, что считалось ограниченностью других радикальных течений, поднимая вопрос об «андроцентризме», значении доминирования мужчин как настоящей сердцевины эко-кризиса, и о патриархате как важнейшем инструменте для понимания западного господства над природой. Как и глубинная экология, экофеминизм имел значительное число сторонников в студенческих общеклассовых, на женских курсах, — на философских факультетах особенно, и вызвал в это десятилетие настоящий поток книг и статей; кроме того, в эти годы было проведено несколько конференций экофеминистов, крупнейшей и наиболее представительной из которых была конференция в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе весной 1987 г.

Гипотеза Геи, сформулированная британским учёным Джеймсом Лавлоком в небольшой книжке, вышедшей в 1979 г., заключалась в предположении, что, поскольку Земля, совершенно очевидно, зарегулирована таким образом, чтобы поддерживать свою температуру, атмосферу, гидросферу на постоянном уровне с необычайной точностью миллионы лет, её вполне можно рассматривать как живой организм. Гипотеза Геи сразу стала популярной среди многих неспециалистов как удобная метафора для биоцентрических представлений о земле; она породила значительное число подобных исследований (а также конференций, маек, учебных групп, и океанское судно «Викинг»),

поддерживавших позиции, созвучные с этими радикальными воззрениями. Интересно отметить, что эта гипотеза, казалось, воплощала представления, не очень далёкие от представлений различных первобытных племён, в том числе американских индейцев. Как раз в это время освещались данные о них как об образцовых экологах: в мифах большинства индейцев земля представлялась единым живым существом, а потому поведение и мысли должны быть такими, чтобы обеспечить её безопасное, продуктивное существование.

Эти представления радикального природоохранного движения, естественно, способствовали возникновению в эти годы большого количества организаций, некоторые из них достигли национального уровня, в том числе:

«Земля — прежде всего!» («Earth First!» — «EF»), более или менее организованное выражение деятельной стороны нового радикализма, основанная у костра Дейвом Формэном и горсткой других разочарованных деятелей основного направления природоохранного движения в 1980 г. Намеренно неформальная, без национального штата сотрудников, внутреннего распорядка, официальной регистрации, даже без членства, она просто исповедовала принцип, что «при принятии любого решения соображения о здоровье земли должны приниматься во внимание прежде всего», и что при выполнении этого принципа «не может быть никаких компромиссов в защиту Матери-Земли». Вдохновлённые отчасти романом Эдварда Эбби «Банда гаечного ключа», члены группы «Земля — прежде всего!» твёрдо отстаивали позиции защиты дикой природы и её биологического разнообразия и сделали воинственность основной частью своей тактики, позднее включившей партизанский театр, разные проделки в средствах массовой информации, гражданское неповиновение, и, неофициально, «экотаж» (также называемый «обезьяны фокусы»): они повреждали бульдозеры и дорожно — строительные машины на общественных землях, вырывали вешки топосъёмки, спиливали рекламные щиты, ломали ловушки, и — их знаменитый приём — защищали произвольно выбранные деревья шипами, чтобы их не сносили и не распиливали. Нет достоверного способа проверить эти цифры, однако представитель «EF!» заявил, что такой «экотаж» обходился государству в 20 — 25 млн. долл. ежегодно.

При такой броской воинственности «EF!» сумела привлечь значительное число сторонников и к концу десятилетия включала уже более 75 отделений в 24 штатах (главным образом, на юго-западе и западном побережье), в Мексике и Канаде. Но ей пришлось поплатиться за свой успех: по словам Формэна, «с одной стороны, прилагаются объединённые усилия для того, чтобы умерить наш пыл, смягчить нас, очистить нас от пороков; с другой — появились попытки сделать из нас радикалов традиционного левацкого толка; и ещё -непрерывные усилия властей полностью нас уничтожить». Такое давление — включая проникновение ФБР, громогласный судебный иск против Формэна и других в июле 1989 г. и взрыв автомобиля с двумя активистами в мае 1990 г., — постепенно вынудило Формэна выйти из организации, а «EF!» в начале 90-х распалась на несколько соперничающих групп.

«Зелёные» Соединённых штатов», первоначально созданная как Комитеты по переписке на собрании в Миннеаполисе в 1984 г., приняла в качестве образца организацию «Зелёные Германии», 27 членом которой были избраны в бундестаг за год до того, и которая, казалось, указывала путь другим партиям Зелёных как в Европе, так и вне её. Американская

версия развила свои философские «опоры» из четырёх основ германских Зелёных (экологическая мудрость, социальная ответственность, демократия низов, ненасилие), добавив к ним ещё шесть (экономика отдельных районов, децентрализация, пост-патриархальные ценности, разнообразие, глобальная ответственность, устойчивость) — всеобъемлющая программа в духе Новых левых, предназначенная для всех слоев населения. Опасаясь чрезмерной заорганизованности «сверху донизу», первоначальные основатели сконструировали неуклюжую систему местных подразделений и региональных представителей, плюс информационно-аналитический центр («клирингхауз») в Канзас-сити, что и стало не слишком эффективным средством развития движения Зелёных в США в последующие семь лет.

Постепенно организация выросла до 200 местных отделений во всех 50 штатах, изменила своё название на Green Committees of Correspondence (позднее — U.S.Greens), и остановилась на создании платформы и руководящего органа, которые позволили бы ей принять общегосударственную форму, что и было подтверждено национальной конвенцией в 1991 г. Однако, разбитая фракционностью, резкими спорами по поводу тактики, особенно в части методов партии и предвыборной борьбы, Зелёные больше преуспели на местах, особенно на западном побережье (они баллотировались в Калифорнии в 1992 г.), чем на общенациональном уровне.

Природоохранное общество «Морские Пастухи» (Sea Shepherd Conservation Society) было основано Полем Уотсоном после того, как его выгнали из организации Гринпис за чрезмерную воинственность; оно стало средством, с помощью которого он реализовал своё предвидение, которое пришло к нему во время ритуала в вигваме Сиу, что его судьба — спасать океанских млекопитающих, особенно китов. С «флотом», состоящим из одного судна, он и его команда посвятили себя тому, чтобы быть полицией морей; им удалось обезвредить не менее семи судов, незаконно занимавшихся китобойным промыслом; они боролись с судами, занимавшимися незаконной рыбной ловлей с помощью ребристых сетей, в которых запутываются морские млекопитающие и птицы, и принимали непосредственные меры, не исключая и «экотажа», чтобы воспрепятствовать охоте на тюленей в Канаде, убийству дельфинов в японских водах и китобойному промыслу в Северной Атлантике. Эта организация, включающая около 15 тыс. членов, приняла лозунг: «Мы не говорим о проблемах — мы действуем», и она действительно живёт согласно этому лозунгу.

«Барабан планеты» (Planet Drum) — первая официальная организация биорегионального движения — была создана в Сан-Франциско в 1970-х, чтобы стать активным центром публикаций, докладов, спектаклей и семинаров, посвящённых этой новой философии. Благодаря своей газете «Raise the Stakes» («Повышайте ставки») и серии документов, поступавших из различных биорегионов и рассылавшихся членам организации, она стала эффективным цементирующим ядром всего движения; её программа «Зелёный город», разработанная с целью продемонстрировать, как биорегиональные идеи могут быть использованы в условиях города, стала моделью экологических платформ Сан-Франциско и других городов западного побережья.

Хотя диапазон радикальных природоохранных групп чрезвычайно широк и не всегда однороден, нет сомнения, что они отразили реально существующее течение

природоохранного движения, течение, которое оказало влияние прежде всего на местном уровне и на специфические проблемы, однако не раз оно побуждало к действию и организации государственного уровня. Как бы ни заявлял о себе радикализм 80-х — в форме «экотажа» или философских периодических изданий, семинаров или демонстраций, — он действительно поднял реальные вопросы — и ставки — Американского природоохранного движения.

***

К концу президентского правления Рейгана в 1989 г., как бы бросая вызов реакции Рейгана, природоохранное движение по всем его направлениям было сильнее, чем когда-либо прежде. Оно действительно росло полиморфно, и в столице, и в низах, разные его потоки тоже имели много различных организационных форм с огромным разнообразием ресурсов и многочисленными целями, — это движение, которое прошло путь от консервативной Лиги Исаака Уолтона и клубов любителей птиц старшего поколения до групп Морских пастухов и «обезьяньих фокусов» — оно, без сомнения, присутствовало на национальной сцене. Его присутствие ощущалось и среди профессиональной правящей верхушки мультимиллионных государственных офисов, оперирующей в высочайших коридорах власти, и в популярных многочисленных группах, побуждаемых NIMBY, которые сейчас можно найти почти в каждом мельчайшем населённом пункте страны, в огромном котле творческой и влиятельной радикальной мысли и непосредственного действия, и, наверное, в мириадах иных групп и влияний, которые не попадают ни в какую категорию. По крайней мере, оно было достаточно сильным, чтобы выстоять под ударами популярного президента, умевшего убеждать, — как отметил Стюарт Юдалл, «ясно, что в вопросах охраны окружающей среды Рональд Рейган восемь лет грёб против главного американского течения», — и выйти невредимыми, сохранив свои ценности, цели и энергию.

Постников Виктор.

Глубинная экология и децентрализация общества

2009, источник: [здесь](#).

На основе экоцентрической этики рассматриваются альтернативные капитализму пост-индустриальные социо-политические модели/движения, такие как глубинная экология, левый биоцентризм, биорегионализм, глобальные эко-деревни, пост-исторический примитивизм, и др. Анализируются принципы построения анти-капиталистического и анти-индустриального общества (децентрализация, пермакультура, локальная экономика, самодостаточность и др.)

Левый биоцентризм

Как пишет Дэвид Ортон [3], левый биоцентризм произошел из нескольких параллельных анти-капиталистических и анти-индустриальных течений в зеленом и экологическом движении, целью которых было сближение глубинной экологии и левой перспективы:

- "темнозеленой теории" Ричарда Сильвана [14]
- "социалистического биоцентризма" Хельги Хоффман и Дэвида Ортона [2,3]
- "экологизма" Эндрю Добсона [16];
- "радикального экоцентризма" Эндрю Маклафлина [15];
- "революционной экологии" Джуди Бари [13];
- "зеленого фундаментализма" Рудольфа Баро [12].

Прежде всего левый биоцентризм можно рассматривать как левое политическое крыло глубинной экологии [4]. «Левый уклон» биоцентристов означает их озабоченность классовыми вопросами и социальной справедливостью, но не ставит социальные вопросы выше биоцентризма, или экоцентризма как это делают левые партии ("Нет справедливости на мертвой планете"). В настоящее время это направление развивается в рамках международной дискуссионной группы, включающей активистов, философов, ученых, поэтов, экологов. Группа организовалась в конце 90-х по инициативе канадского философа-активиста Дэвида Ортона [3]. Группа выпускает теоретический он-лайнный журнал

Биорегионализм

Биорегионализм - политическая, культурная и экологическая система, основанная на естественной децентрализации путем выделения зон, называемых биорегионами, или экорегионами. Биорегион представляет собой также культурный феномен, и базируется на традициях, знании и решениях, принимаемых местным населением. Данный термин впервые выдвинут в работе Питера Берга и Реймонда Дасманна в начале 1970-х гг. Политика биорегионализма направлена против односторонней экономики и потребительского общества, наносящих вред окружающей среде. Данная политика стремится к следующему:

- Установить политические границы в соответствии с экологическими границами;
- Подчеркнуть уникальную экологию биорегиона;
- Способствовать потреблению местных продуктов;
- Способствовать использованию местных материалов;
- Способствовать культивированию местной флоры;
- Способствовать устойчивости и гармоническому развитию биорегиона.

Наибольшее распространение биорегионализм получил в Северной Америке.

Глобальные эко-деревни

Сегодня в мире насчитывается более 10 000 эко-деревень, связанных между собой в единую глобальную сеть (Global Ecovillage Network) [6]. Эко-деревни - это небольшие общины (от 20 до 500 и более членов) с тесными социальными связями, объединенные общими экологическими и духовными взглядами. Эти общины могут быть сельскими, городскими, высоко- или низко-технологическими, в зависимости от обстоятельств и интенции их членов. Например, Okodorf Seiben Linden - представляет собой совместное поселение 200 людей с минимальным потреблением энергии в сельской местности в Восточной Германии. Эко-деревня Los Angeles EcoVillage - небольшой район Лос-Анжелеса. Деревня Sasardi спрятана глубоко в тропическом лесу северной Колумбии. Старейшая в мире (с 1962 г.) эко-деревня Findhorn расположена на северной оконечности Шотландии. Общее между ними - глубокое уважение природы и построение самодостаточного сообщества с минимальным экологическим следом.

Пост-исторический примитивизм

Данная (теоретическая) модель основывается на работах Пола Шепарда [9, 10], призывающего к тому, чтобы мы заново открыли предисторию и вспомнили мифы (священные легенды) предков и не-человеческих Других. Он считает, что главный урок истории в том, что новейшая история человечества не может служить руководством для будущего, т.к. провозглашает независимость от прошлого опыта населяющих его людей, живущих или умерших, и от природной основы нашего существа. Вопреки глубоко укоренившимся предрассудкам, мы должны изучать аборигенные народы (которые не являются «примитивными» в уничижительном смысле), чтобы научиться жить экологически

в пост-исторические и пост-индустриальные времена. Этой теории придерживаются и другие глубинные экологи, в частности Джерри Мандер [11].

Радикальный биоцентризм Пентти Линколы

Радикальный биоцентризм Линколы [17] стоит несколько в стороне от рассмотренных выше моделей и основывается на принудительном радикальном уменьшении населения, отказе от техники и потребительского образа жизни. В настоящее время главный защитник такого перехода – финский эколог Пентти Линкола. Его программа, разработанная главным образом для Финляндии, несмотря на ее радикализм, не отличается по- существу от вышерассмотренных «левых» моделей. Единственное (важное) отличие в том, что Линкола выступает за авторитарное "зеленое" правительство и насильственный переход к новому состоянию общества (не питая иллюзий в отношении добровольного перехода граждан к новому образу жизни). Программа Линколы насчитывает 205 пунктов, и вызывает как восхищение одних, так и жестокую критику со стороны других. Тем не менее Линколу нельзя отнести к «фашистам», т.к. он против любого национализма и расширения той или иной нации, расы или биологического вида в ущерб остальным – главной характеристики фашизма.

Вывод

Глобальная экологическая катастрофа, провоцируемая чрезмерным антропогенным давлением, представляет собой главную угрозу для всего живого, в том числе для человечества. Требуется глубокое изменение сознания, уход от антропоцентризма и децентрализация власти. Некоторые идеологии экоцентризма, однако, скептически рассматривают возможность добровольного перехода больших масс населения к экоцентрической модели общества. Вопрос о допустимости насильственного перехода остается открытым.

Источники

1. В настоящее время англо-язычная версия <http://blogs.stuzog.com/dandeliontimes/#.VtBJGFuLTcs> прекращена. Русско-язычная версия "Время одуванчика" <https://victorpostnikov.wordpress.com/>
2. <http://home.ca.inter.net/~greenweb/>
3. Дэвид Ортон - Основные положения левого биоцентризма (<http://www.proza.ru/2008/10/18/491>)
4. Дэйв Гринфильд - Левизна глубинной экологии (<http://www.proza.ru/2008/10/18/396>)
5. Билл Меткаф - Самоподдерживающиеся общины (<http://www.proza.ru/2008/08/30/185>)
6. Albert Bates, Ecovillages – What Have We Learned? - Communities Magazine, issue #117. (Русский перевод <http://www.proza.ru/2009/05/24/580>)
7. В.Постников - Проект экоцентрической Украины – набросок (<http://www.proza.ru/2009/01/13/716>)
8. В.Постников - Русские корни «зеленого» анархизма (<http://proza.ru/2007/12/07/407>) (Гуманитарный экологический журнал, т.6, 2004, с. 60 – 68.)

9. Frederic Bender. 2003. *The Culture of Extinction: Toward a Philosophy of Deep Ecology*. Amherst, NY: Humanity.
10. Ф. Бендер, О призыве Пола Шепарда к пост-историческому примитивизму и палеолитической контр-революции (<http://www.proza.ru/2008/03/14/383>)
11. Jerry Mander, *In the Absence of the Sacred: The Failure of Technology and the Survival of the Indian Nations*. San Francisco: Sierra Club Books, 1991. (Русский перевод: «Когда не остается ничего святого», Эко-право, Киев, 2006, <http://biospace.nw.ru/books/mander.pdf>)
12. David Orton, Rudolf Bahro (1935 - 1997): A tribute, *Socialist Studies Bulletin_ No. 50* (Oct.-Dec. 1997).
13. Judi Bari, *Revolutionary Ecology*. <http://www.judibari.org/revolutionary-ecology>. Русский перевод <http://www.proza.ru/2009/08/30/1125>)
14. Патрик Кэрри, Экологическая этика. <http://proza.ru/2009/06/10/1056>
15. Andrew McLaughlin – *Regarding Nature: Industrialism and Deep Ecology* (Albany, State University New York Press, 1993.)
16. Andrew Dobson, *Green Political Thought: An Introduction* (London: Harper Collins Academic, 1990). A book review by David Orton. (<http://home.ca.inter.net/~greenweb/Ecologism.html>)
17. Пентти Линкола - Победит ли жизнь? <http://proza.ru/2009/09/03/406>

Несс Арне. Философские основания защиты природы

1995, источник: [здесь](#).

Лично я очень уважаю глубокие убеждения, содержащиеся в китайской, индийской, исламской, еврейской философиях, также как и в философии западной — а именно те, которые указывают конечную цель жизни. Они не скрываются того факта, что большая кошка съедает маленькую мышку, но анализируют глубокую взаимозависимость и функциональные единицы биосферы, и утверждают, что отказ от насилия, взаимное уважение и чувство единства всегда потенциально присутствуют даже между грабителем и его так называемой жертвой. В многих культурах, идентификация не ограничена просто другими живыми существами, но также включает минеральный мир, который помогает нам заселять отдельные регионы нашей планеты, фрагменты, способные так или иначе к преодолению бытия всех других фрагментов: микрокосм макромира. Философские основания современной защиты природы следующие:

1. Простая жизнь. Упрощение любых действий.
2. Склонность предпочитать действия наиболее прямые и конкретные. Аннулирование действий, которые являются просто вспомогательными, не имеющими никакой реальной ценности, или далеко отстоящие от основных целей.
3. Антиконsumerизм и минимальное количество собственности. Эта отрицательная ориентация следует из первого и второго положений.
4. Стремление извлекать максимальную радость и удовольствие из того, что ты имеешь.
5. Отсутствие или низкая степень «новофилии» — любви нового просто потому что это новое. Беречь старые и сильно изношенные вещи.
6. Стараться быть всегда занятым и рационально использовать время.
7. Не воспринимать как угрозу этнические и культурные различия среди людей.
8. Беспокоиться о ситуации Третьего и Четвертого миров и пытаться избегать чрезмерно высокого уровня жизни, превышающего основные потребности (всеобщее единства

жизненного стиля).

9. Отказ от улучшения жизненного стиля, которое очевидно невозможно обеспечить без несправедливости к сообществу людей или других видов.
10. Стремится к глубине и богатству опыта, а не к его интенсивности.
11. Оценивать и выбирать всякий раз, когда возможно, умственный, а не физический, труд.
12. Вести комплексную (но не сложную) жизнь; пытаться извлечь как можно больше позитивного из каждого момента жизни.
13. Стремиться жить в общине, а не в обществе.
14. Заниматься первичным производством — мелким сельским хозяйством, лесоводством, ловлей рыбы.
15. Стараться скорее удовлетворить жизнеспособные нужды, чем желания. Сопротивляться желанию «делать покупки» как отклонению, требующему лечения. Сокращение количества за счет использования старых, очень изношенных вещей.
16. Стремиться жить на природе, а не посещать красивые места, и предотвращать туризм (но иногда допустимо использование туристского снаряжения).
17. Когда находимся на природе, не оставлять после себя следов.
18. Оценивайте все жизненные формы, чем просто любоваться красивым, замечательным или узко полезным.
19. Никогда не используйте жизненные формы просто как способ. Ощущайте их реальную ценность и достоинство даже при использовании их в качестве ресурсов.
20. Когда имеется конфликт между интересами собак и кошек (и других любимых животных) и диких видов, необходимо защитить последних.
21. Прилагать усилия по сохранению местных экосистем, не только отдельных жизненных форм, чувствуя себя частью экосистемы.
22. Не только сожалеть о чрезмерно свободном обращении с природой как о явлении ненужном, неразумном и непочтительном, но осуждать это как наглую, зверскую, возмутительную и преступную эксплуатацию— без того, чтобы осуждать людей, ответственных за это.
23. Пробовать действовать решительно и без трусости в конфликтах, но остаться ненасильственным на словах и в документах.
24. Принимать ненасильственное направление действий.

25. Вегетарианство, полное или частичное.